

Е.М.Коростелёв

**День географа:
«Наследники Пржевальского»**

Санкт–Петербург
2017

ББК 26.8

Е.М.Коростелёв

День географа: «Наследники Пржевальского». Санкт-Петербург 2017. – 185 стр.

Содержание

Книга 1. За порогом романтики	4
Предисловие.....	5
Введение.....	6
Глава 1. Приладожье.....	9
Глава 2. В Крым.....	20
Глава 3. Экспедиционные этюды.....	42
Глава 4. Снегомерка.....	52
Глава 5. Письма из армии.....	63
Глава 6. Национальный парк.....	82
Книга 2. Будни	96
Послание.....	97
Глава 1. И долго будет Карелия сниться.....	99
Глава 2. Трещина.....	130
Глава 3. По ту сторону Уральских гор.....	153
Глава 4. Псковская модель: две жизни.....	161
Глава 5. Возвращение.....	171
Эпилог.....	185

Книга 1. За порогом романтики

Этот праздник случается один раз в году.

Зимой. В декабре.

Это день путешественников – настоящих и «застольных».

День романтиков и прагматиков, учёных и авантюристов,

Мореплавателей и писателей, седых профессоров и косматых бродяг...

Это их праздник.

И имя ему – День географа!

Предисловие

Желание стать географом в конце XX века у большинства людей вызывало недоумение, и человек, избравший эту стезю, вряд ли мог считаться умным. Взрослые, спрашивая: «кем ты хочешь стать», снисходительно улыбаются услышав ответ: «Географом! – Это пройдет»!

Христофора Колумба и Николая Пржевальского звали в экспедиции неоткрытые земли, которые в их времена существовали. Имена этих людей навек вошли в мировую историю, а портреты и барельефы заняли достойное место на стенах и пыльных шкафах музеев. Что же заставляет в наше время идти в географию «наследников Пржевальского»?

Когда я начинал писать географический дневник мне постоянно приходил в голову вопрос: зачем? Приятно выхватить отдельные моменты своей жизни, запечатлеть на бумаге один из лучших периодов жизни – молодость.

Период... Не живое слово – термин. Но за ним действительно стоит многое. Ты оставляешь на бумаге простые слова, но изредка заглядывая в них, ты становишься свидетелем удивительного превращения. Сухие строчки полевых заметок оборачиваются живыми образами минувшего. Нахлынувшие воспоминания вызывают из глубин сознания эмоции... И вот ты уже снова переживаешь жаркое крымское лето 1996-го, снежный март 1998-го на Карельском перешейке... Перед глазами встают лица друзей и знакомых далекой юности.

Со временем страницы дневника жизни перелистываются всё быстрее, образы людей меняются, как и ценность событий, превращая в калейдоскоп лица и годы, стирая в памяти мелочи.

Погружаясь в бездонный океан информации наступающего времени, личные впечатления растворяются в нём... и уже невозможно прочертить границу между реальностью и воображением автора. Между существующими людьми и образами...

С-Петербург, 2016

Введение

*Мне скулы от досады сводит,
Мне кажется который год
Что там, где я -
там жизнь проходит,
А там где нет меня – идёт.*
В.С.Высоцкий

Вот и наступила старость... Нет–нет! Не та старость, которая приходит к каждому прошедшему жизненный путь, полный бурь и невзгод. Пришла старость студенческая. Смею утверждать – есть и такая!

Что такое старость, кроме физиологических изменений в организме? Зрелость, жизненный опыт. Взгляд на события и вещи сформировался. Жизненная активность снижена и стабильна – период жизненного поиска и беспокойства души пройден, и нет больше того жара исканий себя в этом мире – эти этапы пройдены.

Особенно отчётливо течение времени видно в общежитии. Одно поколение студентов сменяет другое: пятый курс исчезает, его место занимает первый курс. Как правило, чем старше курс, тем меньше от него шума. С годами всё слабее узы родительской опеки и всё чаще приходится самому заниматься поиском средств к существованию. Всё сложнее смотреть на жизнь беззаботным взглядом первокурсников. Не вернуть и новизну впечатлений, отличающей их взгляд на жизнь от взгляда выпускника. Вот уже почти и не осталось знакомых лиц. И, кажется, даже стены общежития шепчут: твоё время прошло.

В последнее время замечаю за собой черту свойственную старикам – ворчливость! Глядя на резвящуюся «молодежь» - студентов 1–2 курса – так и хочется сказать: «Бешеные какие-то... мы были не такие!», «Вот в наше время...». Но вслух я этого не произношу, всё-таки совсем недавно я и сам был таким.

Недавно? Или всё-таки это было давно?

Тёплое солнечное лето 1994 года. Красивый и нарядный город Петра встречает Игры Доброй воли и тысячи абитуриентов. Вчерашних школьников приехавших из других городов испытать студенческого счастья в северной столице России. Среди прибывших из Карелии – я.

Моя мечта сбылась – я стал студентом Петербургского Университета. Какого? Разумеется, Государственного! Уже давно я хотел стать студентом географического факультета. Дальние страны, неисследованные земли, экзотические пейзажи – всё это манило меня с детства. Но, увы, романтика ныне не в почёте. Пообщавшись со своими однокурсниками убедился, что многих из них привело на факультет вовсе не «щмяющее чувство дороги».

Прошло пять лет. В общении со студентами разных факультетов и ВУЗов я убедился в существовании понятий: «дух факультета», «дух университета». Стены, в которых размещается ВУЗ, преподавательский состав, студенты разных курсов – всё это создаёт уникальное сочетание поведения и взглядов на жизнь, которое отличает студентов этого университета от других. И год за годом шлифуются в студентах качества присущие своему учебному заведению.

В моих товарищах существенней стала доля романтики. Во мне прагматики и реализма.

Я люблю свой факультет! И если бы мне предложили начать этот этап жизни заново – начал бы его так же!

Факультет вызывает у меня гордость. Нет – конечно, я уважаю и другие факультеты, как иначе? Уважая других – мы уважаем себя!

Представители каждой науки смотрят на мир через призму своих идей. Но мы же университетские – «universe», мы обязаны смотреть на мир вселенским масштабом. И география – «geography» - хорошо соответствует «universe».

Университет – основа основ! И для географов тоже, хотя в начале ХХ века это был отдельный, первый в мире географический институт. Именно Университет позволяет гордиться званием студента. В наше время студенты не относятся к элите, как это было до революции, а студенческие льготы урезаны до невозможного. И всё же имя, и статус, приобретённые университетом за десятки лет его существования, наряду с планкой вступительных экзаменов, позволяют гордиться местом своей учёбы.

Только имея высокий уровень амбиций и соответствующий уровень школьных знаний ты решишься поступать в Университет. Во многом благодаря этому в стенах Университета оказывается особая категория людей.

К окончанию Университета становится ясно и другое: здесь ты научишься только тому, чему захочешь. Если ты уверен, что можешь научиться только тому, как сдавать экзамены и через день забывать предмет, то будь уверен – этому и научишься. Но если ты хочешь постигнуть науку – то будь уверен – это, то самое место и ты не пожалеешь о выборе.

Я – географ, но я не застал дальних экспедиций – мираж далёких экзотических стран растаял ещё на первом курсе, и всё-таки я был на полевых практиках.

В памяти остались первые учебные практики на базах в Саблино и в Кузнечном. Это не просто наименования населённых пунктов, где размещаются учебные базы факультета. В этих словах – объединяющее начало, формирующее «полевиков» (географов, геологов и биологов).

Здесь вдали от городского шума, на лоне природы, где жизнь протекает по другим законам, происходит становление студенческого братства.

Здесь развиваются связи не только между курсами, но и между кафедрами, между факультетами.

Здесь в условиях непривычных большинству горожан, проявляются истинные качества – дружба, честность, любовь... - искренность их здесь намного выше, чем в городских джунглях. И именно эти романтические годы остаются в памяти навсегда...

Глава 1. Приладожье

Июнь 1996 г.

Рассвет на ладожских шхерах

«30 января 1996 года японским астрономом Хакутаке была открыта комета. Спустя два месяца она так приблизилась к нашей планете, что её можно было видеть невооруженным взглядом... В результате гравитационных воздействий на комету объектами солнечной системы, период прохождения её по орбите увеличился с семнадцати лет до семидесяти четырёх тысяч лет...»

Я отложил в сторону газету с заметкой о комете. Вот она жизнь. В природе всё влияет друг на друга, и даже кометы вынуждены менять свои планы. На соседней кровати лежал мой сосед по общежитию Серёга, с которым мы учились на одной кафедре. Белая футболка, черные «треники» и телогрейка. Серёга медитировал. Он был старше меня на четыре года, успел отучиться на двух курсах Московского физтеха, потом задумал круто изменить свою жизнь и, готовясь поступать на истфак МГУ, поступил... на геофак в Петербургского Университета!

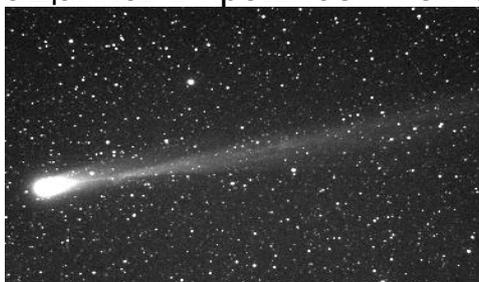
Профессии географа нас обучали в течение всего учебного года, который у полевых специальностей имел третий учебный семестр – летний полевой. Именно в «поле» можно по-настоящему освоить полевую специальность. Для географов Питера особую роль в этом играло Саблино, небольшой поселок в Ленинградской области. Прежде чем распасться на десяток специальностей нам давали возможность почувствовать себя едиными географами и пройти общий набор романтический, практичных и просто интересных практик: геологию, геоморфологию, геодезию, климатологию, гидрологию, почвоведение, биогеографию. Мы знакомились с методами изучения Земли, приборами, учились работать в команде. Для большинства городских студентов это была еще и возможность учиться жить самостоятельно

без родительской опеки почти два с половиной месяца. Для нас же жителей общаги это была возможность испытать приключение и выйти за рамки обыденности: мы пытались исследовать Саблинские пещеры (не смотря на запрет посещения), сплавлялись от Тосненского водопада на рейках до базы и делали еще многочисленные безумные вещи так свойственные нашему возрасту.

На втором курсе, уже начав обучение на выбранной кафедре, мы объединялись еженедельно в субботу для выезда на спортивную базу университета. Тридцать минут электрички и на несколько часов мы погружались в знания об организации походов, учились основам передвижения по снежно-ледовым склонам, постигали основы первой помощи, знакомились с вязанием узлов, ориентированию на местности и способам разведения костра. Всё это входило в специальную дисциплину – Профессионально-прикладную физическую подготовку.

Общежитие же (для иногородних) в течение всего года, тоже было своеобразной школой жизни, где самостоятельно готовили еду, стирали, шили, рассчитывали деньги и учились жить без них. Только в этот год жизни в нём мы стали свидетелями нескольких серьезных мордобоев, пьянок, которых сторонились, попали под рейды ОМОНа и подружились со старшекурсниками.

Я отвернулся от медитирующего Серёги и, закрыв глаза, попытался представить комету, однако яркая комета, почему-то стремительно исчезала за видом деревянных домиков, разбросанных по берегу пропитанного синевой озера, скрытых зеленой стеной тайги. Мысли невольно возвращались в прошлое – на неделю раньше...

* * *

Июнь для географов «святая» пора. Если для большинства студентов это месяц означает начало сессии, то для нас это начало полевой практики. И мы, жители общежития на Васильевском острове, готовились на две недели покинуть нашу комнату.

Нам предстояло получать новые профессиональные навыки в пос. Кузнечное (на Карельском перешейке), где располагалась база Петербургского университета. Строго говоря, мы там уже были после первого курса, проходя практику по ботанической географии (знакомство с закономерностями произрастания растений), но сейчас мы ехали не всем курсом в сто человек, а лишь коллективом кафедры –

единомышленники и товарищи. К вечеру, накануне отъезда мы съели все запасы еды, собрали рюкзаки и расправляли кровати, готовясь ко сну, когда вдруг выяснилось, что завтрашний отъезд отменяется.

Эту весть принесла Настя – сокафедренница, живущая в полутора километрах от общежития. На базе, по словам Насти, отсутствовало электричество и газ. Туман будущего должно было развеять завтрашнее собрание на кафедре.

Утром следующего дня в нашу комнату ворвался разъяренный широкоплечий парень. Мишка – наш однокурсник, сокафедренник и друг влетел в комнату и скинул на пол огромный рюкзак.

- В чём дело мужики? – вопрос был адресован нам, но на самом деле он был риторическим.

Михаила, так же как и меня, привело на кафедру «щемящее чувство дороги» и заряд романтической энергии. Будучи сыном офицера, он с кровью родителей впитал любовь к путешествиям, великолепную память и чувство локтя. Поэтому для него было странно осознавать, что его, живущего в двух с половиной часах езды от географического факультета (в г. Ломоносов), и имеющего домашний телефон, друзья и одноклассники не предупредили об отмене поездки. Встав в четыре утра, он поехал в сторону Финляндского вокзала, используя всё что попадалось «под ногу»: автобус, электричку, метро и в половину восьмого утра стоял возле паровоза на Финляндском вокзале. Причём стоял в одиночестве, не обнаружив ни одного знакомого лица. Мы же, едва продрав глаза ото сна, стоим перед ним, явно зная об отмене поездки, в то время как ему пришлось с громадным рюкзаком ехать в общагу, чтоб прояснить ситуацию.

Пока мы одевались и заправляли кровати, стало ясно, почему наш друг не отправился в Кузнечное один, что было вполне реально, учитывая строгость договора об отъезде, и Мишкину ответственность. Предвидя возможные перебои в передаче информации, руководитель практики отправила к месту встречи лаборантку кафедры Веронику. Последняя, щёлкая орешки возле паровоза, встретила Мишку и объяснила ему причину отмены. Чтобы хоть как-то смягчить возмущение, отразившееся на его лице она, вежливо предложила орешки: «Не хотите?».

Рассказывая об этом, Мишка трясся от возмущения! Подобное поведение было не свойственно нашему другу, который за два года совместного обучения зарекомендовал себя человеком спокойным и доброжелательным.

На собрании мы услышали обнадеживающую новость: практика откладывается «всего» на три дня. За это время все коммуникации обещали восстановить. Новость обнадеживала в основном потому, что за три дня люди с голода не умирают. Дело было в том, что всю денежную наличность мы отдали в фонд практики. А без денег в городе, да при съеденных-то запасах не особо весело жить.

Проведенное в общежитии исследование показало: из пищи в комнате присутствует лишь мука, в соседних комнатах ребята отсутствуют – все разъехались по практикам. Значит, занять денег возможности не было.

Над нами нависла костлявая рука голода. Впрочем, Серёга тут же попытался пожать эту руку. Он, в отличие от нас, уже давно был не понаслышке знаком с различными методиками оздоровления. В прошлом году, решив отправиться на каникулы домой в Челябинскую область, где он раньше жил с родителями, ему пришлось голодать четыре дня дороги. Но доходить до крайности не хотелось и порывшись в карманах висевшей в шкафу зимней одежды, мы наскребли ровно столько мелочи, чтобы купить килограмм гречневой крупы и пол буханки ржаного хлеба.

В ожидании, когда можно будет попасть на базу, я изучил вдоль и поперек весь Невский проспект, и обошёл все туристские магазины Питера мечтая о настоящих экспедициях.

Как мы не тянули дни гречей и порционными кусками ржаного хлеба, вечером накануне отъезда в ход пошла мука. На ужин мы сварили её в соленой воде и, насытившись, легли спать в надежде завтрашнего отъезда.

* * *

В семь тридцать утра мы в полном составе стояли возле знаменитого паровоза – месте встреч на Финляндском вокзале. Серое небо над головами пытается навеять грусть, но желание ехать так велико, что радостные улыбки не могут стереть никакие невзгоды природы.

Одиннадцать девушек и шесть парней – состав кафедры физической и эволюционной географии Петербургского Университета. Мы разные, но мы все любим путешествия. Мы любим Природу. И даже у стоящих рядом с нами девушек – студенток заочного и вечернего отделений третьего курса – те же приоритеты. Все группы возглавляет Эльвира Евсеевна – учёный секретарь и «родная мама» нашей кафедры, благодаря хлопотам которой за этот год ни один студент из присутствующих не был отчислен из её рядов.

Три часа пути за разговорами и смехом пролетели почти незаметно. Пос. Кузнечное – короткая платформа, небольшие деревья, зеленые домики железнодорожной станции.

В историческое время места, в котором расположился посёлок были центром напряженных отношений русских, шведов, карел, и, позже, финнов. Почти сто лет, в XVII в., эта территория была частью Швеции. Да и в настоящее время эта территория являлась пограничной зоной, со всеми вытекающими последствиями: проверка документов, контроль и учёт.

Вещи до базы, расположенной в двух километрах от станции, на берегу Ладожского озера самим нести не пришлось. Нас встретил

«коренной», самый старый ее обитатель – конь Руслан, сопровождаемый завхозом базы Александром. Было не вполне ясно, кто кого сопровождал: Руслан, не пивший на работе, стоял на своих копытах куда тверже завхоза. Флегматичный конь был списан несколько лет назад из местного совхоза и доживал свой век на базе. Травка на лугу, обедки из столовой базы, что ещё нужно коню, чтобы встретить безоблачную старость? Только студенты не давали ему окончательно состариться, пытаясь каждый год его оседлать, что, впрочем, удавалось далеко не всем.

На телеге поместились все наши вещи плюс студентка – Лена своим телом придерживающая вещи.

Идти «налегке» было весело, не смотря на начавшийся дождь. Над головами девушек выросли разноцветные грибы зонтов. Сорок минут с шутками и прибаутками мы прошли резвой рысью, примерно со скоростью Руслана шедшего в голове колонны.

Большая синяя табличка: «Петербургский Университет. Приладожская учебно–научная станция (ПУНС). Посторонним вход воспрещен». Посторонними мы себя, после прошлого лета не считали, поэтому смело зашли внутрь.

Территория базы расположилась на берегу красивого озера Суури (или Волковского) имеющего форму расплывающейся синей кляксы. Три островка поросшие лесом украшали его водную поверхность.

Большинство жилых зданий разбросаны по озерной террасе, причем стояли они не скученно в одном месте, а были разнесены на десятки и даже сотни метров. До советско-финской войны 1939 года здесь стояло три финских хутора. До сих пор терраса была изрезана линиями прокопанных финнами дренажных канав, препятствующих её заболачиванию. Сейчас канавы оплыли и местами тропинка, ведущая к бараку, исчезала в лужах грязной жижи.

Вообще, эта университетская база, в отличие от первой геобазы Ленобласти в пос. Саблино, напоминала по своему удалению от населенных пунктов и красоте природы, базу отдыха. Хотя можно ли назвать базой отдыха, место, где умывальник расположен от жилья в тридцати метрах, туалет в сорока, а столовая в ста?

Сам жилой барак – вытянутое дощатое сооружение тридцати метров покрытое синей краской, с входом в центре – построенный несколько десятилетий назад с печным отоплением и полной комплектацией комаров в комнатах.

Для жителей Кузнечного территория базы являлась частью дороги между посёлком и Ладожским озером. Поселковая молодёжь интересовалась базой, как местом, где можно познакомиться с представительницами прекрасного пола из города.

Студенческое общежитие Приладожской станции

Годом раньше это привело к ситуации, вошедшей в анналы истории географического факультета. Студент заочного отделения геофака и мастер спорта по боксу проходил практику по ландшафтоведению. Нужно сказать, что студентов спортфаков (то есть тех, что выступали за университет) всячески поддерживали в университете, даже если их успехи в учебе были более чем скромны. Страдая от интеллектуальной нагрузки, студент–боксер ходил в тапочках по каменистым холмам пытаюсь разобраться в разнообразии окружающих его ландшафтов.

На беду, поселковые ребята пытались найти на базе место, где можно употребить спиртное, купленное в сельпо. Один из студентов, проходивших практику, вежливо указал им, что здесь не место для «пития». За что, обидевшиеся местные украсили его глаз «фонарем». Ретируясь от «местных», студент не только засветился перед очами руководителя практики, которая тут же побежала вызывать милицию, но и попал в поле зрения боксера вернувшегося в барак с букетом–гербарием. Решив, что зло не должно остаться безнаказанным, боксер отправился «разобраться». Благо «местные», не ожидая опасности от студентов, расположились прямо перед баракком.

Легкими движениями рук он «построил» любителей выпить.

Далее история умалчивает как, но местные, сбегав с базы, – были захвачены прибывшим нарядом милиции. Так что мало того, что они получили синяки от боксера, но ещё и попали в милицию.

Удачнее всего эта история закончилась для боксера. Руководитель практики решила, что в свете произошедших событий студент заслужил зачёт. Такие истории были не редкостью, но, к счастью, и часто не происходили.

Комнату мы выбрали без труда. К нашей радости в ней не было комаров (после прошлогодней практики о зверствах здешних комаров каждый был знаком не понаслышке) и, к огорчению, электричества. Девушки нашей группы, а также заочного и вечернего отделений, заняли почти всё правое крыло барака.

Радоваться новости, что мы начнём работать завтра с утра, нам не пришлось. Всех мужчин, нужда (в лице женского коллектива) и долг (в лице руководителя практики), отправили в лес собирать дрова для печек – ночами ещё было прохладно и сыро. Почти два часа мы пилили, рубили, кололи и носили к бараку все, что могло гореть и приносить тепло в наше жилище.

К сумеркам, над печными трубами колыхался серо-сизый дым, исчезающий в темнеющем небе. Над базой стояла тишина. Шум древесных крон, качающихся на ветру воспринимался как часть природной тишины, расслаблял и убаюкивал. Озеро спряталось за белым облаком тумана. Проходя по коридору мимо нашей комнаты можно услышать звук гитары и слова песен российских рок-групп: «ЧиЖ и Ко», «Аквариума», «Кино», «Чайф». Гитара слушается Сергея – нашего городского друга и сокафедренника. Особенно вызывает оживление «бытовая романтика» группы «Чайф».

Впервые я увидел Сергея на подготовительных курсах перед поступлением на факультет. Там он производил впечатление типичного студента: в очках, джинсовом костюме, с вечно взлохмаченными волосами и томиком произведений С.Довлатова в руках. На практике выяснилось, что он великолепно играет на гитаре, аккомпанируя себе губной гармошкой. Репертуаром его песен были не барды, а представители отечественного рока. В общем, образ Сергея был очень привлекателен для женского пола, среди которого он пользовался авторитетом и симпатией. С рассветом база затихла. Первый день практики плавно перешел во второй...

За окном серая пелена дождя. Вставать не хочется. Тем не менее, это необходимо, если мы не хотим выходить в поле голодными. Встали все, кроме Сергея. Мишка трясёт друга за плечо.

- Сергей вставай! На завтрак опоздаешь!

Сергей, открыв один глаз, ясным голосом произносит.

- Я контролирую ситуацию, – после чего глаз закрывается.

И действительно, пока мы влезаем во влажную одежду (бр-р-р) Сергей успевает встать и присоединиться к нам.

После завтрака возвращаемся в барак затаившись в теплой комнате. О работе в сыром лесу даже не идет и речь. В голове, почему-то вертится вопрос не о том, что время практики проходит, а о том, как найти сегодня сухие дрова в лесу. После обеда в лесу подсохло и начались полевые работы.

* * *

Краткий экскурс по местности, уже исхоженной в прошлом году. Но в этот раз она совершенно по-другому предстает перед нами. Теперь все элементы природы, на непосвящённый взгляд независимые друг от друга, создают стройную картину. Как химические элементы уложились в упорядоченные ячейки периодической таблицы, так и природные части: почва, растения, деревья, формы земной поверхности, воды – всё вдруг оказывалось во взаимозависимости и взаимовлиянии, причем столь очевидном, что было не понятно, как мы могли раньше этого не замечать?

Еще в городе мы получили карты своих предполагаемых участков и разделились на бригады. Теперь все бригады рассыпались по участкам, осваивая ландшафтоведение, теорию которого нам уже два года читали в университете. Мы с Серёгой объединяемся с двумя милovidными и флегматичными девушками нашей кафедры Юлей и Катей.

Объединяет Юлю и Катю единая «малая родина» – Металлострой, ближайший пригород Петербурга, где они вместе учились в школе. И ходят они почти все время вместе. Юлька более активная, с рыжеватыми волосами. Катя более худая и спокойная, русоволосая. Но в них обеих чувствуется страсть к путешествиям и этим они симпатичны. Кроме того, к нам присоединяется Вика – домашняя, спокойная девушка.

Вот сельговый холм (выход гранитных пород на поверхность), на первый взгляд ничем не примечательный. Но если копнуть почву на вершине, склоне и у подножия, то вдруг станет ясно, что она не одинакова по толщине (на вершине ее мощность составляет не более двух–трёх сантиметров). А если начать описывать растительность, то вдруг проявится связь между растениями, устроившимися на вершине холма и внизу. Более того, даже расположение склонов холма относительно сторон света, тоже влияет на произрастающие виды растений.

В оставшееся время от первого дня работы мы провели в спорах.

Серёга говорил, что нужно сделать, чтобы правильно выполнить работу. Юлька пыталась обосновать свой взгляд на выполнение работы. Иногда в спор встревала Катя. Вика стояла чуть в стороне и улыбалась, судя по виду её устраивал любой вариант подхода к работе. Я же демонстративно отошёл в сторону – споры я не люблю. Точнее не люблю с первого курса. С того самого момента как я стал свидетелем спора о том, что есть география – наука и в чем суть отношений между людьми. Спор проходил между подвыпившим старшекурсником, зашедшим в нашу комнату, дабы найти собутыльников и Серёгой, ярым противником алкоголя. Суть спора ушла из моей памяти, но сам процесс произвел на меня глубокое впечатление. Серёга, будучи сформированным, за годы учебы в МФТИ, математиком, в совершенстве владел логикой и софистикой, поэтому, не смотря на опыт «старого

географа» в жизни и географии, им не удалось убедить друг друга в своих воззрениях. Кончилось это дело тем, что «старый географ» не найдя в нас единомышленников по совместному застолью, и не сумев убедить моего друга в своей правоте, обиженно ушёл, хлопнув дверью. Зато я, будучи свидетелем их словесной схватки, понял, что спор может быть бесконечным и бессмысленным, не приводить к единому, компромиссному мнению, и с тех пор старался спорить меньше. Поэтому я демонстративно зевал, показывая своей бригаде, бессмысленность этого занятия.

- Вы посмотрите! Одни работают, рождая в споре истину, а кто-то стоит и зевает! Лодырничество!! – услышал я возле себя громкий голос и даже вздрогнул от неожиданности.

Бородатый крепкий мужчина в камуфлированной форме остановился возле нас и с удовольствием разглядывал бригаду.

Я одновременно попытался вспомнить его имя и объяснить, что «зевал я театрально для того...», но секунду постояв, он уже удалялся по тропинке в глубь леса. Дмитрий Викторович – вспомнил, наконец, я. Он был профессором нашей кафедры, занимался изучением озёр, и входил в группу кураторов учебной практики. Пока он у нас ничего не читал, и я не мог сказать о нём ничего, но то, что я произвёл на него впечатление «зевающего бездельника» меня не радовало.

После ужина в нашей печке весело потрескивали поленья полыхая рыжими языками огня. В какой-то момент в коридоре рядом со мной появилась симпатичная девушка с тёмно рыжими волосами из комнаты напротив, пыталась безуспешно растопить свою печь. На девушке была красная клетчатая рубашка, на рукаве нашивка: эмблема турклуба Университета, как узнал я позже.

Я не без удовольствия предложил ей свою компетентную помощь, которая с не меньшим удовольствием была принята. Заодно и познакомились:

- Людмила! – представилась она.

- Женя! – ответил с улыбкой я.

«Слава» о человеке растапливающим печки молниеносно прошла по бараку и мне пришлось развести огонь ещё в нескольких печах. День, а за окном было уже глубокая ночь, мы закончили традиционным вечером песни. Но в восемь двадцать уже подъем на завтрак. Потом работа под пасмурным небом: раскопанный почвенный шурф рассказывает нам о каждом слое почвы, образовывавшемся не одно столетие.

«Анкетирование» растительности: определение всех видов растений на участке, её размер, обилие и название ассоциации. Сытный обед тянет полежать в кровати, но мы вновь в поле. Дождь. Работа. Ужин.

* * *

Свободное время мы с Михалычем решаем посвятить походу на Ладогу. Дело в том, что база стоит у самого начала шхерной части озера. Здесь на севере озера расположилось более полутысячи каменистых островов. Но главное, что эти острова образовывали цепочки извилистых заливов и проливов, что делало этот район озера очень красивым.

Вернулись мы затемно. В бараке было шумно и людно – приехала группа биологов–орнитологов.

Важную часть нашей жизни занимал процесс обеспечения нас питанием. Разумеется, для приготовления пищи нас не привлекали – для этого приглашали поваров. Приходилось дежурить – мыть, носить, чистить. Впрочем, повара – это отдельная тема. От прошлого года об этих людях приглашаемых из городской столовой, у меня остались странные, но «уважительные» впечатления – я и не предполагал, что гречневую или рисовую кашу можно приготовить так, что она с трудом будет «пролазить в глотку».

Видимо «слава» об этих «специалистах» дошла и до начальства базы. В этом году повара пригласили из числа местных жителей посёлка Кузнечное. Она буквально творила чудеса. Из провианта, закупленного на наши деньги, который мы выгружали в столовую (довольно таки посредственного), она умудрялась готовить такую «вкуснятину», что мы часто подходили за добавкой. И если в котлах оставалась еда, то она с улыбкой выдавала нам новую порцию: «Ешьте ребята, вам мужчинам надо много есть!».

Мытье котлов и столовой не занимало много времени, и у дежурных образовывалось свободное время. В моё дежурство ребята попросили меня сходить в поселок купить сигарет. На вопрос: что за сигареты нужны? Я получил ответ: «Хорошие! Не маленький, сам разберешься». Для некурящего человека стенд с сигаретами увиденный в магазине рождал много вопросов. Но я нашел выход. Я вспомнил, что мой дедушка в свое время очень уважал редкие болгарские сигареты – «Родопи». Их я и приобрел на деньги, выделенные мне курильщиками. Больше ко мне с просьбой купить сигареты не приставали.

* * *

В пятницу для нашей бригады, наконец, наступило долгожданное разнообразие: началась практика по озероведению. Её возглавил Дмитрий Викторович. Четырёхчасовая экскурсия на лодке по маленькому Суури, показалась приятной прогулкой и разительно отличалась от хождения по лесу. Промеры глубин, которые мы делали, стали основой карты глубин озера. Каждые десять гребков мы забрасывали лот, хитрое устройство с крышкой, позволявший взять пробы донных отложений.

На базе Настя, наш главный знаток английского, нашла общий язык с группой шведских ученых приехавших изучать типичную

российскую тайгу. Они поражались нашим не обустроенным лесам – настоящей тайге. Мы удивлялись, что они пьют водку из горла.

Вечерами студентки–заочницы устроили песенное–плясовое безумство, которое разносилось по всему бараку. Наибольшей активностью среди них отличалась понравившаяся мне Людмила.

«Течёт шампанское рекой

И взор туманится слегка....»

Любимая песня не объективно отражала состояние их стола. У них не то, что шампанское не текло ручьем, даже вина не было видно.

В субботу мы сделали большую часть работы. А студентки–заочницы и вечерницы в тот вечер весело и с размахом праздновали окончание работ. На следующее утро, когда мы пошли дорабатывать участок, они уехали в город.

В последнюю ночь в памяти всплыла вереница образов, связанных с практикой: задержка с приездом, заготовка дров, печки, комары, дождь и прекрасная девушка, ставшая символом женской красоты.

Ну, а главным результатом практики должна была стать ландшафтная карта, на которой отразятся все природные закономерности, выявленные нами во время работы.

Город – красивый и величественный и, в то же время, шумный и пыльный встретил нас по-будничному. Позади осталось тихое и красивое место. О желании вернуться туда высказались все. Будет ли такая возможность не мог сказать никто. Так же, как и о том предстоит ли нам этим летам дальняя практика – денег на неё пока университет не выделил.

И вот сейчас спустя неделю, после практики в Кузнечном, оставалось присоединиться к моему медитирующему другу, ожидая решение вопроса с поездкой в дальние края.

Глава 2. В Крым

Июль 1996

Закат на крымском побережье Чёрного моря (Учкуевский парк)

На юг

Только заняв свое место в душном вагоне поезда, я окончательно осознал – все-таки едем! Едем, несмотря на мытарства последних двух недель... Нет, скорее, последнего полугодия. Основная учебная практика для студентов физико–географов – ландшафтоведение. Исследование природы как закономерной системы её элементов: растительности, почвы, форм рельефа. Не выезжая на природу, трудно стать хорошим специалистом своего дела. Практика в Крыму – быть или нет? Вопрос возник в мае. Но особенно остро все почувствовали его после возвращения из Кузнечного, где проходила первая часть практики. В былые годы, на вторую часть – изучение горных ландшафтов, студентов вывозили в Алтайские горы и в Туву, где факультетские ученые проводили ежегодные исследования. Но со временем денег стало меньше и дальнюю практику «перенесли» поближе: на университетскую геологическую базу в Крым. Крымские горы, конечно не Алтайские, со средней высотой в 500 метров над уровнем моря, но, тем не менее, значительно отличаются от природных условий северо-запада России.

В общем, о том, что практика всё-таки для меня состоится я узнал в день отъезда, когда получил деньги на поездку в университетской бухгалтерии. Нам выдали ровно половину от обещанного. Вторую часть денег пообещали отдать сразу по возвращении.

Четвертое июля 1996 года. 17.00 московское время на Московском вокзале в Петербурге. Шестнадцать студентов, из которых большинство

девушки, собираются у памятника Петру I в здании вокзала. Мы едем в одном поезде, но в разных вагонах. Путем сложных переговоров удалось добиться одной плацкарты (разумеется, у туалета), где сразу собралась вся группа. Время проводили соответственно статусу студентов: исполнение песен российского рока под гитару, уничтожение взятой в дорогу еды. Сон, самое непопулярное время препровождения – сокращен до минимума.

Впрочем, двое суток большой срок, поэтому в какой-то момент группа заболела «картоманией» – одни играли в игральные карты, другие рассматривали географические карты Крыма.

Остроты поездке добавило пересечение поездом российско–украинской границы. Российские пограничники, весело улыбаясь, пробежали лучом фонарика по нашим лицам и, не досмотрев группу, рванули к выходу, мелькнув зелеными фуражками, потому что поезд тронулся, не дожидаясь их ухода. Ещё через некоторое время появились «хлопцы» в голубых форменных рубашках украинской таможни. Через минуту прошел паспортный контроль. К этому времени нашим девушкам стало совсем скучно, и они начали свое общение с подошедшими сотрудниками паспортной службы шуткой: «у нас нет ни наркотиков, ни другой контрабанды». Разозленные пограничники незамедлительно «нашли нарушителя»: Серёгу, у которого в паспорте, выданном в СССР отсутствовал вкладыш о гражданстве Российской Федерации. Ему было предложено проследовать для составления протокола и на этом закончить свое знакомство с природными условиями Украины в целом и Крыма в частности. Пришлось бежать за подмогой и беспокоить руководителя практики Михаила Ивановича, который, как истинный лидер, незаметно осуществлял руководство нами из соседнего вагона.

Спокойно и не торопясь, он выслушал наш сбивчивый рассказ, надел тапки и взял свои документы, в числе которых было его депутатское удостоверение. Через пять минут Серёга был возвращен, к всеобщей радости в нашу компанию, а Михаил Иванович показал силу своего политического и ораторского искусства.

Приезд

С симферопольского вокзала, куда, наконец, прибыл поезд, наши вещи уехали на машине, присланной с базы, мы же воспользовались услугами местного железнодорожного транспорта. До отхода электрички было еще около часа, и мы решили окунуться в привокзальную будничную жизнь. Только для этого потребовалось сначала конвертировать российские рубли в украинские карбованцы. Держа в руках стотысячные банкноты, трудно было воспринимать их как деньги. Они ощущались как какая-то промежуточная бумага, между деньгами и товаром. А товара здесь было видимо – не видимо. О чём без смущения кричали торговцы.

- Горячие манты!
- Свежие батоны!
- Холодная ряженка!!
- Молоко...!
- Копченая курица!!!
- Спелые персики!!
- Сладкие абрикосы!
- Арбузы! Арбузы!!

Несчетное количество прохладительных напитков, разбираемых в июльской летней жаре мгновенно. Крымское Солнце невыносимо палило высоко в небе, но что такое жара и духота нам предстояло узнать в электропоезде. В пути я почувствовал, что моё тело переходит из твердой фазы в жидкую, и я начинаю стекать в кроссовки.

Спустя полтора часа мы стояли перед воротами с надписью «Петербургский Университет. Крымский научно-учебный центр». Чуть ниже был приколот белый лист, на котором оранжевым фломастером была выведена надпись: «Привет физ-географам!». Приятно знать, что студенты-геоморфологи, приехавшие двумя неделями раньше, не забыли о нашем прибытии.

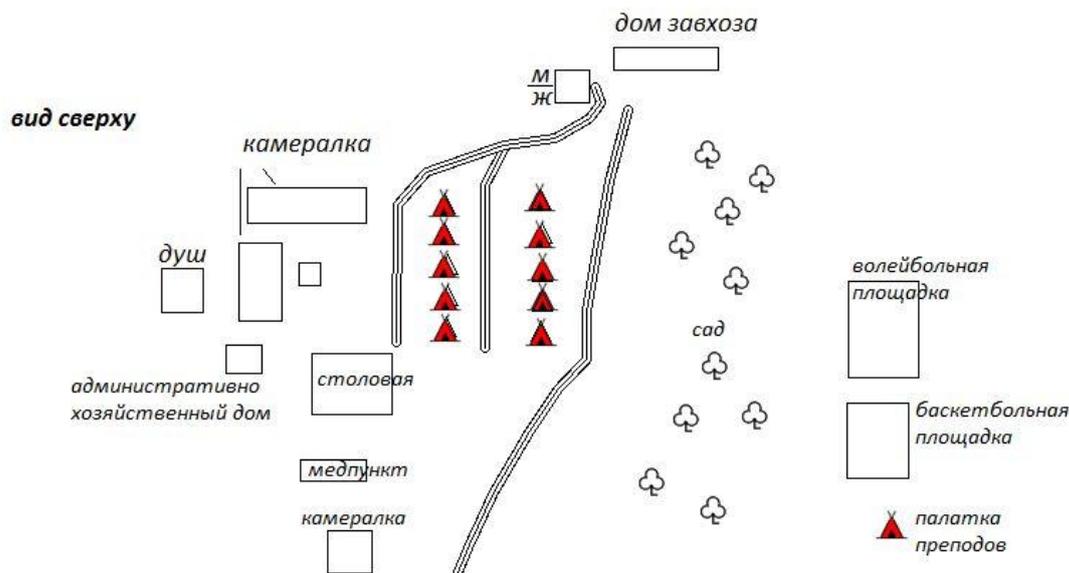
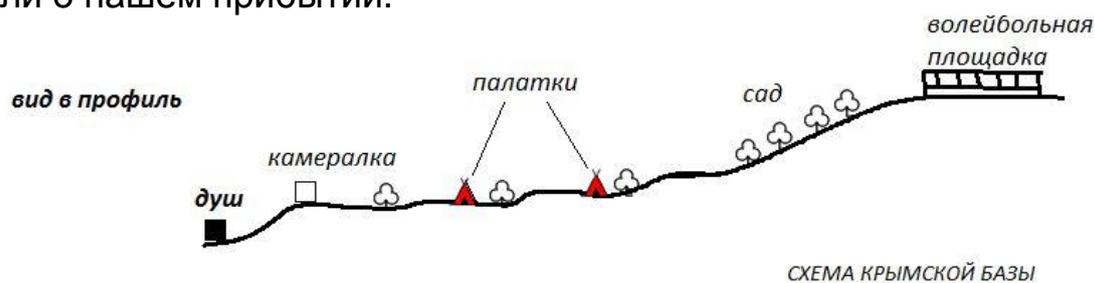

Схема Крымского научно-учебного центра

База расположилась на склоне горы небольшого населенного пункта - Трудолюбовка.

Самое монументальное сооружение базы – столовая с красными мягкими стульями, стоящими вокруг пятнадцати больших столов.

Административный корпус для совещаний руководства, медпункт и помещение для камеральной обработки полевых данных (проще говоря «камералка») – тоже каменные здания. Ярко зеленый теннисный стол, где день и ночь слышался стук теннисного шарика (геологи проводят чемпионат факультета). Спортплощадка с волейбольной сеткой на самой вершине горы (стоило мячу покинуть площадку, бежать за ним приходилось к её подножью). Старая гильза от снаряда приспособленная под гонг, звон которой объявлял о подъёме, приёмах пищи и общих сборах. Туалет и душ завершали перечень необходимых для нормальной жизни сооружений.

Сами студенты жили в больших военных палатках раскинутых на бетонных площадках. В каждой палатке по 4-8 койко-мест. Кажущаяся комфортность жизни в палатке в условиях теплого южного климата оказалась на поверку серьезным испытанием. Большинству приезжающих в этот край, знакомо только Крымское морское побережье, с мягким климатом. Однако, в маленьких на первый взгляд, крымских горах, перепады ночной и дневной температуры достигали 30°C. Ночью, матерчатые стены палатки практически не справлялись с функцией сохранения тепла. В жару же внутри стояла невыносимая духота, так что приходилось поднимать её полога.

К моменту нашего приезда на базе уже всем курсом жили геологи с параллельного нам курса. После короткого знакомства узнаем: жара стоит почти месяц и местные жители не помнят, чтоб такая температура держалась так долго. Порадовало отсутствие комаров, к неприятному присутствию которых мы уже начали привыкать во время прохождения практик. Отношения с местными были довольно миролюбивы, однако пара случаев пропажи вещей с территории базы заставили ввести почасовое ночное дежурство. Так, что в какой-то мере, в лагере царил полувоенная спартанская обстановка не только по быту, но и по образу жизни. Впрочем, влиться в этот образ жизни у нас полностью получилось лишь после выходных, которые нагрянули через два дня после нашего приезда.

Море!

Сколько не говори о прелести работ на юге, большинство притягивает сюда именно тёплое море. Три часа в душной электричке, и мы уже в городе–герое Севастополе.

Буквально несколько месяцев назад этот город – ведущая военно-морская база СССР, ещё был закрыт для посещения туристами. Но к лету пропускной режим отменили, и, учитывая его относительную доступность от базы университета, мы всей группой в шестнадцать человек, несмотря на разность интересов и характеров единогласно рванули туда.

Встреча с морем, а тем более с южным морем событие неординарное, поэтому мы даже решили не возвращаться на базу для

ночевки. Каждый взял с собой по одеялу – ночью с морем расставаться никто не собирался.

- Не подскажите, как до пляжа добраться? – совершенно бесхитростно спросил я у пассажира троллейбуса, в который мы сели на севастопольском вокзале.

- До какого пляжа?? – возникло недоуменное выражение на лице у собеседника.

- До любого! – мой ответ явно обескуражил мужчину.

Пожав плечами он произнес название.

– Хрустальный.

Бывшая набережная с бетонной основой и лесенками для входа и выхода из воды, сотни тел на полотенцах и деревянных лежаках в этом царстве бетона и воды – таким предстал перед нами пляж Хрустальный. Образ песчаной полоски омываемой волнами под горячими лучами солнца как-то не вязался с этим местом.

- А-аа! Вам нужна Учкуевка! - следующий местный житель проникся нашими чаяниями. - Вон пристань для прогулочных теплоходов. Садитесь на корабль и через полчаса вы уже там.

Пляж Учкуевка полностью соответствовал нашим представлениям о Черноморском пляже. Небольшой лесок ограждал пляж со стороны суши и подходил почти вплотную к золотисто–желтому песку, по которому мы, обжигая ноги, шли в поисках пустынного места. Между лесом и пляжем каким-то образом втиснулись более десятка кафешек.

Три минуты потребовались нам, чтоб оказаться в воде. И больше получаса, чтоб сбив духоту, пыль и усталость с утомленных тел, вновь собраться на пляже. Еще через полчаса вся группа ела арбуз, уплетала за обе щеки дыню, обжигалась горячими чебуреками, закусывала абрикосами и запивала все эти яства ледяным апельсиновым соком и минеральной водой «Крымской».

Белые питерские ночи приучили нас не думать, о таком препятствии, как резкое наступление темноты. Взяв фонарик и побродив по ближайшему лесу, мы нашли среди деревьев ровное место, как раз подходящее для ночлега. Зачем было уходить от моря? Геологи предупредили нас о местном виде рэкета, когда крепкие парни ходят ночью по пляжу и собирают «дань» в виде платы за нахождения на «их» пляже. Зачастую берут вещами. Так что ничем от грабежа данная плата не отличалась. И проверять, есть ли такие «кассиры» на этом пляже никому не хотелось. А вскоре девушки ходившие узнать местные цены на жилье, сообщили, что переночевать в лесу, в общем то, очень неплохая идея.

В ходе обустройства бивуака, начались разногласия. Одеял, как выяснилось, на всех не хватало. Общая цель – добраться до моря, была выполнена и стала сказываться разность интересов. Одна группа предлагала всем пойти на дискотеку, взять вина и продолжить ночную жизнь в самом ярком смысле. Представители другой группы предлагали

лечь спать, чтоб с утра пораньше поехать по городу погулять и осмотреть как можно больше достопримечательностей. В результате, половина девушек ушла на дискотеку, а вторая легла спать.

Мы с Мишкой решили ненадолго окунуться в жизнь ночных прибрежных кафе. Эта верхняя часть пляжа за счет всех этих мелодий и света была похожа на некий волшебный сад из детских сказок. Впрочем, для волшебного сада здесь все же было дороговато.

Заказав вино и шашлык мы присоединились к нашим девушкам в баре «Волна», сидели и слушали музыку.

Из соседнего бара в течение сорока минут доносилась песня «Комбат» группы «Любэ». Как удалось узнать Мишке – ветераны Чеченской войны приехали на отдых. Из-за них даже чуть не вышел конфликт, когда они выразили желание ближе познакомиться с нашими девушками. Впрочем, залившись ещё определенной порцией спиртного мы были забыты, да и изрядно поднадоевшего «Комбата» крутить перестали.

Ароматное вино, даже отдаленно не напоминавшее, то что нам приходилось пить с Петербурге, тающий во рту шашлык; шум набегающих волн поблизости от кафе – сказка продолжалась часов до двух, когда большинство посетителей всё же ушло спать и только самые стойкие остались на танцполе заставляя бармена менять кассету Андрея Губина на Юрия Шевчука.

Херсонес

Утром, когда Солнце стояло уже высоко, мы с интересом разглядывали ровные ряды высаженных человеческой рукой сосенок. Место, где мы лежали было ничем иным как развилкой двух больших тропинок Учкеевского городского парка!

Интересы и желания продолжали дробить нашу группу и вскоре мы с Мишкой оставив девушек на пляже, под присмотром Сергея, отчалили с ближайшим теплоходом в город.

- Ну, что съездим в Херсонес? – предложил я.

- Отчего ж не съездить – место знаменитое! – согласился Мишка.

Решить туда поехать оказалось значительно проще, чем туда попасть. Троллейбуса №9 за полчаса ожидания мы так и не дождались. Зато за это время мы познакомились с двумя симпатичными девушками в черных майках, которые посоветовали воспользоваться №10. Троллейбус будто бы ждал, чтоб его представили, потому что после долгого отсутствия мгновенно появился из-за угла. Количество людей в салоне троллейбуса, вызвали сомнения, что мы влезем. Но после того как в салон втиснулись всё те же хрупкие симпатичные девушки с огромными рюкзаками, Миша молча полез вперед. Мы были последними из тех, кто остался в салоне после того как закрылись двери. Лично я мог шевелить только губами (про себя ругая общественный транспорт), да еще глазами яблоками, которыми я собственно и увидел, что Миша

при своем богатырском телосложении умудрился разместиться, как-то на нижней ступеньке, под рюкзаком одной из девушек словно йог сложившись в три погребели. Дышать было трудно. Но потрясло меня больше другое: ПО САЛОНУ ДВИГАЛСЯ КОНДУКТОР – говоря, что-то о деньгах за проезд. У меня вырвалось предположение, что это какая-то гуманитарная организация предлагает деньги за те условия, в которых нам приходится ехать. Наконец, двери открылись, и мы мгновенно оказались на улице.

Тут выяснилось, что наш путь с прелестными попутчицами продолжается: они двигались туда же, куда и мы – в Херсонесский историко-археологический заповедник. Девушки попросили помочь с сумками, а в «оплату» согласились стать нашими проводниками и бесплатно провести на территорию археологического заповедника.

Оказалось, что это московские студентки Архитектурного института, прибывшие на практику в Херсонес. Жаль было расставаться, тем более что внимание друг к другу было обоюдным, но им надо было устроиваться, а нам хотелось искупаться.

Херсонес был основан странствующими греками в 500-х гг. до нашей эры. И впоследствии, на протяжении двух тысячелетий город был центром северного Причерноморья. В истории города были и бесконечные войны с обитавшими здесь скифами, и принятие христианства спустя тысячелетие после основания, и сложные политические маневры среди торговых империй средневековья.

В XV в. по словам польского путешественника: «город стоит пуст и необитаем... дома лежат во прахе и сравнены с землей...».

Наиболее интересный этап существования города относят к периодам античности и средневековья. От античности остались развалины театра. В это время греки общались с нашими отдаленными предками скифами, кои произвели уже тогда впечатление на греков тем, что пили вино неразбавленным (в отличие от самих греков, которые всегда разбавляли вино водой). Впрочем, некоторым привычка скифов пришлась по вкусу, и грек желавший выпить неразбавленное вино говорил в таверне: «подскифь мне».

Вода в Херсонесе оказалось потрясающе чистой, и в тридцати метрах от берега было видно каменистое дно. Пляж был завален галькой, а над обрывом перед пляжем стояли знаменитые развалины, и среди них те самые тысячелетние греческие колонны, которые попали на обложку школьного учебника по истории древнего мира.

Это непередаваемое чувство встречи с дыханием древности, было прервано встречей с несколькими девушками из нашей группы, для которых интерес к дискотекам был равноценен прогулке в Херсонес.

День клонился к закату, пора было ехать к вокзалу. Тело в некоторых местах неприятно пощипывало и стягивало. На коже, как на фотопленке проявлялась краснота.

В развалинах Херсонеса

К моменту приезда на вокзал она приобрела малиновый цвет и болела от любого прикосновения. Такими было лицо, спина, ноги и руки у меня... и у всех пятнадцати моих спутников, с которыми мы объединились на вокзале. Сгорели ВСЕ без исключения! На лица искаженные усталостью и болью смотреть было грустно, но у подошедшего к нам знакомого геолога с базы это зрелище вызвало улыбку. Он пояснил, что после первого выходного все студенты – геологи выглядели так же.

Работа и быт

Утро на базе начиналось в семь утра с сигнала дежурного по столовой. Удар гонга раздавался над сонным лагерем. Вместе с Солнцем приходило тепло, еще нежное и непохожее на палящее Солнце середины дня. Студенты лежали в палатках и только самые стойкие вставали в этот момент, большинство пытались успеть в последние минуты перед подъемом сохранить блаженство сна после позднего отбоя. Через четверть часа вновь звук гонга объявлял о начале завтрака. В это время все вставали, умывались и шли в столовую. В восемь утра на базе оставались только дежурные. Все остальные, разобрав научные инструменты, разбредались по окрестностям, чтоб под чутким руководством преподавателей проводить новые маршруты, узнавать тайны глубин земли и т.д.

Мы ландшафтоведы. Наши главные инструменты: глаза, полевой блокнот с карандашом и лопата (почва – зеркало ландшафта).

Участок нашей бригады расположен в полчаса ходьбы от лагеря, и, к счастью, большая его часть находится под прикрытием деревьев. В

пределах однородной формы рельефа (скалы, вершина горы и пр.) выделяем маленькие участки с однородной растительностью и почвами.

Происходит негласное разделение труда: Серёга определяет формы рельефа и выделяет точки описания; Юля с Катей и Викой, которые великолепно справляются с кропотливой работой – описывают растения; я, вооружившись лопатой, делаю почвенные шурфы и определяю почвы, не балующие разнообразием. Бурые–лесные у подножья горы, где господствует лес. Дерново-карбонатные на склонах. И черноземовидные примитивно аккумулятивные на вершинах гор, где почвам трудно закрепится из-за постоянного смыва.

Около часа дня возвращаемся на базу. К этому времени атмосфера столь накалена, что ни в тени, ни, тем более, на Солнце работать практически невозможно. Зной проникает во все уголки лагеря. Вернувшись, сразу же бежим в душ. Душ – наше спасение, только воду у нас дают три раза в день: с пяти до семи утра, с двенадцати до двух дня, и с семнадцати до девятнадцати вечера, так что даже при желании поплескаться, время ограничено. По температуре вода разделяется на очень холодную и ледяную. Очень холодная – та, что успевает нагреться в трубах пока вода идет к кранам. Ледяная – не успевает. Говорят у девушек в отделении стоит титан. Только он не работает. Спасительная прохлада помещения душевой приводит в себя. Встаешь под холодные струи. Райское наслаждение!

Десять секунд и охладившееся до температуры воды тело начинает знобить. Выходишь – моешься и снова под душ. Секунд на двадцать. И так несколько раз. Взбодрившийся и заморозивший усталость открываешь дверь на улицу. К моменту, когдаходишь до палатки, появляется странная потребность залезть под душ вновь. Иногда, чтобы продлить удовольствие полотенцем не пользуешься. Результат – сохнешь на пару минут дольше, зато кожу неприятно стягивает корка из хлорки, которой пропитана здешняя вода – предохранение от инфекционных болезней.

Вот и долгожданный двухчасовой гонг на обед. Специфическая особенность здешней столовой – в компот кладут столько сахара, что он становится приторно сладким. Тем не менее, это жидкость и она пользуется спросом.

После обеда наступает самое горячее время дня, не в смысле проводимой работы, а в самом прямом смысле. Главное – в ближайшие три часа найти себе пристанище. Можно лечь в палатку. Полога в это время поднимаются, и если дует ветер – блаженству нет предела, хоть какое-то охлаждение. Правда ветер дует не часто, база расположена с подветренной стороны. В конце концов, встав, идешь бродить по лагерю в поисках убежища от зноя.

Для нас таким пристанищем спустя неделю практики стала камералка – маленькая комнатка для обработки полевых данных,

каменные стены которой спасали от резких перепадов. В ней днём было «всего лишь» душно.

Как правило, после обеда там собиралась вся группа. В наличии имелось два кипятильника и пара больших кружек. С обеда и до вечера они работали не переставая. Кипятили, заваривали чай и тут же начинали его пить, не дожидаясь пока остынет, а пока все пили, воду ставили кипятиться заново. Вкус чая из-за хлорки был, конечно, неприятный. Шестичасовой гонг возвещает о начале ужина и спаде жары.

Полдень в Крымских горах

После ужина еще на пару часов выходили в поле. К десяти вечера в лагерь возвращались самые трудолюбивые – становилось темно. Наступает самое веселое время в лагере. Обычно мы собирались вместе, в чьей-нибудь палатке и распивая чай или, иногда, дегустируя домашнее вино. Для себя я открыл, что спиртное может быть не только резко жгучим как водка или горьким как пиво, но и имеет ароматный запах спелого винограда, слегка кислить на фоне общего сладковатого привкуса. С сумерками приходила прохлада, и вино здорово согревало; так же, как и хоровые песни, под гитару, которые остряки из нашей компании называли «оральными» – от слова орать (песни не столько пелись, сколько орались). Разнообразило жизнь ночное дежурство, когда, проходя по бетонным дорожкам между палатками, можно было услышать, кто чем занимается и как проводит время.

Недели до следующих выходных как раз хватило на то, чтобы более-менее прийти в себя после прошлых выходных и начать потихоньку «облезать». К выходным с планами определились все. Только на этот раз заранее сформировалось две группы по интересам решившие ехать в сторону Гурзуфа: группа Лены, к которой присоединились Сергей с Мишкой, и группа Тани, с которой решили ехать мы с Серёгой.

Увы! Оказалось что все пляжи в Гурзуфе платные. Бесплатным оказался только пляж детского лагеря «Артек».

Наученные опытом прошлых выходных, мы заранее решили позаботиться о ночлеге.

Сотрудник фирмы занимавшейся поселением, пожилой мужчина, очень развеселился, услышав наш заказ:

- Как можно дешевле семи студентам нужно переночевать одну ночь.

Не веря в успех предприятия, он сделал несколько звонков и всё-таки назвал нам один адрес, где владелец маленького сарайчика заинтересовался нашим предложением. Выходя из агентства в сторону ночлега, мы нос к носу столкнулись со второй группой, прибывшей не так давно.

Десять минут переговоров, и мы за два доллара (первоначальная цена 4 доллара) с носа стали обладателями ночного пристанища. Закинув вещи в сарайчик, и поочередно приняв восстанавливающий душ, мы отправились в вечерний город.

Это была еще одна сказочная ночь на Море! Праздничная суета создавалась массой отдыхающих, вышедших на набережную. Разноцветные лампы заливали набережную светом. Музыка слышалась со всех сторон, которых тут, кажется, было больше, чем четыре. Это удивительная атмосфера беззаботности охватила и нас. Люди, приехавшие сюда – были отдыхающими и они оставили все свои проблемы и заботы о хлебе насущном, как и семейные неурядицы там, где они жили, здесь же они составляли единую «нацию» – отдыхающие! Единственное, что мешало нам полностью раствориться в этом народе, это, увы, небольшое количество денег в карманах. Тем более, приятно было встретить вторую часть нашей группы, члены которой были в схожей с нами ситуации.

На следующий день мы посетили Никитский ботанический сад, воспользовавшись дыркой в заборе.

Уже в столице Крыма произошло воссоединение со второй группой. Они не так весело и разнообразно провели время как мы. В довершении ко всему Лёну обокрал на пляже местный бомж. Вора позже поймали, но часть вещей вернуть не удалось.

Быт и развлечения

Каждое утро из палатки нам открывалась великолепная панорама каменного обрыва. В нём на высоте почти пятьсот метров над уровнем моря расположился «пещерный город» Бакла.

Археологи обнаружили здесь остатки крепостной стены III в., небольшую пещерную церковь, могильник с погребениями и более ста искусственных пещер, вырубленных в два яруса. После тысячи лет своего существования крепость погибла под волнами татарских завоевателей. Нам же, как географам, было интересно само

геологическое образование – куэста. В её известняковом теле можно было встретить ископаемых устриц, морских ежей и других обитателей древнего моря, существовавшего здесь более 50 млн. лет назад. Оригинальной формой выветривания являлся сорокаметровый «сфинкс».

«Голова Сфинкса» в пещерном городе Бакла

Из палатки, где мы жили открывался великолепный вид. Он даже скрашивал тяжесть раннего подъема, и можно было с лёгкой душой идти на завтрак. Телевизор, включаемый во время завтрака, пел голосами девушек из группы «Лицей» об осени практически ежедневно, но для нас это было чем-то очень далеким.

Со временем жара спала, что воспринималось бы хорошо, если бы не уменьшение температуры ночью. Теперь под утро столбик термометра опускался до пяти градусов тепла. Спать в палатке было невозможно, и в пять утра я просыпался оттого, что мои коленки от холода упирались в подбородок. Не спасали ни второе одеяло, взятое у завхоза, ни два свитера, которые я стал одевать перед сном. Промерзнув несколько дней в палатке я, наконец, нашел самое теплое для меня место на базе, и свернув матрас с постельным бельем, отнес их ... в нашу камералку! Каменные стены камералки не только спасали от жары, но и от ночного холода. Несколько девушек так же сменили место ночлега и вскоре пол нашего рабочего помещения был равномерно покрыт телами ночующих. Впрочем, недостатки тоже были – в камералке почти каждую ночь собиралась наша группа, кто попить чаю, кто вина, так что о тишине можно было только мечтать.

В одну из ночей в доме расположенном по соседству грянула настоящая татарская свадьба с применением всех современных громкоговорящих средств. До трех ночи не смолкал концерт представляющий гремучую смесь из татарских народных песен и песен современной российской эстрады исполняемых на татарском языке.

За два дня до наступления моего дня рождения на базе было организовано объединенное торжественное мероприятие для всех рожденных летом студентов. Праздничная церемония состояла из вручения памятных подарков всем рожденным в летние месяцы и праздничного ужина: пластиковая бутылка вина на каждом столе, всем именинникам по куску торта. Тосты и песни сменились танцами, которые плавно переместились из столовой на улицу и закончились в полной темноте.

Спортивная жизнь базы бурлила: кроме геологического турнира по настольному теннису, провели волейбольный турнир, в котором сборной команде студентов геологов и географов удалось выиграть как у второй команды студентов-геологов, так и у сборной преподавателей.

С интересом встретили начало Летней Олимпиады–96 в американской Атланте. Любители спорта стали пропадать вечерами в столовой, где стоял телевизор, погружаясь в жизнь спортивных побед и поражений. Гордость мы испытали за «наших»: гимнаст Немов завоевал шесть медалей – самое большое количество на душу спортсмена; на третьих подряд Олимпийских играх завоевал золото непобедимый боец Александр Карелин. В общем зачете наша сборная завоевала второе место, уступив только команде США.

Так, незаметно за делами и отдыхом, постепенно подошла последняя неделя нашего пребывания на крымской практике. В один из дней, когда большая часть полевой работы была выполнена и осталось только составить ландшафтную карту – главный результат нашей поездки сюда, мы с Мишей посетили родственную базу геологического факультета МГУ, расположенную неподалеку.

Разместилась она ещё дальше от железнодорожной станции, в населенном пункте с названием Прохладное. В былые годы между базами были развиты тесные и дружественные отношения. Даже проводились спортивные соревнования между студентами-геологами двух ведущих российских ВУЗов – «Полигон», но почему-то с нашего года эта традиция была прервана. Жизнь которую мы увидели из-за железного узорчатого забора, производила впечатление. После наших простецких и спартанских палаток маленькие домики между аккуратными дорожками, разместившиеся среди побеленных деревьев, представлялись неким санаторием. Серьезная железная табличка на воротах гласила: «Министерство Высшего Образования. Учебная геологическая база имени Богданова Московского Государственного Университета».

Кстати, в отношении науки и образования Бахчисарайский район всегда относился к центрам Крыма – геологическая база Петербургского университета, МГУ, а также здесь располагалась база геологоразведочного института, а в посёлке Научный – Крымская астрофизическая обсерватория.

Кроме экскурсии к базе МГУ мы с ребятами организовали ещё одну «экскурсию». Основная «точка продажи» вина, расположенная поблизости базы в частном секторе, за время работы базы истощила все свои запасы, и в поисках новой мы отправились по поселку.

Оказалось, что подобное занятие не только интересно, но и в какой-то мере опасно.

- Вы вино продаёте? – Сергей стал «неформальным лидером» поиска, и именно он начал опрос местных жителей.

- Продаем! – ответил ему хозяин и без паузы предложил. – Пробовать будете?

После небольшой дегустации, в которой приняла участие вся четверка, было решено посетить еще пару мест для сравнения.

Узнав цену испробованного напитка, адрес еще одной «точки продаж» и, поблагодарив за дегустацию хозяина, мы «отчалили».

- Вы вино продаете? – стандартный вопрос, но уже с продолжением. – Можно попробовать?

- Конечно, ребята! – радушная хозяйка исчезла на минуту, чтобы появиться с дегустационным стаканом красной жидкости.

Дегустация. Благодарность. Вопрос о цене. И дорога ведет нас к следующему дому.

- Вино интересует? – проявил догадливость хозяин.

- Да.

Молча хозяин извлек бутылку с вином и уверенными движениями стал протирать граненые стаканы.

Выйдя за ограду этого дома, мы стали перед дилеммой продолжить дегустацию или выбрать из испробованного.

Мишка выразил общее состояние.

- Парни, давайте закругляться с пробами. Я уже вкуса вина не чувствую!

Вспомнился рассказ Коли, нашего друга со старшего курса, о том, как он годом раньше ходил покупать самогон. После первой точки, где ему на пробу щедро налили стакан дегустация закончилась.

Чатыр-Даг

Наступление последних выходных уже не вызвало на базе бурю эмоций. Для геологов выходные, вообще, закончились, они готовились к сдаче зачета. В нашей группе многие, также решили никуда не выезжать, утомившись прошедшими приключениями. Кое-кто решился выбраться на небольшую экскурсию в ближайший городок Бахчисарай. И тем не менее, девять человек, включая и нас с Мишей, собрались посетить одну из «величайших» горных вершин Крыма – Чатыр-Даг, не пугаясь возможных изматывающих приключений.

А они не заставили себя ждать.

Для начала мы не смогли влезть в автобус идущий до Симферополя. Добрались на попутках до Симферополя. Никого уже не

удивило, что билетов на троллейбус идущий мимо Чатыр-Дага нам не хватило места. Однако расспрос показал, что больше половины расстояния, до остановки Перевальное, мы можем преодолеть на местном троллейбусе №1. Первый троллейбус №1, в который мы сели до пункта назначения не дошел – у него проколосось колесо. Кондуктор очень долго уговаривала пассажиров освободить салон. Только спустя четверть часа люди, словно не веря, с неудовольствием, покинули сломанный троллейбус.

В следующий №1 попасть было просто необходимо – проводить выходные на остановке, расположенной на окраине Симферополя, нам не хотелось. Но и другие экс-пассажиры думали так же, когда подъехала следующая «единица».

Местные жители оказались более подготовленными к штурму переполненного салона – не влезли только местные немощные старики, дети и мы – студенты.

«Диффузия» прошла успешно во вторую «единицу» салон которой был столь переполнен, что теперь я не удивлялся, как в севастопольском троллейбусе передвигался кондуктор. В сравнении с количеством людей, которое было здесь, салон того, можно было назвать полупустым.

То, что нельзя было вздохнуть полной грудью было уже привычным делом. В какой-то момент на кочке троллейбус тряхнуло и мои ноги оторвались от пола, но приземлится я уже не смог, давление со стороны пассажиров увеличилось, и я остался висеть в воздухе. К счастью, наши страдания скоро закончились – с приближением к Перевальному салон быстро пустел – местные жители расходились по своим домам.

Пятнадцать километров от Перевального до Ангарского перевала пришлось преодолевать автостопом, предварительно разделившись на двойки и тройки. Водитель, подбросивший нас до места, отказался от предложенных денег, пожелал «наслаждаться счастливыми годами жизни» и исчез в серпантине дороги.

Пройдя пешком около получаса, мы вышли на открытое пространство. Отсюда открывалась потрясающая по красоте картина. Рядом с нами вертикально вниз уходили практически отвесные стены обрыва, под которым раскинулось зеленое море леса, разрезанное бритвой шоссе, и маленькими домиками деревень и поселков. На юге виднелась уходящая в бесконечность синяя полоска Черного моря, сливавшаяся с линией горизонта. На всей обозримой нами части Чатыр-Дага совершенно отсутствовали деревья. Здесь господствовала горная степь – яйла, и властвовал холодный ветер. Наслаждаясь открывающимся великолепием, мы устроили обед.

Внезапно над величественной картиной обозримых ландшафтов возникли три парящие птицы.

- Орлы! – выдохнула Наталья и, схватив фотоаппарат, сделала пару снимков птиц.

Жужжание аппарата показало, что кадры пленки иссякли, заполненные пейзажами курортного края. Все продолжали наблюдать в благоговейном молчании за парящими птицами, когда одна из них вдруг подала голос.

- Кар-рр!!

- Черт! – выругалась девушка. – Последний кадр на ворон извести!

Нижняя часть Чатыр Дага представляла собой плоскогорье. Здесь располагались карстовые полости заинтересовавшие нас. Дорога между карстовыми провалами была отмечена белой и оранжевой краской. Мы хотели найти Тиссовое ущелье – вторые ворота на Чатыр-Даг после Ангар Буруна. К сожалению, из-за нехватки времени и плохой ориентации в пространстве найти и посетить карстовые пещеры Чатыр-Дага у нас не получилось.

Разнообразил наш путь встреча с собирателем лекарственных трав. Он подробно рассказал, как пройти к Тиссовому ущелью и добавил, что с противоположной части горы существует автомобильная дорога – настолько там пологий склон.

На обратном пути, уже на Симферопольском вокзале я и Миша чуть не познакомились с местной милицией, неожиданно заполонившей весь район вокзала, и только присутствие большого количества девушек спасло нас от углубленного выяснения наших, подозрительно измотанных, личностей.

После расставания с милицией у меня в памяти всплыла история, произошедшая с Колей годом раньше.

Решил он съездить отдохнуть в Крым, да вот только паспорт у него был недействителен (в паспорте СССР отсутствовал вкладыш о российском гражданстве), поэтому, попав таки на полуостров, он везде ходил со своим любимым читательским билетом библиотеки Российской Академии наук до тех пор, пока не был остановлен патрулем украинской милиции. И когда он с привычной уверенностью предъявил им читательский билет, те сначала опешили от неожиданности, а потом один из них сказал:

- Ну ты, парень даешь! Ты бы еще со своей фотографией ходил, и показывал: вот, дескать, на фотографии – это я!

В это время Николай должен был быть, где-то на Карельском перешейке в районе р. Бурная вместе с Дмитрием Викторовичем, исследуя историю формирования ландшафтов.

На базе же проявлялось сплачивание нашего коллектива: девушки оставили всем «альпинистам» Чатыр-Даг ужин. Однако, Серёга и Сергей, не сообразив, съели оставленную еду, за что были преданы остракизму. А Вика – самая «домашняя» студентка у нас на кафедре, не пившая вино и ложившаяся спать в десять вечера, в ожидании нашей группы даже сдвинула свой отбой на сорок минут!

«На хату к хану»

Дробление нашей студенческой группы закономерно завершилось разделением на пары «по интересам». Потратив весь следующий день на высыпание мы с Мишей решили по следам наших друзей посетить Бахчисарай.

Выйдя через день из автобуса в Бахчисарае, мы оказались в, так называемом, «новом городе». Серые коробки советских времен никакой красоты, древность не чувствовалась.

До рынка, памятуя советы наших товарищей, мы решили отправится пешком.

Первая развилка вызвала у нас сомнения куда двигаться. Пожилая женщина дворник подметала асфальт возле магазина.

- Как дойти до рынка не подскажите? – спросили мы поздоровавшись.

- До центрального? – в свою очередь, ответив на приветствие, спросила она.

- Ну, да! До центрального, наверно, – неуверенно ответили мы после секундного колебания.

- Идите ребята все прямо по этой дороге. Минут двадцать еще пути, - указала нам путь женщина и продолжила работу.

Поблагодарив ее за информацию, мы уже двинулись дальше, когда все-таки меня охватили сомнения. Я вернулся.

- Скажите, - говорю. – А как дойти до какого-нибудь другого рынка?

- А здесь нет других рынков! – ответила дворник и продолжила работу.

Не уставая удивляться логике местных жителей, мы добрались до центрального рынка.

Голод давал о себе знать и, купив дыню, арбуз и персики, мы, конце концов, плюнув на скромность и приличия, сели на ступеньки ближайшего магазина и быстро расправились с арбузом. После еды настроение значительно улучшилось и положив половину огромной ягоды в пакет мы отправились в сторону старого города.

Здесь в архитектуре разнообразия было больше, да и сам район стоял тесно сжатый с двух сторон стенами ущелья. Было видно, что город изначально строился в стратегическом месте. Вдали показались колонны сходные по стилю с теми, что высятся возле исламских мечетей – минареты. Подойдя ближе мы увидели и приземистые расписные купола самой мечети.

- Может это Бахчисарайский дворец? – предположил Михалыч.

Это действительно оказалась «Хата Хана» (как назвал знаменитую архитектурную композицию дворца один из проходящих мимо жителей Украины). Мы решили ограничиться прогулкой в тенистом и уютном

дворике дворца, не заходя во внутренние покои. Конечно, заманчиво было посмотреть на «Фонтан Слез», воспетый еще Александром Сергеевичем Пушкиным, но выяснилось, что в настоящее время фонтан не работает. Да, и денег было уже не так много. Так что четыреста тысяч карбованцев мы решили оставить на более важные нужды.

Пройдя два километра и присоединившись к экскурсии, мы начали восхождение по широкой каменной лестнице, ведущей к развалинам православного Успенского монастыря. Обширные массивы стены заставленные строительными лесами показывали, что в настоящее время монастырь активно восстанавливается.

По наиболее распространенной версии он был основан в конце VII начале IX веков и просуществовал около 1000 лет. Основание его связывают с иконоборческим движением в Византии. Дом игумена, кельи монахов вырубленные в скале, гостиный двор – вот и все что осталось от него на момент нашего посещения. Восстановительными или даже вернее будет сказать строительными, потому что многое приходилось строить заново, работами занимались сами монахи. По ущелью гуляло эхо грохота молотков, визг древесных пил.

В только что восстановленной каменной молельне, светлой и просторной, несмотря на низкий потолок, бабушка божий одуванчик нараспев рассказала нам про историю монастыря, попутно разрекламировав неприхотливую утварь церковной лавки.

Вымощенная камнем дорога вела прочь от монастыря, вглубь ущелья. Внезапно на дороге возник трактор, груженный досками. Сам по себе трактор вряд ли заслуживал упоминание о себе: мало, что ли тракторов «Беларусь» носится по просторам бывшего Советского Союза. Вся проблема была в том, что разойтись с ним на дороге было невозможно – он занимал всю её ширину, а, судя по тому, как сигналил водитель не сбавляя скорость, приближаясь к нам, пропускать он никого не собирался. Пришлось броситься в «стену» зеленых кустарников, росших с левой стороны (с правой высилась каменная стена), и только это спасло нас от лобового столкновения с машиной. Костеря на чем свет стоит водителя, мы выбрались на дорогу, отряхиваясь от веток и колючек, подцепленных в кустах.

Неотъемлемая часть дороги – торговые лотки с сувенирами, выстроившиеся вдоль дороги: деревянные гребни из целебных сортов дерева, амулеты разных форм и раскрасок. Но куда больше распалют наш аппетит торговцы горячих чебуреков и беляшей. А тонкий аромат сладкой пахлавы привлекает не только людей, но и рои ос.

Внезапно со спины раздался звук приближающегося трактора с опустевшим прицепом. Уже привычным прыжком в колючий кустарник мы спасаемся от «шального» водителя.

На подходе к Чуфут-Кале мы, выбрав укромное местечко, решили доесть фрукты. Когда мимо нас прошла третья группа туристов, мы поняли, что с укромными местами в этой поездке как-то не везет –

оказалось мы сидели на центральном экскурсионном маршруте. А взгляды, которыми на нас смотрели проходящие напоминали классическое произведение Ильфа и Петрова: «...на вторую неделю отца Федора стали показывать экскурсантам, как местную достопримечательность...», казалось смотря на нас они думают: «... дикий народ – дети гор!», и только непонятная застенчивость мешала им запечатлеть нас на фотопленке. Поднявшись после перекуса на плато, мы оказались в знаменитом Чуфут–Кале.

Основанный в районе шестого века нашей эры аланами, он через 700 лет был завоёван татаро–монголами. В то время это был многолюдный город, расположенный в хорошем месте и прекрасно укрепленный. Он контролировал одно из ответвлений Великого Шёлкового пути. До сих пор мощная крепостная стена пересекает плато.

Стремясь возродить город завоеватели переселили сюда караимов, которые и построили новую часть города. Именно в это время появляется название Кыр–Ор, позднее Кале или Чуфут-Кале (Иудейская крепость). В период своего расцвета (XV–XVI вв.) население города достигало пяти тысяч человек. Несколько сот строений сейчас были видны как груды камней. Единственное, что их упорядочивало – линии улиц. В таком запустении город стоял с XIX века.

Побродив в южном оборонительном комплексе, мы миновали улочки старого города и, перейдя среднюю оборонительную стену, попали в Новый город. Тут было поинтересней: дороги огранены каким-то подобием тротуаров. Навечно в печатались в дорогу глубокие колеи телег.

Табличка на самом сохранившемся доме гласила, что здесь жил известный (в своих караимских кругах) ученый Авраам Фиркович.

Спускаясь по дороге, серпантинном ведущей от города, я уже более внимательно вглядывался в её детали. И, с удивлением, стало ясно, что колея от колёс деревянных повозок осталась и на этой дороге. Было удивительно, как по такому крутому склону передвигались тяжелогруженные повозки.

Отвальная и возвращение

Наступил последний день крымской практики. Отчёт предстояло сдать уже в городе. Часть группы горела желанием вернуться домой и вдохнуть прохладный балтийский воздух. Некоторые же, в том, числе и я были не прочь продлить свое присутствие на ставшей, в чём-то, родной базе ещё на какое-то время. Последний день прошел так же незаметно, как и большинство дней работы.

Впрочем, для меня этот день всё-таки стал необычным. Меня назначили разводящим или старшим дежурным! Данное повышение говорило лишь о том, что мне предстоит не спать всю ночь, во-первых, а, во-вторых, вряд ли мне придется принять участие в прощальном

застолье – так называемой отвальной (праздник окончания практики и отъезда).

После ужина пришлось уйти с головой в работу разводящего. Я распределил всех имеющихся в моем распоряжении людей по времени и местам. К счастью, люди были уже опытные, и от меня кроме координационной и контролирующей функции больше ничего и не требовалось.

Во второй трети ночи мы с Сергеем, дежурившем на втором ярусе, натолкнулись на ежа. Наблюдая за его маршрутом, мы с интересом обсуждали его появление на территории базы до тех пор, пока сонный голос Насти, раздавшийся из-за матерчатой стены палатки – посоветовав нам идти обсуждать ежика в другое место.

Недалек час рассвета. Серёга уже проснулся сам – ночная прохлада лучший будильник. Его идея: развести из колючек костёр. Рассвет я встречаю, протянув руки к живительному теплу!

Сначала вершины соседних гор попадают под лучи восходящего солнца, хотя само светило еще не видно. Помаленьку граница света опускается всё ниже и вот из-за горы показывается жёлтый краешек. Считанные минуты и воздух становится тёплым.

Подхожу к нашему зазывальному гонгу и несколько раз ударяю по нему железным прутком. Подъем. Закончилась ночь, моё дежурство и наша практика. Наступал новый день. День отъезда.

После завтрака иду спать, а ребята начинают собираться. Но я этого уже не вижу, как только голова касается подушки, я мгновенно засыпаю.

* * *

Сквозь сон доносятся голоса. Долго поспать мне не дали. Идёт интенсивный сбор вещей.

Десять минут освежающего дождя, который мы не видели со дня прибытия в Крым и вновь на небе сияет Солнце. Дождь в первый день и в последний, символичное приветствие и прощание Крымских гор с нами.

Уже из кузова машины я в последний раз бросаю взгляд на родной забор. И не удержавшись, что-то щемящее шевельнулось в душе. Увижу ли это место еще? Стоит ли к этому стремиться... Ведь не зря говорят, не возвращайтесь туда, где были счастливы. Были ли мы там счастливы? Наверное, да. Молодость, о которой нам еще мало известно, потому что сравнивать с другим возрастом мы еще не можем, но интуитивно чувствуем. Компания друзей. Самостоятельные поездки по дорогам Крыма, несмотря на отсутствие денег и изматывающие дороги. Жаркое солнце, спалившее всю кожу у нас, так, что мы не сумели обзавестись завидным загаром Крымского побережья, но прогретое так, что в ближайший год только одно воспоминание о нем будет согревать меня в холодные зимние вечера и слякотную питерскую осень.

Бортовой ЗИЛ, трясясь на ухабах, всё дальше увозит нас от базы, где осталось двадцать четыре великолепных дня молодости и мой перочинный ножик, неизвестно как потерянный.

На симферопольском вокзале у нас еще есть несколько часов до отъезда. Мы с ребятами караулим рюкзаки. Девушки возвращаются с тяжёлыми ящиками в которых гостинцы домой: алыча, персики, абрикосы... И теперь уже мы с ребятами растворяемся в шумном рыночном гвалте.

Покупаю ряженку местного розлива, которую успел полюбить.

Гостинцы домой – персики. Пара бутылей местного вина у меня уже таится в рюкзаке (как, впрочем, у каждого возвращающегося из Крыма). На остатки денег покупаю манты – хочу попробовать традиционное восточное блюдо.

По вкусу они напоминали два больших пельменя с приправой. Вкусно. Но ожидалось чего-то большего.

Серёга предлагает отметить отъезд в мужской компании.

Для начала покупаем дыню. Но у Серёги идея более амбициозная: с трудом находим огромный шоколадный торт – уже нарезанный.

В маленьком садике во дворе вокзала, под волшебную музыку Энио Мариконе мы устраиваем поминальную тризну шоколадному творению человеческих рук. Вкусом торта хотелось наслаждаться бесконечно. Окружающая атмосфера еще раз позволила нам окунуться в вечернюю сказку Крыма.

Оставшийся час до отправления поезда все были в нетерпении. Ощущение дороги, так манившее нас сначала в эти края, теперь звало обратно домой. Все уже настроились на возвращение.

На обратном пути не брал гитару в руки Сергей. За это лето ему столько раз пришлось ублажать уши слушателей своей довольно таки неплохой игрой, что он даже придумал термин: «гитараст» – человек, которого заставляют играть на гитаре не для души, а для слушателей. Зато в вагоне ехала группа школьников, играющих на гитаре, вот к ним он и присоединился, став для них кем-то вроде гуру – мастера гитарной игры. Сам играл редко, в основном слушал и давал советы.

На таможне из предъявленного мной паспорта выпала «потерянная» ранее пятисоттысячная купюра украинских карбованцев; на российской земле имевших ценность не больше фантика от заграничной конфеты.

В Бологом от поезда чуть не отстала Настя. Отлучившись в киоск, она не вернулась к моменту отправления. К счастью, на следующей станции смущенная Настя появилась перед очами обеспокоенного руководителя и объяснила, что зашла в соседний вагон, но дверь между вагонами была заперта. Пришлось ехать до следующей станции.

Санкт–Петербург. Город холодных стен и радушных жителей. Город красочных соборов и застывших памятников. И, наконец, для странников, вернувшихся из дальних странствий: город – Дом.

Вот и старое обшарпанное здание на Васильевском острове. Пятая линия. Пятый этаж. Открываем дверь и входим внутрь. Наши «встречающие» - стены родной комнаты безмолвно молчат. На подоконнике и мебели пыль и тишина, въехавшее в жилище за время нашего отсутствия. Мы дома. Только вот они мне показались уж слишком пустыми и холодными эти наши родные стены «общаги».

Глава 3. Экспедиционные этюды

Июнь 1997

Обед в полевых условиях

Экспедиция - есть метод научного исследования, осуществляемый в полевых условиях.

Карельский перешеек – место отдыха жителей Санкт-Петербурга. Особенно привлекательны его озёра и реки. Испокон веков плотность жителей, его населявших была высокой. В 1818 году, чтобы освободить земли под новые сельхозугодия, местное население решило понизить уровень озера Суванто, спустив его воды в Ладогу. Озёра разделялись тонкой перемычкой – грядой, сложенной песками и валунами. Она была скрыта почти полностью, когда природа не дожидаясь окончания работ, завершила то, что начал человек. Под давлением воды и весеннего льда остатки перемычки были смыты и озёрные воды хлынули в Ладогу. Так исчезло озеро Суванто, а на его месте образовалось озеро Суходольское и р. Бурная, которая соединила его с Ладогой.

Благодаря этому событию сто восьмидесятилетней давности и состоялась наша комплексная учебно-научная ландшафтно-палеогеографическая экспедиция. Целью экспедиции было изучение условий формирования и развития ландшафтов, образовавшихся в недалеком прошлом (с точки зрения природных процессов, 100-200 лет это не так много). В планы экспедиции входило обучение студентов – участников экспедиции, навыкам полевой работы.

Исследования в этом районе проводились на протяжении уже двух лет. Но нынешняя экспедиция была значительно масштабней

предыдущей. Местом для лагеря выбрали на левом берегу Бурной, в трёх километрах от Ладожского озера.

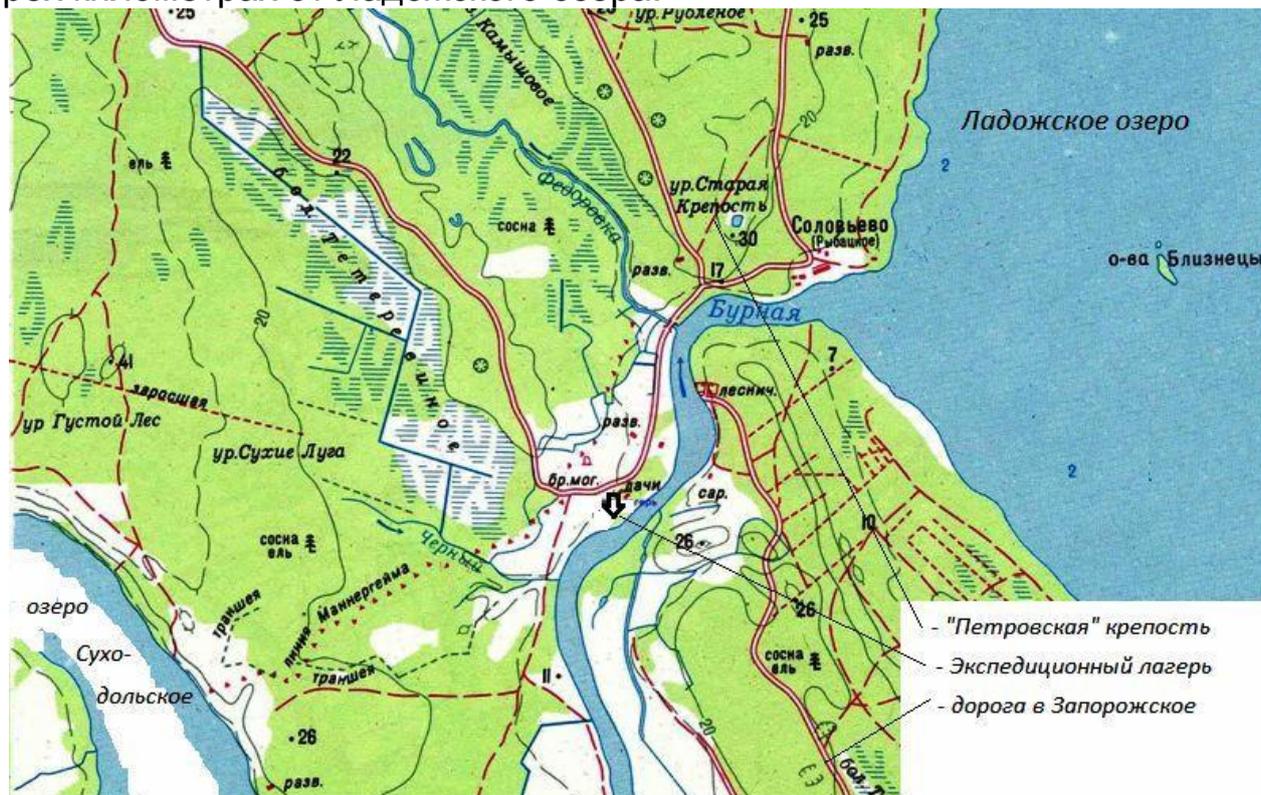

Схема района исследования в районе р.Бурная

В ночь накануне экспедиции мы с Мишкой, приехавшим в общежитие для совместного выезда в экспедицию, не сомкнули глаз. Вечером воспоминания о прошедших практиках растянулись до утренних бутербродов, после которых мы, нагруженные рюкзаками, отправились на Финляндский вокзал. Мы прибыли первыми. Но уже через несколько минут, сгибаясь под тяжестью рюкзака к нам медленно вышла Ольга.

Ольга приехала в Санкт-Петербург пару лет назад со своей мамой из Узбекистана. Впрочем, необычного в её внешности были лишь выразительные восточные глаза. Я с ней познакомился на подготовительных курсах, перед поступлением на геофак, где мы вместе с ней и Сергеем повышали свой уровень школьных знаний. Пока мы помогали Ольге снять рюкзак, к нам подошла часть моей «полевой бригада» в лице Юли и Кати. Ни Вики, ни Серёги в этой поездке не будет. Серёга и Сергей отправились на практику на Валдай – на гидрологическую базу. Во время рассуждений о том, кого куда забросила судьба, подошли остальные.

В вагоне мы полностью заняли два отделения: рюкзаки лежат на полках, стоят на полу и скамейках. Не выспавшиеся пассажиры вагона искоса бросают хмурые взгляды на шумный табор студентов.

Эффектно появился Дмитрий Викторович – начальник экспедиции, её вдохновитель, основатель и главный исполнитель: створки двери

вагона с шумом разъехались в стороны и в него вошёл бородатый мужчина в камуфлированной форме. На плечах его висел здоровый рюкзак, рука придерживала массивную сумку на колесах. Ну, вылитый «командор» экспедиции. Вместе с ним в вагон зашла еще одна участница экспедиции, студентка заочного отделения Лариса.

На одной из станций к нам присоединился палеогеограф Андрей Дмитриевич. В Сосново, где мы выходили, нас уже больше часа дожидается Константин – опытный турист, прямо из турпохода приехавший в Сосново.

В автобусе, везущем нас в пос. Запорожское, я с удивлением узнал, что наша экспедиция ещё увеличилась, к нам присоединился Дмитрий Александрович – сотрудник Института Озероведения Российской Академии Наук, а также его коллега и их дети, и, даже, маленький спаниель Юпи. После высадки из автобуса проверяем наличие всех членов экспедиции, нацепляем на себя снаряжение и сворачиваем к залесенному берегу реки Бурная.

К реке мы вышли как раз в месте порогов, где на карте был обозначен водопад Падунец. Переправа всех участников экспедиции через реку на четырёх надувных лодках заняла у нас больше часа.

Теперь, по предложению начальника, мы делимся на две партии. «Водная», забрав все тяжёлые вещи, сплавится вниз по реке, а «сухопутной» предстоит налегке – пешком, преодолеть пять километров по проселочной дороге. Место встречи – Черный ручей.

Спустя полтора часа мы остановились перед ручьём, впадавшем в Бурную – местом встречи с водной партией.

На краю поляны, ограниченной берегом реки с одной стороны и озом (песчаной грядой оставленной ледником более десяти тысяч лет назад) с другой, решаем стать лагерем. Места населённые – в сотне метров от места лагеря – дома. В пяти же километрах отсюда настоящая цивилизация – пос. Запорожское с магазинами и рейсовыми автобусами. От дороги к посёлку нас отделяет река. В течение трёх часов к нам прибывают остальные участники водной партии. С радостью иду за рюкзаком. На обратном пути почти вдвое отяжелевший от воды рюкзак оттягивает мое плечо. В момент причаливания лодочник с моим рюкзаком упал в воду. Остальные доплыли без приключений.

Разбиваем лагерь: ставим палатки, навешиваем полиэтиленовые полога, собираем дрова, разводим костер, кипятим воду и, конечно же, готовим еду. Незаметно наступил вечер, сумерки окутали лагерь, речку, поляну. После сытного позднего обеда/раннего ужина, все сидят вокруг костра, освещаемые его желто-красными бликами. Живительное тепло огня ограничивается узким кругом сидящих вокруг людей не желающих расходиться после отбоя. Порывистый холодный ветер заставляет плотнее закутаться в штормовки и куртки. Пасмурное небо сделало белую ночь совсем не белой.

* * *

Следующий день посвящен экскурсии на берег Ладоги.

Сначала мы преодолеваем оз, разделяющий бассейн Суходольского и Ладожского озер. Петляющая по лесу тропинка приводит нас на проложенную ещё финнами дорогу. Оплывшие от старости дренажные каналы, поросшие кустами, разрезают поле на четырехугольники.

- Вот здесь раньше находилось дно озера Суванто, - доносится до меня голос нашего руководителя. Через полчаса мы вышли на открытый простор.

Ладожский берег покрыт окатанными булыжниками, напоминая мостовую. Уходящая вдаль тёмная поверхность воды сливается на горизонте с таким же тёмно-синим небом. Шум, который было слышно ещё на дороге, создавали накатывающие на берег огромные ревущие волны, покрытые белыми шапками пены. Волны зло хлестали по каменным глыбам и с шипением откатывались назад, чтобы в следующее мгновение обрушить очередной вал воды на сушу.

Местами встречаем предметы, напоминающие нам о людях на пустынном сейчас берегу. Чаще всего попадаются бутылки из-под пива и водки, реже из под колы и лимонада. Вот деревянный ящик с посеревшими от времени стенками, а вот чьи-то кости белеют на берегу. Сломанная оранжевая каска лежит у самой кромки прибоя. Ну, и венцом находок стал прекрасный чёрный спиннинг, лежащий наполовину в воде.

- Хорошая примета, - сказал повеселевший командор, очищая спиннинг от облепивших его водорослей. Как заядлый рыбак он верил в приметы.

Пытаемся найти остатки крепости, построенной ещё в петровские времена. На карте она обозначена на гребне прибрежного оза, совсем недалеко от нас. Ориентиром должен послужить геодезический знак. Приблизившись к вероятному месту нахождения крепости рассыпаемся веером, прочесывая лес.

Остатки крепости – земляной квадрат, приблизительно сто на сто метров, поросший высокими кривыми соснами и елями. Безжалостное время уничтожило все деревянные части крепости. Глубокий ров окружает крепостные земляные валы. На внешней стороне крепости, углы рва окаймляют остатки невысоких земляных бастионов. Все оживленно бродят по крепости, любясь посланием из глубокой старины. А перед моими глазами воображение уже нарисовало картинку: солдаты в зелёных мундирах, с чёрными треуголками на головах и бородатые, русоволосые мужики в белых рубахах с лопатами, топорами и кирками. Тысячи этих людей копают ров, возводят деревянные стены крепости.

Впрочем, картина, нарисованная моим воображением, могла не соответствовать действительности. Некоторые учёные считают крепость

остатками новгородского форпоста – Волочёк Сванский, другие – шведской крепостью Тайпале.

* * *

В шесть часов утра у меня окончательно затекли ноги в коротком спальнике, и спать стало совершенно невозможно. Пролежав час в безуспешной попытке уснуть, я не выдержал и вылез из палатки, чтобы приступить к обязанностям дежурного.

Перво-наперво надо развести огонь, что мне не без труда удалось. Сходяв за водой на реку, я поставил котлы на костер. Дождя не было, но в затянутом серой пеленой облаков небе просветов нет, поэтому на улучшение погоды я и не смел надеяться.

В котлах забурлила вода и я пошёл будить свою напарницу Ольгу. В белой палатке, кроме Ольги, спали еще четыре девушки, причём все были с головой закутаны в спальные мешки. Так что узнать напарницу стоило труда. Толком не проснувшись, дежурная сразу же принялась за приготовление геркулесовой каши.

Через полчаса к костру из палаток стали стекаться хмурые люди с заспанными лицами. За завтраком командор знакомит нас с планами на день. Сегодня предстоит посетить правый берег р.Бурной. Именно на правом берегу прошлой экспедицией обнаружена геоморфологическая загадка: глубокая и длинная канава, неясного происхождения. Предположение о том, что её прорыли люди, не выдерживало критики – с какой целью? По словам командора, канава была огромна и насквозь проходила оз. Если это дело человеческих рук, то здесь была проведена титаническая работа с неясной целью.

Впрочем, мне, как и Ольге, увидеть его не придется - мы дежурные.

Не успели еще все разъехаться, как с противоположного берега раздались крики, возвестившие нас о появлении еще одного долгожданного члена экспедиции. Командор быстро переправил его на своей лодке в наш лагерь. Это был пожилой геолог, занимающийся исследованиями и реконструкциями древних ландшафтов, сотрудник Института Земной Коры при Университете – Никита Николаевич. Появился он не с пустыми руками. В подарок девушкам экспедиции он привез букет роз, которые ими тут же были засушены на память.

Через пару часов с противоположного берега опять слышались крики и через пятнадцать минут, как раз к чаю, к нашей экспедиции присоединился на этот раз последний участник – специалист-ландшафтовед Кирилл Валентинович. Высокий, в камуфлированной форме он выглядел покрупнее американских «зеленых беретов».

Оставшееся время до возвращения группы я пилил дрова, мыл посуду, вырубал ступеньки в высоком берегу реки, опять пилил дрова, чистил картофель, пил чай, и снова пилил дрова...

Когда мы мыли картошку, на противоположный берег вернулась наша основная партия. В итоге: ужин-обед не готов, а мы так и не

отдыхали. Канава на ребят впечатления не произвела, поэтому главная новость их маршрута – открытие Костей купального сезона в Ладоге.

Ужин: суп и картофель с тушенкой. Остроту в наш рацион внес острый кетчуп «Чили», который купили, резонно решив, что использоваться он будет медленнее обычного.

Вообще-то, со дня на день ожидалось разнообразие нашего рациона рыбой. Командор с Андреем Дмитриевичем безуспешно пытались выловить, что-нибудь из реки. Каждый вечер они уходили на «ихтиометрические пробы», как они с юмором называют рыбалку.

В итоге в рыбалке отличилась... Лариса! Местному жителю понадобилось провести нивелировку участка. После работы она принесла пакет с несколькими крупными рыбинами и бутылку настойки лимона на водке. Ловля на нивелир оказалась куда удачнее, чем на удочку. Таким образом, вечером мы отметили удачную ловлю, плавно перейдя к вечернему чаепитию, которое, в свою очередь, затянулось до двух часов ночи.

За чаем решили отметить наступление хорошей погоды и плавно перешли на тосты, посвященные экспедициям. После чего наши преподаватели, старые полевики, с грустью ударились в воспоминания.

Нам, студентам–третьекурсникам, оставалось только слушать, о том, как это было здорово – дальние экспедиции. Глотнув немного полевой жизни в учебных практиках и распробовав этот стиль жизни, завидовать им, успевшим побывать в самых разных точках земного шара. Глядя на наших преподавателей, я узнавал в этот момент в них бывших студентов.

Постепенно разговор у костра затух. Преподаватели погрузились в обсуждение проблем мироздания. Уставшая Ольга – моя напарница ушла спать. Дежурство наше кончилось, оставив мне на память несколько волдырей от ожогов и ссадин от пилы и топора.

* * *

Первая за экспедицию разнарядка: двое студентов вместе с командором и Никитой Николаевичем уходят описывать обнажения; двое отправляются с Андреем Дмитриевичем обучаться шлиховому опробованию (как все шутят – мыть золото); Лариса готовит к работе нивелир, ей, как опытному геодезисту, предстоит провести нивелирный ход, чтобы выяснить колебания высот тех форм рельефа, которые нас интересуют. Юля вызывается ей помогать. Мы же с Ольгой становимся исследователями ландшафтов. Заранее все группы оговаривают с дежурными время обеда. Контрольный срок возвращения – пять часов. Во главе с Кириллом Валентиновичем двигаемся к побережью Ладожского озера.

Ландшафтный профиль, который должен показать закономерности изменения природных комплексов мы начинаем на террасе Ладоги. Первая точка описания: местоположение, тип миграции микроэлементов, микрорельеф, далее – комплексное описание

растительного сообщества (виды растительности, проективное покрытие, средняя высота и т.п.) - название; описание почвенного разреза (по каждому слою: влажность, мощность, включения, цвет, структура и т.п.) - название. И, наконец-то, дается название природно-территориальному комплексу.

Так, потихоньку, обстоятельно описываем точку за точкой. К четверем сделали четыре описания: на террасе Ладоги, на присклоновом участке, на склоне и на вершине оза. Комары докучали мало. Во время перерыва, устроенного нашим куратором, перекусили бутербродами с колбасой.

После обеда Кирилл Валентинович, описав с нами две точки, прилёт под сосной и, заложив за голову руки, мечтательно произнес сакраментальную фразу: - Эх, как хорошо! Уезжать не хочется.

В лагерь мы пришли без двух минут пять; пунктуальность – черта Кирилла Валентиновича.

С утра, когда все еще спали, он уехал, а на следующий день и озероведы с детьми оставили лагерь.

Мне же предстояло продолжить ландшафтные исследования, возглавив свою старую бригаду.

Погода улучшилась и время, когда шли дожди, ушло в прошлое. За счёт этого охватывало ощущение, что мы уже месяц находимся в экспедиции.

Одна из задач экспедиции – изучение лишайников. Лихинометрия – научный метод посредством которого по приросту накипных видов лишайников определяют возраст моренных отложений, на которых произрастают. Однако возникла неожиданная проблема – на берегу Ладоги тех лишайников, по которым проводят датировки, не было. Все они были подавлены другими видами растительности. Поэтому командор принял решение проверить острова Близнецы, расположенные в Ладоге в двух километрах от устья Бурной. Сплавать туда долго не удавалось из-за сильного волнения, но в один из дней командор, взяв с собой Ларису и Костю, сумел организовать вылазку на острова. Обрато они вернулись через несколько часов, неся в руках лодку. На острове оказалось очень много птиц, но вот с лишайниками было не лучше, чем на берегу. Вдобавок на обратном пути лодка начала сдвигаться, что чуть не привело к «лодкакрушению».

В очередной день я с удовольствием отправился познавать метод шлихового опробования. В основе метода – выявление крупинок тяжелых металлов из речного песка путем вымывания более легких крупинок. Благодаря этому способу, можно определить присутствие полезных металлов на водосборе реки. Самый известный пример использования метода – поиски золота.

В тот же день палеогеографической партии, ушедшей описывать обнажения у реки Фёдоровка, предстояло сделать маленькое открытие.

Изучая обнажения, по залегающим слоям можно определить в каких условиях формировался слой осадка. В нормальных условиях слои осадков залегают параллельно, поэтому скошенность слоев в месте раскопа выглядела несколько необычно.

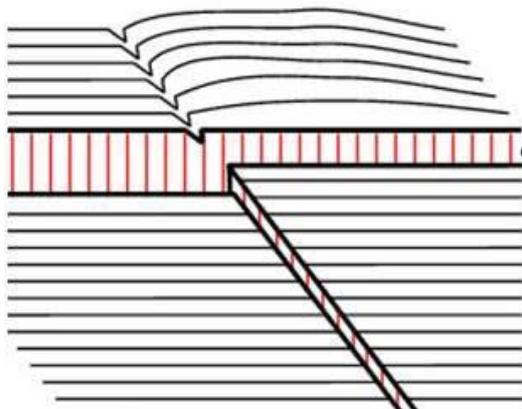

Схема сейсмодислокации

Что же это в действительности такое: следствие сейсмодислокации или оплыв, возникший в результате резкой трансгрессии вод, находившихся здесь в то время? Ответить на этот вопрос можно было только при более детальном обследовании района.

Одна из гипотез, выдвинутая Никитой Николаевичем, звучала как: «сдвиг слоев в результате сейсмодислокации, произошедший около четырех тысяч лет назад», т.е. в то время здесь было землетрясение.

* * *

Андрей Дмитриевич долго ходил по лагерю в плавках и накомарнике, потом достал где-то двухметровую жердь и начал ее затачивать. Придумал что-то! Вскоре выяснилось, что придумал он ни больше ни меньше – спортивное многоборье.

Итак, в лагере начались «Полевые «Олимпийские игры». Старшие участники: командор, Никита Николаевич и наш геолог – Андрей Дмитриевич, имевший в молодости, звание мастера спорта, принялись за метание копья. Вторым соревнованием стало метание камня, который служил нам вместо ядра. Большой камень в двадцать сантиметров в диаметре был, тем не менее, лёгок и явно не соответствовал по весу ядру. В этом виде спорта я первенствовал как в метании с места, так и в метании с разбега. Последним соревнованием, завершившим состязания, стали прыжки на дальность.

Закончились игры праздничным обедом, приготовленным дежурными Ларисой и Юлей из супа с щавелем – блюда, ставшего уже традиционным. Во время обеда девушки произвели торжественное награждение победителей. На наши головы возложили большие венки из полевых цветов. Особым венком был награжден организатор игр. Победителям также на шею повесили по конфете «Му-му», которые заменяли золотые награды (к сожалению, золото в реке намывь не

удалось). Остальным участникам были повешены медали из сосновых шишек.

В эту ночь заметно потеплело. Набежала легкая пелена облаков, наполовину скрыв небосвод. По краям облачной пелены проглядывала малиново-розовая заря.

В лагере грянул второй день «Полевых «Олимпийских игр». Его объявили женским днем. Метали копье и специальную колотушку в банку, одетую на колышек.

Всех поразила Ольга. Ее, мирно спавшую, растолкали и сказали идти метать копье. Ольга без энтузиазма вышла и сбила банку... три раза из пяти, побив при этом все рекорды и показав невиданную точность глазомера. В соревнованиях по метанию колотушки Ольга так же два раза попала точно в банку и стала недосыгаемой для конкуренток. Она была признана абсолютной чемпионкой по метанию в цель без всяких оговорок.

Прощальный экспедиционный ужин – «отвальная» прошла весело. Сначала была вскрыта сваренная ранее сгущенка. Банка, пущенная по кругу, вызвала немало страстей. И вот извлечен последний аккорд прощального ужина. В руках у командора появляется бутылка с ярко-красной жидкостью внутри.

- Подарок от Никиты Николаевича! Фирменная настойка на смородине.

Пили её не торопясь маленькими глотками, наслаждаясь приятным сладковатым вкусом.

Костя взял гитару. Заходящее солнце на фоне красно-алой зари, теплый и свежий воздух, едкий дым костра, гудение комаров под ухом и нежный звук гитары. Романтика, да и только. Песни, которые уже успели полюбить, воспринимались как родные. Все это завершало гармоничную картину последнего вечера экспедиции. С особой любовью встретили «Гимн геофизиков», песню близкую нам по духу, и песню «Гогия» вызывавшую бешеный восторг слушателей.

*По дороге лис бежал,
Перпендикулярно, хвост держал.
Почему так хвост держал?
Потому что хитрый был!...*

* * *

Серая мгла. Стук капель о полог палатки. Костер уже дымит, потрескивая влажными дровами. Мокрая земля и трава, сырые бревна – скамьи у костра, в тарелках, стоящих возле костровища, вода. Напрашивается вывод: понедельник – вторник здесь всегда пасмурно и льет дождь. Это подтверждает пастушка, каждое утро прогоняющая стадо коров мимо нашего лагеря, в течение всей недели.

- Вот ведь! Приехали в дождь и уезжаете в дождь.

Прощавшись, она уходит вслед за стадом. С этим стадом у нас связаны разные воспоминания. Так, однажды несколько коров,

забредших в лагерь, чуть не повалили палатку девчонок, вызвав у них переполох.

После завтрака палатки разбираются и свертываются. В лагере царит суэта. Самая большая неразбериха вышла с ложками – никто не мог узнать свою. По мере собранности, люди уходят к лодкам, где их переправляют на противоположный берег. В моем рюкзаке уже лежит около пяти килограммов макарон, которые мне презентуют, как живущему в «общаге» (где любая пища есть достаток и благо).

Бывшее место стоянки: палаток больше нет, мусор выброшен в специально выкопанную для этого яму, не сожженные дрова аккуратно стоят у дерева. Оглядываем поляну. Затухающий костер, груда щепок, оставшихся после заготовки дров.

При обратной переправе через Бурную мне впервые представилась возможность сесть за вёсла, но лодка слушалась меня с трудом...

Путь до остановки в Запорожском занял час.

Зарядил дождь, становившийся постоянным спутником наших передвижений.

На остановке вопреки пасмурной погоде, Дмитрий Викторович произносит пламенную речь: о географизме, как образе жизни. Костя незаметно достал гитару и ударил по струнам. Через десять минут в пляс пустился Никита Николаевич, за ним «командор», не выдержала и Лариса. Трое они лихо отплясывали под музыку. Слова в песне давно кончились, Костя не кончал играть, не позволяя прекратить танец. Все начали хлопать в ладоши, усиливая ритм. Вокруг собирались проходившие мимо местные жители, наблюдая за веселящейся компанией. Тут со скамейки вскочила Оля и они вместе с Мишей изобразили нечто вроде парного танца. У Кости порвалась струна, но он, несмотря на это продолжал играть.

Время до автобуса пролетело, незаметно. Автобус... электричка... А вот и Финляндский вокзал! Спускаемся в метро. Наш начальник собирает нас в последний раз:

- Ну, ребята, счастливо добраться до дому. Встретимся завтра на кафедре. До свидания!

И поезда метро расхватили нас, разделив на маленькие группки и растворив каждого в толпе пассажиров унеся по родным домам.

Глава 4. «Снегомерка»

Март 1998

Приладожская станция зимним утром

Мартовское утро – вперед к приключениям

- Женя! Проспали!! – голос Сереги, проникнув сквозь тонкую завесу сна, дошел до моего сознания.

Я вскакиваю в недоумении, как Серёга может проспать. Характерной чертой моего соседа было главенствование «железной дисциплины» сознания над организмом. Просыпался он всегда сам без помощи будильника, ни разу не проспав лекции.

После двух лет учебы в Московском физтехе, он так и остался математиком по складу мышления.

В общаге нам часто не хватало пищи. Пытаясь оптимизировать процесс питания, он разработал свою систему, учитывающую минимальную потребность в витаминах и калориях при соответствующем уровне финансового достатка. В течение учебного года мы с ним кушали по расписанию: утро – четыре грецких ореха и один апельсин на человека, в обед, приходя на большой перерыв с лекций, мы съедали, каждый, по два жареных яйца. Вечером основной пищей был гарнир: греча или рис, или вареный картофель, заправлявшийся солью, красным перцем, чесноком и растительным маслом. Периодически я полдничал батоном. Через год я сошел с этой диеты, обеспечив себе трёхразовое питание, заселявшись в профилакторий.

Это замечательное учреждение в рамках университета помогло выжить не одному студенту. Попав туда, чтобы исправить здоровье некоторые умудрялись далее жить в нем по нескольким месяцам. В итоге там сформировался свой небольшой мирок, объединивший студентов

самых разных факультетов и курсов. Сдружившись, они вместе пили чай, играли вечера напролет в мафию и, тайно выбираясь через окно, гуляли по центру ночного Петербурга.

Из воспоминаний переходящих в сон меня вывел голос Серёги.

- Да нет. Время еще есть, - прерывает он мою лихорадочную попытку одновременно одеть сразу несколько вещей. – Разлеживаться некогда!

И он стал хладнокровно стелить постель.

За двадцать минут мы успели одеться, подогреть чайник, умыться, почистить зубы и перекусить перед дальней дорогой.

Напоминаю сам себе капусту: на мне много одежды, что намного удобнее, чем одевать одну, но большую и теплую вещь. Можно снимая или надевая одежду поддерживать оптимальную температуру.

Потёртый рюкзак наполнен самым необходимым: четыре банки тушенки, два килограмма картофеля, спальник, сменное белье и бытовые мелочи (впрочем, недолгая географическая жизнь приучила брать с собой такие «мелочи», необходимость в которых возникала практически всегда во время полевой жизни).

Пока я разбираюсь с одеждой, Серёга убегает будить еще одного участника предстоящей практики. Николай – учится на год старше нас, но решил пройти зимнюю практику с нами. На протяжении последних четырёх лет мы использовали его знания и опыт, чтобы добиться лучших результатов в учёбе. Коля был готов к выходу на семьдесят процентов, т. е. он одновременно заканчивал есть, одеваться и складывать рюкзак.

- Ну? Сядем на дорожку! – мы с Серёгой чтим национальные традиции. Последние секунды пред дорогой: время успокоится, сосредоточится и безуспешно попытаться вспомнить, что же мы всё-таки забыли.

Серёга вскакивает первый и привычным жестом, закинув рюкзак за спину, начинает выбираться из комнаты. Грохот, раздающийся за его спиной, показывает, что габариты комнаты не рассчитаны на человека с рюкзаком, что-то со шкафа свалилось на пол сшибленное рюкзаком. Я иду следом, и шум падающих за мной предметов подтверждает – либо у нас маленькая комната, либо рюкзаки больно большие.

Место встречи всех путешественников по Карельскому перешейку классическое – паровоз на Финляндском вокзале.

Здесь уже большая часть группы вместе с Натальей – инженером нашей кафедры, объединяющей студентов и преподавателей; все экипированы по полевому зимнему варианту: рюкзак и теплая одежда.

В стороне от студентов один из руководителей практики Андрей Ильич. Остальных нет. Ну, нет и нет. Мы и сами знаем, что садиться нужно в первый вагон, откуда ближе выходить в Кузнечном – конечном пункте маршрута. Подходит Дмитрий Викторович – лимнолог, командор

нашей прошлой практики и ныне мой руководитель по написанию курсовой работы.

Теперь не хватает только начальника зимней практики – Игоря Григорьевича. Как истинный начальник он задерживается... причём настолько серьезно, что электричка уходит без него. Мы, трясясь в вагоне, теряемся в догадках.

На последней городской станции вместе с волной новых пассажиров к нам в вагон забросило Мишу и Сергея. Сергей со своей неразлучной подругой дальних странствий – гитарой, Миша в пуховике жёлтого цвета. Приятно видеть знакомые лица друзей!

Андрей Ильич громогласным кличем обратил на себя внимание всех пассажиров.

- Сейчас будет прочитана лекция по истории развития этого края, по которому движется наш поезд...

Спустя три часа электричка «причалила» к конечной станции – «Кузнечное». Знакомые места радовали глаз. Только вместо зеленого цвета растительности господствовал белый цвет снега.

Вот и шоссе С-Петербург – Сортавала, на котором в ста метрах от отворота на пос. Кузнечное – знакомая синяя табличка. «Приладожская учебно-научная станция. Посторонним вход воспрещен».

Ну, здравствуй родная!

* * *

Хотя общее количество времени, проведенное на базе, измерялось, даже не месяцами – неделями, каждая поездка сюда, каждый проведенный здесь день, были столь яркими и незабываемыми, что ничего кроме ощущения возвращения к чему-то родному не было.

Это случилось! Я на практике. Рядом друзья. Те же лица, что я видел на протяжении нескольких лет в различных поездках. Все вновь выбрались на природу.

Всё здесь знакомо. И в то же время необычно. Всё в снегу!

Тропинка вьется между сугробами. На этот раз мы идем не в знакомый барак, где прошли две практики. А в «домик ботаников», в котором летом живут преподаватели с кафедры биогеографии. Сейчас это одно из двух зданий на территории базы, которое можно полноценно прогреть печками, чтобы комфортно провести ночь. Второе здание занимают преподаватели.

Домик имеет еще два существенных в настоящих условиях плюса. До озера, откуда нам предстоит добывать воду, тут метров двадцать, столько же до туалета (и это не последнее слово комфортности зимних полевых условий).

Одна комната целиком отдана в распоряжении девушек, которых в два раза больше чем нас. Во второй поселяется смешанный состав. Справедливо делим спальные места комнаты: девушки спят у печки, мы у окна. Самое большое помещение домика – кухня (она же «кают – компания»).

Схема «домика ботаников»

Есть еще одна комнатка – «вырезвитель». Она почему-то размещена так, что ни одна из двух печек ее не обогревает. Поэтому в ней будут «жить» наши рюкзаки.

На местном складе завхоз выдает нам одеяла (частично грязные, частично рваные) и матрасы с подушками. «Вот так всегда. Больше трети практики это устройство быта, а не научные исследования», - думал я, взяв в руки топор. За пилой пришлось идти в преподавательский домик.

Над дверьми написано «Исследовательская группа». Андрей Ильич открывает два замка и мы входим к ним в комнату. Два стола буквой Т, кровати по углам, полки с образцами горных и древесных пород. На стене фотография...

- О! – довольно восклицает Коля и, проявляя эрудицию, называет имя одного из основоположников учения о ритмах в географии. – Арсений Шнитников!

- Юрий Визбор, - поправляет его Андрей Ильич, называя имя одного из самых любимых в народе бардов.

- Похожи! – удивляется Коля.

Следующие полчаса мы провели, как и положено: спиливая, раскалывая и перетаскивая получившиеся чурбачки к нашему жилищу.

Периодически заходя в домик погреться, я с удовольствием видел, как в котлах начинала пузыриться закипающая вода. Девушки благоустраивают быт. На подоконнике даже стоит привезенный Наташей магнитофон. Только вот собрание кассет несколько странное: сборник российской популярной музыки, «Dire Straits», «Doors», «Секрет». Правда я на всякий захватил несколько кассет с

электронными композициями стиля «New age», но эта музыка нравится не всем.

Когда в комнате раздался голос Пугачевой: «А я в воду воо-й-дуу...!» я поспешил вернуться к распилке дров.

Вскоре поспел и наш ужин.

- Пить или не пить дело каждого. Много или мало тоже. Но завтрашний подъем в 9.00. Никакие оправдания не принимаются.

Во время перерыва в праздничном ужине все гурьбой вывалили на свежий воздух, и вышли на озеро. Тишина буквально оглушила нас, но потом хор голосов всё-таки заставил её потесниться с озера, над которым ярко светила луна. Южную часть небосвода заслоняли белесые в свете луны облака. В мерцании северной части звездного неба я вдруг с замиранием сердца узнал одно из самых великолепных и изумительных по красоте и грандиозности зрелищ в природе.

Коля с Андреем Ильичем с удовольствием посмотрели на указанную мной часть неба.

- Северное сияние!

Под девизом «Приятно выпит закусить» вечер перешел в заключительную фазу.

Тишина. Открываю глаза. Нет, это не тишина. Из стоящего на подоконнике магнитофона раздается хрипловатый голос солиста группы «Дорз». Под потолком, на который мне смотреть проще всего, потому что я лежу на спине, горит лампочка и режет мне глаза. Моя кровать, используемая в качестве лавки, стоит на кухне. Открывается дверь и в облаке морозного пара в комнате появляются Катя с Серёгой и, чуть позже, Миша с Юлькой. Они тащат огромный тазик с перемытой посудой.

- Ну, вот и пережили первый день! – со вздохом облегчения говорит Серёга.

Лежа наблюдаю за деловитыми движениями ребят и вслушиваюсь в музыку «Doors». «Только в таком состоянии, как у меня их творчество постигается – не разумом, а ощущениями – чувствами», - думаю я, залезая глубже в спальник, и окончательно засыпаю.

За маленьким промерзшим оконцем виден белый свет. Начинается утро. Встающее Солнце и короткий звонок будильника в соседней комнате одновременно будит меня и Настю с Катюшей. У печки начинают возиться дежурные.

* * *

Бодрящее солнечное утро приводит всех в чувство после вчерашнего обильного торжественного ужина. Снег сверкает мириадами искорок. Дышать на свежем морозном воздухе одно удовольствие. Все оделись тепло, кроме Коли у которого на ногах небольшие сапоги. Их малый размер не позволил ему надеть на ноги шерстяные носки.

Наше оружие: лопаты, лом и снегомерные рейки – всё делится между ребятами. Самый сложный и хрупкий прибор для измерения

плотности снежной толщи – плотномер, Андрей Ильич нам не доверил и понёс сам.

- Наши исследования по изучению снежного покрова, - начал свой рассказ Андрей Ильич, когда мы переходили по снежному хрустящему насту покрывавшего ледяную корку озера. – Продолжаются уже в течение нескольких лет...

На первой точке профиля мы ознакомились с методикой и сутью работы. Выкопав в снегу яму и пробившись сквозь слой промерзшей земли, мы измерили мощность промерзания почвы. Измерение плотности снега также оказалось несложной процедурой. Продолговатая цилиндрическая трубка с крышкой и весами. Втыкаем ее в снежную толщу и закрываем нижнюю крышку, теперь у нас внутри не смятая проба снега. Взвешиваем ее. Объем тоже известен. Вычисление плотности – дело техники.

Следуя по профилю, мы видели, что накопление снега в разных частях ландшафта неодинаково. Больше всего снега было в западине между сельгами. Летом мы увязли бы в болоте, которое лежало под нами. Сейчас же здесь снега по пояс. Дальнейшие вычисления: соотношения промерзания почвы и мощности снежного покрова.

На четвертой точке Андрей Ильич решил дать нам попробовать воспользоваться снежным плотномером. Стоило ему отвернуться, отвечая на чей-то умный вопрос, как тут же была потеряна гирька от весов прибора.

Профиль привел нас к берегу Ладожского озера, где он заканчивался и уже отсюда, мы по известной тропинке вернулись в сторону базы.

- Ура! Здравствуйте! – мы хором приветствовали овациями начальника практики Игоря Григорьевича.

Причина его задержки была драматична: поскользнулся на скользком паркете и, упав, до крови рассек ухо. Кровотечение долго не могли остановить. Только к сегодняшнему дню восстановился.

Серёга, Юлька, Катя и я – наша классическая бригада. Остальные тоже делятся по бригадам, в соответствии со сложившимися традициями. В первый раз с каждой бригадой идет смотритель. Наш смотритель Наталья. Я немного задерживаюсь, а когда выхожу из домика сталкиваюсь с возвращающейся Натальей. Её ноги промокли насквозь до колен.

- Определили местонахождение полыньи под снегом...моими ногами, - шутит она и, махнув рукой, куда мне ходить не надо, идёт переодеваться и сушить ноги.

- Значит так! – Серёга с сосредоточенным видом смотрел в карту. – Один участок мы описали, пойдём описывать следующий. На новой точке я с удовольствием стал свидетелем традиционного спора по методологии работы между Юлей и Серёгой. Мой друг человек спокойный, но математический склад ума приводит его зачастую к

категоричным решениям. Юля тоже человек спокойный, но у нее есть свое мнение, как делать работу. Эти споры напоминают мне доброе старое время двухгодичной давности. Когда в бригаде много «мозгов» - работа останавливается на уровне обсуждения. К счастью, холод, проникнув под одежду, напомнил, что на улице зима и время споров ограничено. Окончательно завершила дебаты Наталья, вернувшись в сухой одежде. Работа закипела.

После пятичасовой работы на морозе, так приятно оказаться возле гудящей печки. Но засиживаться не пришлось: от каждой бригады по человеку отправлены в лес за дровами.

На базе случай с «купанием» Натальиных ног резко увеличил популярность песни Аллы Пугачевой «А я в воду войду!».

Сергей «придя в себя» после Крыма (где его постоянно просили что-нибудь сыграть) взял в руки гитару:

Репертуар традиционный – Б.Г., но песни под стать окружающим условиям.

«Боже храни полярников...»

Кто-то среди ребят бросил клич – приготовить ужин для Игоря Григорьевича. На сковороде зашипела тушенка. Потом добавили еще. Тем не менее, накормить руководителя практики не получилось – незаметно тушенка была съедена в процессе снятия проб.

* * *

Тепло. Нет, скорее жарко. Высунув нос из спальника, чувствую мороз. Холодно! Убираю его обратно. Голоса просыпающихся девушек недовольно обсуждают, что мороз пробрался к ним в спальные мешки. Печка – растопленная дежурными, уже даёт какое-то тепло, поэтому наименее стойкие покидают кровать, стремясь приблизиться к огню.

- А мне жарко! – решив подразнить девчонок, подаю я голос. – Я тут чуть не промок от жары.

И это всё благодаря пуховому спальному мешку.

Ответом мне был возмущенный хор голосов с угрозами отобрать у меня спальник.

Зашедший с мороза руководитель «подливает масла в огонь» новостью, что на термометре – 25°C!! И это середина марта!

После обеда Дмитрий Викторович сообщил, что собирается вывести на лёд нашу бригаду, чтоб «окупнуть» в историю формирования озера и всей окружающей территории. На озере Суури мы должны научиться отбирать пробы донных отложений.

- Ребята! – Дмитрий Викторович начал обучение с теории, поставив полукругом перед собой. – Сейчас мы стоим где? На том месте, где около 10 тысяч лет назад находилось Балтийское Ледниковое Озеро. Оно, как вы помните из лекций, образовалось в результате стаивания...

Ледяной ветер заставил вспомнить, что мы стоим на открытом пространстве озера. Я пожалел, что оделся не по максимуму, ведь вышли ненадолго.

- ... Анцилово озеро! Оно возникло как следствие...

«Какой жуткий ветер! – голова больше ни о чем не думала. – Почему я так легко оделся!».

- ... Литориновое море! Время его возникновения относят к...

Постепенно мне стало казаться, что одежды на мне и вовсе нет. Тысячелетия формирования этих мест казались секундами по сравнению с часом пребывания на озере.

- ... Иольдиевое море. Более поздний период, когда...

«Эту историю я слышал три, нет четыре... а черт его знает уже не соображаю... В общем, много раз на разных лекциях в теплой аудитории университета...».

- ... Итак, как вы уже понимаете Ладожское озеро и Балтийское море образовались как следствие...

К этому времени все лица, обращенные в сторону преподавателя, которому казалось мороз ни по чем, были красные. У некоторых губы стали приобретать синий отлив.

Принцип работы был прост.

Озерный бур представлял из себя набор пустотелых трубок со съемной крышкой, присоединяющихся к буру и друг к другу, позволявших увеличивая длину брать пробы с глубин до десяти метров.

Сначала во льду просверливалась лунка. В неё перпендикулярно опускался бур. Части бура были помечены метровыми метками, так что мы могли точно фиксировать глубину пробы.

Озеро как отрицательная форма рельефа накапливает в своем водосборе всевозможные частицы ландшафта, которые сносятся в него с водными потоками. Отложения за столетия скапливаются определенными слоями, поэтому анализируя их состав можно сделать выводы об условиях, в которых происходило осадконакопление. Глубинные отложения самые древние; верхние – молодые.

То есть, по сути – озеро – своеобразный сейф следов былых природных условий, воды, которого защищают от разрушительного воздействия воздуха частицы отложений. Задача палеоолимологов – расшифровать, что означает тот или иной состав слоя осадка. Этой элементарной задачей именно мне и предстояло заняться. Дмитрий Викторович предложил собрать мне все отобранные образцы донных отложений и в городе, в лаборатории провести их анализ.

Наконец-то, мы извлекли с глубины первую пробу.

Дмитрий Викторович зачерпнул рукой отвратительно пахшую, разлагающуюся органическим остатками грязную жижу и потянул её к первому кто попался ему на глаза.

- Катерина понюхайте!

Я и не предполагал, что всегда спокойная и флегматичная Катя способна на такие резкие прыжки в сторону.

- ... или вы Юля! – предложил неугомонный Дмитрий Викторович стоящей по соседству Юле.

Юля, пятась в сторону, явно не горела желанием вдохнуть «аромат» разложившихся и гниющих органических остатков.

- Ребята! – назидательно сказал преподаватель. – Вы же географы! Вы должны вживую прочувствовать, а если надо и попробовать всё что вы делаете!

Еще через сорок минут вместе со старым чемоданчиком, в котором были завернуты образцы озерных донных проб, я возвращался на базу к своему дежурству. Мне предстояло увезти их в Питер. Но в голове у меня почему-то вертелась байка, услышанная от знакомых зоологов.

Один кандидат наук, занимавшийся изучением особенностей питания диких зверей, поехал в дальнюю экспедицию. В течение всей экспедиции её участники пытались помочь восходящему светилу науки и как только встречали ... фекалии дикого зверя, собирали их и приносили ему в лагерь. Он с благодарностью принимал подарок, и аккуратно запаковав образец, клал его в чемоданчик. По окончании работ он отправился в аэропорт, где произошло ужасное ЧП. Его чемодан украл вор.

Не тяжело представить горе человека, который фактически вёз в своем багаже готовую докторскую диссертацию, ему оставалось только обработать полученный материал и научная степень у него была бы «в кармане». Тяжело представить каково было выражение лица человека, укравшего охраняемый ценный чемодан, когда он его открыл и вместо ожидаемых вещей обнаружил там аккуратно завернутые в мешочки звериные фекалии.

Вечером наши ряды пополнились приехавшими из города пятикурсниками. А я во время вечернего чаепития вспомнил ещё одну байку произошедшую недавно.

Один из студентов на летней практике несколько перебрав в рации спиртного, решил прийти в себя, охладившись в студеной воде озера, расположенного по соседству с базой. История умалчивает, почему он решил раздеться на базе, однако до водной глади было недалеко, на улице было темно и тепло, так что он отправился по тропинке обнаженным. И все бы закончилось спокойно, но на тропе «бедолага» студент столкнулся с преподавательницей.

Студент шел, прикрывши свое интимное место руками, и даже в этом случае, разойдись они мирно, история могла бы не иметь серьезных последствий, но что-то подвигло студента на эксперименты или ему просто захотелось пообщаться. Поравнявшись с женщиной преподавателем, он развел руки в разные стороны и спросил:

- Как Вам мои гениталии?

Свидетелям, а нашлись и такие, было смешно. Преподаватель была возмущена.

Ну, а сам студент имел время подумать над своим проступком в течение целых двух лет. В армии. Куда он был отправлен после незамедлительного отчисления.

Байки за вечерними посиделками следовали одна за другой. Ну, а под конец вечера творческий коллектив Миши и Оли исполнил великолепный танец рок-н-рольного характера.

* * *

Шум, разносящийся по комнате, ознаменовал начало нового дня. Нехотя открывая глаза, понимаю, что не выспался. Кроме того, мне душно и тесно. Судя по обрывкам фраз, которые доносит до меня сознание, я понимаю, что на кухне уже полно народу и все с нетерпением ждут завтрака.

Среди груды тряпья зашевелились гости. Встав, получаю свою порцию каши, и стуча ложкой по тарелке, присоединяюсь к завтраку.

Большая часть студентов уходит с прибывшим на базу Григорием Анатольевичем на экскурсию по замёрзшим островам Ладожских шхер. Потепление, пришедшее с утренним ветром, не пугает студентов.

Тем не менее, практика, которая объединяет и студентов и преподавателей, подходит к концу и пора определится, когда, кто и как вернется в обыденную жизнь города.

В течение дня уезжает Дмитрий Викторович, Игорь Григорьевич, пятикурсники и Наталья.

Мою голову занимает одна мысль: ехать в город или остаться: в городе меня ждала работа – ремонт в одном из магазинов, своевременный приработок.

Начались эти приработки через однокурсников прошедшим летом, когда я начал подрабатывать с друзьями студентами на постройке дома в Дибунах. Такие короткие и достаточно простые работы, оплачиваемые по её окончании, имели расхожее название – «халтуры». Однако к качеству работы — это отношение не имело. Поначалу мы действительно углубляли фундамент, и квалификации там не требовалось, но потом началась заливка пола бетоном. С расширением круга знакомых на подобных работах, увеличивались и виды работ. Почти каждый месяц на несколько дней я устраивался, чтобы что-то приколотить, отштукатурить, покрасить, перенести, вскопать...

Все остающиеся, видя мои мучения, советуют – оставайся!

Время решений вышло.

Моё решение – моя электричка первая, но завтра в 4.30 утра. Это компромисс, который позволит мне отдохнуть здесь вечером и отметить День рождения Лены, и успеть завтра на работу.

Вечером, в день рождения Лены слово взял Григорий Анатольевич.

- Я думал, что студенчество умерло, то самое, которое было знаменитым своими традициями. Но, глядя на вас, я, к счастью, убеждаюсь, что это не так! Между преподавателями и студентами всегда будет дистанция – и это правильно! Но студенты учатся у преподавателей, а мы чему-то учимся у вас. За студенчество! За вас!

После салатов, на столе появились макароны, приготовленные Мишей, кстати, первые сваренные макароны в его жизни.

Изюминка стола – торт! И его окончание стало сигналом к дискотеке: вслед отечественной «попсе», финские народные мелодии...

К трём часам ночи праздник угас. Студенты разбрелись по комнатам. Подошло время моего отъезда.

- Ты что?! – Серёга возмущенно посмотрел на меня удивленным взглядом, что было уже удивительно само по себе. – Ты же «никакой» будешь, когда приедешь в город! Какая работа? Оставайся.

- Все нормально! – я был непоколебим.

Я пожал руки тем, кто был рядом – друзьям, с которыми провел три года практик. Мишка меня проводил по свежему снегу до выхода с базы. Я уходил с базы моей романтики в сторону электрички, которая должна было отвезти меня в мир прагматики и реализма. В мир зарабатывания денег.

Глава 5. Письма из армии

Май–июнь 1998

Прогулка после присяги

Привет Ольга!

Прошла неделя нашего пребывания в армии и я хочу поделиться с тобой мыслями и впечатлениями переполняющими меня.

Наша поездка на сборы, после прохождения курса военной кафедры в Университете, долгое время оставалась под вопросом. Реформа, понимаешь ли. Но всё-таки это случилось!

Артиллерийская часть, куда мы приехали находится в Ленинградской области, в населённом пункте Городок. Нас – пятнадцать подстриженных молодых людей, горящих желанием принести пользу Отечеству на ниве военной службы в течение месяца и больше не иметь никаких дел с этой формой занятости населения никогда.

Серые ворота со звёздами, кирпичная будка проходной, и вот мы внутри...

Первое, что бросается в глаза - необыкновенная чистота и аккуратность. Зелёные квадраты газонов, оконтуренные красно-белыми полосками бетонных паребриков, ровные, с искорёженным от времени асфальтом, дорожки. По углам газонов стоят синие таблички с указанием Ф.И.О.З. (фамилия, имя, отчество и звание) ответственных за порядок на данном участке территории. Домики в воинской части выкрашены в один цвет, правда, определить его довольно сложно, со времени покраски прошло много

лет, и цвет домов какой-то красновато-оранжево-жёлтый с серым оттенком.

Первая неожиданность название казармы – «солдатское общежитие». У входа стоит несколько человек в военной форме – солдаты. Исподлобья они посматривают на нас и улыбаются. Когда мы заходили внутрь здания с их стороны, словно нож в спину, донеслось саркастическое, резнувшее слух: «Добро пожаловать!»

Расположились мы на первом этаже – в казарме Разведывательного артиллерийского дивизиона.

Впечатлила надпись над выходом из казармы, предупреждающая нерадивых любителей выпить: «Антифриз – яд! 100гр. антифриза – немедленная смерть! Менее 100гр. – медленная мучительная смерть в течение 2-х, 3-х суток». Жизнеутверждающее предупреждение!

Интерьер в казарме скупой – ничего лишнего. Двадцать восемь четко выровненных кроватей, застеленных синими одеялами, 14 тумбочек, разделяющих кровати, 28 табуреток расположенных вдоль спинок кроватей – вот и вся меблировка. Впрочем, нет! Еще спортивный уголок – узкий лежак для штанги (плюс сама штанга), аппарат для накачивания мускулов и ещё пара каких-то диковинных приборов того же рода.

Ленинская комната – пережиток старого времени. Внутри столы с деревянными креслами. Здесь же хранится весь книжный фонд казармы – полусотня книг самой разнообразной тематики: начиная от «Артиллерии стран членов НАТО» и «Тезисов XXVII съезда ЦК КПСС», заканчивая детективами Хаксли и Чейза.

В том же день мы получили форму. Судя по ее виду она несколько не изменилась со времен Великой Отечественной. С одной стороны, это, конечно, показывало насколько хорошо она была в свое время продумана, с другой же ... М-да!

Итак, поношенная гимнастерка, пилотка, пузатые галифе, сапоги (у кого хромовые, у кого юфтевые, а у кого и кирзовые – кому как повезло, в соответствии с подошедшим размером; мне, к счастью, достались хромовые, я так и не познал тяжесть и неудобства «кирзы») с едва державшимися каблуками (некоторые ребята потом мучались, прибывая их маленькими сапожными гвоздиками) и, наконец, ремень (с ремнями нам вроде тоже повезло – бляхи были покрашены, и мы были лишены солдатского шика и мучения – натирать до сияния её блестящую поверхность) так мы выглядели после переодевания. Остаток дня провели, пришивая погоны и воротнички. С воротничками нам еще предстояло регулярно возится, по мере загрязнения они отпарываются и заменяются чистыми, а вот погоны пришиваются раз и навсегда (если, конечно, ты не получаешь новое звание – в этом случае тебе придется украшать «гордость формы» новыми лычками). Погоны вызвали новую волну удивления, даже знатоки военной символики не смогли

сказать какого времени полученные нами курсантские погоны. Обычно погоны у курсантов (по крайней мере, нас ими здесь считают) черные с желтыми полосками. Нам же выдали черно – белые погоны. Теперь мы выглядели вроде белогвардейцев.

Всё–таки непривычное для парней занятие – шитьё. Многие даже не успели все пришить в этот день, а уж, сколько ругани было...

Из примечательных событий первого дня можно отметить знакомство с нашим непосредственным начальником коренастым, усатым человеком в камуфляже представившимся, как:

- Меня зовут старший прапорщик Мельников! Я назначен старшиной сборов в этом году.

Ближайшие трое суток показали, что над нами стояло около шести непосредственных начальников.

Плюс ко всему нас обозвали первым взводом, в разведывательной батарее (вторым стали геологи, приехавшие днем позже), и разделили на два отделения. Соответственно среди нас появились: зам. командира батареи Витя с кафедры океанологии, зам. командира взвода Юра с экономом географии, и два командира отделения Игорь с океанологии (I отделение) и Сергей с экономом географии (II отделение, где я и оказался).

Уф–ф, вроде всех начальников перечислил!

На ужин нам в этот день дали кашу с рыбной котлетой и чай с бутербродом (кусочек батона со сгущенным молоком). Котлета почему–то отливала синевой и от нее, потом у некоторых была изжога, а вот сгущенка стала приятным сюрпризом.

Витя назначил первых дежурных по казарме, т. е. дежурный был один, но у него в распоряжении находились двое дневальных. Эти люди отвечали за порядок и чистоту в казарме.

В первые ночи, ложась спать, я заворачивался в одеяло как конфета в обертку, но всё–же замерзал и под утро просыпался оттого, что коленки у меня упирались в подбородок (градусник в помещении показывал +10;С).

Армейские будни протекают довольно однообразно.

- Батарея подъем! – крик дежурного разносится по казарме. Значит, шесть утра, пора вставать, причем, чем быстрее, тем лучше. – Форма одежды №3.

В армии каждой погоде соответствует свой вариант обмундирования при проведении зарядки. Всего их четыре: первая самая легкая - сапоги, галифе; четвертая - полное обмундирование.

По утрам в эти дни было очень холодно, поэтому все старались быстрее начать двигаться.

После зарядки можно заправить кровать, умыться, побриться. Утреннее построение – осмотр батареи старшиной.

Прием пищи в армии коллективный, поэтому все строятся и колонной идут в столовую. Причем не просто так идут, а с песней. Наша песня поднимает аппетит, прибавляет бодрости и выводит из себя местное начальство. Нет! Не оттого, что они не любят хоровые пения, просто песня у нас такая. «Маруся» из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию». Еще в городе мы решили, что эта песня как раз подходит для наших сборов. К концу недели мы, правда, уже начали жалеть, что выбрали для строевой хорошую песню, когда тебя её постоянно заставляют исполнять, она начинает надоедать. Надо было выбрать что-нибудь менее душевное, что можно было бы горланить без сожаления. А местных офицеров она раздражала, своей несерьезностью.

После завтрака – учеба, то, ради чего мы сюда и приехали (получаем военную специальность). Вся неделя была посвящена общевоинским дисциплинам: зубрили устав, знакомились с установкой мин, тренировались передвигаться перебежками, надевать противогазы и ОЗК (Общевойсковой Защитный Костюм – это от радиации) познавали стрелковое оружие (автомат, пистолет).

Строевая подготовка – своеобразный символ армии. Прапорщик часами готов был гонять нас по плацу (ровная заасфальтированная площадка установленных размеров, специально созданная для отработки четкого армейского шага; на ней так же проводятся торжественные воинские церемонии), заставляя всю батарею идти в ногу, чеканя шаг и выдерживая ритм. У каждого в отдельности ходить, как следует еще получалось, но вот когда мы пытались пройти вместе... «прапор» начинал выходить из себя... Хотя, справедливости ради, стоит отметить, нас сильно не мучили – часами по плацу мы не ходили, так пару часиков после обеда и все.

Как-то, наше командование решило, что мы уже готовы к тому, что в армии называется общим построением, происходящем на плацу ежедневно для всей артиллерийской бригады. Смотришь парады? Так вот, хоровой ответ: «Здравия желаю, товарищ командир», на приветствие большого военного начальника – и есть, что-то типа того. Мы тоже смотрим парады, поэтому, после того как, командир бригады нас поприветствовал, в ответ он услышал наш рев: «Здравия желаем, товарищ полковник!» Вот только ответом нам был смех... кричали мы одни. Командир бригады побагровел.

Как выяснилось, нужно было выдержать солидную паузу, что нам и было незамедлительно продемонстрировано остальными солдатами срочниками. Их, кстати, было ненамного больше нас, но прогорланили они приветствие так, что создавалось впечатление, будто бы на плацу человек сто – двести. Так или иначе, но нас на общее построение уже больше не гоняли.

Обед начинался в 14.00, таким образом, за семь часов, прошедших с момента завтрака, мы успевали здорово проголодаться.

После обеда часто начиналась САМПО (самостоятельная подготовка), иногда сидели с зеленой книжкой армейского устава – делали вид, что заучиваем. По сути, с этого времени у нас начиналось свободное время.

Свободное время у не свободных людей – парадокс. В это время можно было написать письмо домой (отправление бесплатное, между прочим), пришить новый воротничок, почитать книги, поиграть в интеллектуальные игры – шашки, шахматы. Кстати довольно популярный способ проведения досуга. Нам даже достали новый комплект шахмат: мы распаковали фигуры из полиэтилена и достали торговую этикетку. На ней значился год выпуска – 1967, то есть тридцать лет шахматы были в глубокой консервации!

Трёх человек каждый день с позволения командира отпускали на пол часа за пределы части до магазина. В основном покупали сигареты, напитки (днем стояла жара), печенье (такая маленькая радость, как сладость приносила несравнимые с доармейской жизнью приятные эмоции). Впрочем, сам по себе выход за пределы части уже был праздником, омрачаемый только необходимостью возвращения!

Я отдавал предпочтение иному виду проведения досуга. Как только выдавалась свободная минутка, я шёл в Ленинскую комнату, садился за стол, и, устроившись максимально удобно, – засыпал. Все наши, без исключения, страдали от недосыпания. Трудно было после домашнего режима сна перестроиться под военный. А так как днем на кроватях лежать было запрещено, то ребята научились спать в любых положениях, используя выдающуюся свободную минуту. Апологетом простоты подхода вновь стал мой друг и сосед по общаге Серёга. Он просто ложился на пол, показывая тем самым неприхотливость российского воина. Ну, а другие использовали для этих целей столы (на которые можно было приклонить голову), табуретки (главное её к стене прислонить, для создания дополнительной точки опоры), лежак для штанги (здесь сложностью являлась его узость – уснув можно было завалиться на бок и упасть), или просто в нарушение устава ложились на кровати, пользуясь отсутствием начальства.

В среду приехали геологи – восемь человек, и стало немного «веселей» - появилась полноценная возможность поиграть в футбол и волейбол.

В пятницу у нас случилось выдающееся событие – нас повезли на стрельбище. В машине я поминутно «клевал носом», безуспешно пытаюсь поспать подпрыгивая на кочках - накануне я побывал в шкуре дежурного по казарме.

Так как дежурный официально на посту спать не может, то перед дежурством днем ему разрешают официально поспать в кровати. Я и не представлял какую радость может принести полчаса здорового сна!

Функции дежурного заключаются в поддержании порядка и чистоты в казарме в течение суток; для чего ему в помощь даются двое дневальных. За каждую вещь из казармы дежурный отвечает головой. Началось дежурство с принятия имущества казармы по описи от предыдущего наряда. Этим же и закончилось. Вопреки установленному порядку, ночь была разделена нами на три промежутка бодрствования. Не успел я лечь, как по «закону подлости» появился дежурный офицер. Естественно, в течение пятнадцати минут он высказал мне всё, что думает об о мне и дисциплине.

После того как он ушел, я лег, и к своему удивлению мгновенно заснул не отягощенный мучениями совести.

Под утро я подпрыгивал на жесткой скамейке в машине вместе со всеми отправленный на стрельбище. Не заметно пересчитав все колдобины по дороге - мы приехали к месту назначения.

Невысокое трёхэтажное здание посреди леса. Тишь, да благодать.... Все расслабились в ожидании.

- Ба-бах!!

Оглушительный выстрел заставил вздрогнуть всех вальяжно ожидающих молодых стрелков. Просто один из подполковников решил испытать автомат. Я никогда не слышал выстрела стрелкового оружия такого калибра так близко. От каждого последующего выстрела я (как и многие мои товарищи) буквально подпрыгивал. Как к этому можно привыкнуть?...

Сначала стреляли из «Калашникова», самого надежного автомата всех времен и народов. Из автомата я отстрелялся неудачно. Хотя на военной кафедре в составе факультетской команды выиграл соревнование по стрельбе из малокалиберной винтовки среди факультетов университета. Тогда же куратор соревнований, узнав что мы с географического факультета понимающе кивнул: - Наследники Пржевальского!

Затем у нас началась стрельба из пистолета, в котором снова отличился Серёга. Встав по ковбойски, широко расставив ноги (вовсе не так как нас учили, чем насмешил всех окружающих), он выбил больше всех очков!

Я держу в руках смерть. Смерть не очень большая. Тяжелый металл, окрашенный в зеленый цвет, холодит руку. У меня в руках граната! Это самое сильное ощущение за этот день.

Стоит только выдернуть чеку и подождать пять секунд...

У других ребят похожие эмоции отражаются в глазах. Зато офицеры и прапорщики шутят и смеются, небрежно покуривая, разбирая ящики с гранатами.

- Лови! – прапорщик кинул гранату Вите, которому как командиру предстояло первому метнуть это опасное оружие из

окопа. Его первого отправили на этот подвиг. Наш армейский куратор ему так и сказал:

- Командир взвода!! Двигай на подвиг – нах!!

Взрывы огласили тихие окрестности зеленого полигона. Вскоре к взрывам присоединились одинокие щелчки pistolетных выстрелов и автоматные очереди. Выкинув свою гранату из окопа, я, пересыщенный эмоциями, прилёг на полянке, поблизости от своих. Слух совершенно адаптировался к грохоту на полигоне и нисколько не напрягаясь от окружающей какофонии, я полностью расслабился.

В заключение поездки мы еще поползали по стрельбищу в поисках использованных гильз – отчётность в армии могла довести, кого угодно.

Солдатское счастье – что это? Поест, поспать, закосить от работы и ... помыться. Сразу после приезда с полигона нам дали возможность познать его в полной мере – нас отправили в баню.

Сколько написано о целебном жаре русской бани. Обжигающий пар с раскаленных камней парилки. От одной мысли о бане уже становилось легче жить.

Скинув грязную, опостылевшую за эту неделю форму, мы открываем двери в это божественное заведение.

Помещение бани – большая каменная комната. Вместимость большая. Температура маленькая. Это от открытой форточки для проветривания. Но на всю нашу дружную компанию – две шайки (тазика) и два душа. Да и те заняты срочниками с наслаждением фыркающими под струями тёплой воды. Парилка в бане отсутствует – видимо отнесена к гражданской роскоши.

Но несмотря ни на что – баня это здорово. Мы смыли с себя не только пыль и грязь, но и усталость всей недели. После бани мы получили чистое бельё: выцветшие майки и трусы, и серые портянки. Всё кроме трусов новоиспеченные курсанты приняли безропотно. Трусы же отдали обратно прапорщику. Выдали нам и новое постельное бельё потрясшее всех ослепительной белизной, оно хрустело в прямом смысле, когда мы его застлали. Я, вообще, никогда не видел такого чистого белья!! Причина его выдачи выяснилась очень скоро. Пришла весть о приезде штабного начальства. В грязь ударить лицом было нельзя, поэтому грязь убрали из части.

На следующий день меня отправили чистить картофель на кухню, в помощь дежурившим срочникам. Для чистки картофеля в особо крупных размерах существует автоматическая картофелечистка. Этот нехитрый прибор чистил картофель самостоятельно – единственный недостаток – он не умел удалять «глазки». Для этого ему в помощь выделялись два срочника, а уже в помощь им был выделен я. Здесь я услышал последние слухи.

- Говорят, скоро вас разбросают по казармам среди нас. Вот тогда и узнаете, что такое «дедовщина»! Ночами спать не будете.

Круглоголовый, коренастый солдат в потёртом камуфляже, Роман, ловко орудовал ножом, и непринуждённо, искренне и по-доброму, размышлял, что «дедовщина» для молодых (т.е. есть в данном случае для нас) очень полезное и нужное явление.

Второй срочник, в измятой гимнастёрке, с большой бритой головой (типаж Войновичевского Ивана Чонкина) – молчал. Он уже неделю не вылезал с тёплого дежурства со столовой, оставаясь в столовой и днём и ночью. Так что и вид у него был соответствующий. Не сапоги, а огрызки какие-то, вся форма замызгана.

С солдатами срочниками мы виделись регулярно во время приёмов пищи. Они всегда первыми приходили в столовую. Как-то, выходя из столовой и направляясь в сторону казармы, так как дежурство по казарме освобождало меня от общего строя, коим следует двигаться после еды, я услышал разговор двух срочников.

- Смотри. Вон хромовые сапоги идут (это об о мне).

- Ну и...?

- У тебя же дембель скоро! Взял бы себе на память...

- Да, ну... сапоги то – старьё...

Два дня по казарме ходили слухи о крестовом походе против студентов, который ночью планировали осуществить дембеля.

Настоящие же «разборки» проходили на волейбольной площадке. Андрей с океанологии даже встретил во время одного из матчей земляка из Чебоксар. Землячество в армии – узы крепче родственных, и, скорее, напоминают кровное братство некоторых горных народов. Но больше всего я узнал об армейском бытии за те два часа, пока чистил картофель.

- Наряды... Да, нас постоянно в них гоняют. Самый удобный наряд на КПП, там спокойно поспать можно. Пить лучше всего в столовой. Уходишь в наряд по столовой. Дружбаны приходят помочь глазки выковырять, как ты сейчас. И бухаешь. Пить то как то надо!

Рома совершенно легко и по простому размышлял об армейском быте. Около получаса они с Сашей (похожим на Чонкина) вспоминали фильмы, увиденные до армейской службы. О городе эти ребята говорили с уважением, как о чём-то недоступном и непознанном. Чувствовалось, что армейская жизнь приучила их к этому простому и бесхитростному существованию. Существованию, где в уставе учтены практически все аспекты жизни, а для удовлетворения желаний достаточно ежедневных мелких нарушений: самоволка, спиртное, свиданки и т.д.

- В конце-концов, что мы? Работать всё время обязаны? Надоедает – сваливаешь в туалет, чтоб не попадаться на глаза начальству и вроде как нет тебя.

После ухода из столовой мне еще долго, стоило закрыть глаза, представлялись бескрайние горы картошки.

Сойти с ума у нас были и другие поводы. Чего только стоила история с утюгами.

В начале недели прапорщик принёс нам два утюга. Один новенький (по внешним признакам) – белый. Второй – старинный, нагретый по полчаса. Принёс под ответственность дежурных: сломается: покупают новые. Каждый наряд теперь тщательно проверял исправность утюгов, при смене дежурства. Я думаю, что при других условиях утюги просуществовали бы в целостности и сохранности также долго, как и их гражданские собратья, но в атмосфере страха перед их поломкой...

Первый утюг сломался на второй день – он не дымил и не взрывался – он просто перестал нагреваться. Как Игорь его не разбирали и не собирали, работать тот так и не захотел. К Мишиному несчастью именно в его руках утюг «испустил дух», а потому с него дежурные взяли расписку о «скоропостижной смерти» нагревательного прибора в руках. Подписку дежурные подшили в журнал (в который прапорщик так и не заглянул). Второй утюг был более опытным и сильным духом. Умирал он видимо уже не первый год. И однажды утром он не проснулся, и его душа на четвертый день пребывания в казарме РаАДН присоединилась к своему более хлипкому собрату. Виноватого, к всеобщему облегчению, не нашли, но казарма осталась без утюгов. Пришлось пользоваться дедовскими способами – две железные монетки, зажатые в пальцах, между которыми проводились галифе, хорошо наводили стрелки.

Стрелки на галифе нам понадобились в самый знаменательный день сборов – день военной присяги (наверно, по значимости он уступал только долгожданному дню окончанию сборов). В этот день ребята становятся воинами, присягая на верность своему Отечеству и народу. С этого дня начинается истинная воинская служба. После присяги ответственность за нарушение армейского распорядка становится действительно серьёзной.

Воскресенье – торжественный день присяги. Главный фельдшер части (он же знаменосец) – выносит на плац знамя части. Мы, выстроившись в два ряда, по очереди подходим к знамени и присягаем на верность Отчизне. За нами наблюдают приехавшие из города родители, родственники, братья и сёстры, друзья. Мы с Мишей и Серёгой можем радоваться – хоть к нам не приехали родственники, зато у нас есть друзья. К нам приехал Коля, проходивший здесь сборы годом раньше и понимавшим, как здорово, когда к тебе кто-то приезжает. С ним прибыли наши одноклассники – Юлька с Катькой, наши товарищи по практике.

После принятия присяги – торжественный марш перед комбригом и штабным начальством. Судя по тому, как менялось

выражение лица комбрига марш оценён на неудовлетворительно. Круг завершён. Осталось пройти с песней. Ну, сейчас мы покажем...!

- Отставить песню!!

Команда звучит откуда-то со стороны. Мрачный комбриг дал отбой, и махнув рукой, сошёл с трибуны. Обиделся что-ли? А что можно успеть за неделю, при постоянных нарядах?

После присяги тех, к кому приехали гости, отпустили на прогулку, чтобы не болтались в пределах воинской части.

Свобода! Мы отошли от расположения части на максимальное расстояние, чтобы избежать «вредоносного воздействия» воинского устава на нас. Расположившись на солнечном пригорке среди молодого соснового бора, я почувствовал (как наверно и ребята) свободу и любовь к этой жизни.

- Ну, за вас, бойцы! – Коля с улыбкой поднял импровизированный бокал – пластмассовый стаканчик с водкой.

После пары стаканчиков я вдруг осознал, что в отличие от ситуации на гражданке, где некоторое количество алкоголя позволяло расслабиться, сейчас спиртное мешало наслаждаться свободой. После обеда в расположении части, Мишке с Юркой пришла идея взять в прокат лодку. Мы с удовольствием катались по озеру, попивая пиво. В этот вечер мы едва успели посадить гостей на последний транспорт и вернуться к ужину в часть.

Остаток этого дня я и посветил посланию к тебе.

Привет тебе от нас всех.

P.S. Ты не представляешь, как здорово, что есть возможность писать отсюда кому-то!

Ольга привет!

В первый день лета выдалась свободная минутка между нарядами, строевой подготовкой, учёбой и безустанными попытками выспаться, и решил черкнуть тебе пару строк.

За забором идет жизнь, а мне, в первый день лета, почему-то пришли в голову мысли о начале Великой Отечественной войне. Виной тому приближение 22-го июня, наша форма – мало изменившаяся с тех времен, да и ощущения – мы «молодые бойцы», всё как перед началом трагического времени двадцатого века. И как сложилась бы наша жизнь, если бы, случилось подобное ...

Вообще-то, как-то в первом письме я не написал, но по военной специальности мы военные метеоролог. Или, если точнее, командиры метеорологических взводов. В течение трёх лет мы слушали соответствующие учебные курсы. В число наших занятий входила и метеоподготовка.

Не только авиация использует данные о погоде. Знания о скорости, силе и направлении ветра, видимости, температуре и влажности важны для артиллерии: во время полета снаряда или ракеты, на неё влияют все метеорологические параметры.

Конечно, метеорология как наука не стояла на месте в течение XX века, и сейчас на вооружении нашей армии сложнейшие мобильные метеорологические комплексы, состоящие из двух и более машин, начиненных компьютерной техникой.

Но техника имеет свойство отказывать, поэтому на лекциях военной кафедры мы учились пользоваться специальными метеорологическими линейками, вычисляя необходимые параметры только по рядам данных, которые поступали с метеозонда. Так что в случае отказа электронного оборудования мы легко могли бы получить необходимые артиллеристам и ракетчикам данные, пользуясь головой и логарифмической линейкой.

Только на вторую неделю пребывания в армии нас познакомили с автоматизированным мобильным метеокомплексом «Улыбка».

Но прежде, чем мы с ним познакомились – мы узнали, что такое армейские хозработы.

В один из дней армейское начальство выстроило всю группу курсантов перед казармой строем и стало отбирать по физическим данным на соответствующие работы.

Мне повезло – я был дневальным. Юра, наш запевала, зашел в казарму через час, и выругавшись в сердцах, процедил сквозь зубы:

- Как рабов на рынке...

Потом он поведал, что в группу «силачей», которую отправили на тяжелые погрузочные работы, не попал, а посему был отправлен спиновать с газонов желтые цветки одуванчиков – газон по уставу должен быть зеленым! Когда я, через день, сам попал на хозработы вместе со всем взводом на пол ночи, то при возвращении в темноте в казарму у меня в голове крепла только одна мысль: дослужить этот месяц и не тратить свою жизнь на бессмысленное времяпрепровождение.

Но лучше расскажу о хорошем. Когда я увидел наш метеокомплекс «Улыбка» я буквально влюбился в него. Два маскировочного цвета фургона на базе мощных вездеходов «Урал».

Первый фургон – это фактически компьютер, из крыши выдвигается мощная приёмо-передающая антенна, внутри фургона рабочее место главного оператора, который осуществляет в процессе зондирования управление компьютером.

Вторая машина – это жилой кунг и генератор электричества. С помощью прицепа, который цепляется ко второй машине, у метеовзвода имеются: баллоны с водородом для наполнения шаров – зондов, которые называются шар – пилот.

Метеокомплекс «Улыбка»

Первое зондирование под руководством начальства показало, что наша военная специальность интересна и интеллектуальна.

Собственно алгоритм нашей работы прост.

Мобильный метеорологический комплекс прибывает на место базирования. Место базирования, как правило, вблизи артиллерийской батареи, но в глубине за линией фронта.

После прибытия на нужное место все шесть человек военного расчета как можно быстрее разворачивают комплекс.

У второй машины надувается водородом шар-пилот, и к нему прицепляется метеопередатчик. К первой машине подключается электрогенератор, активизируется компьютер, выдвигается антенна, которая будет отслеживать шар-пилот.

Потом по проложенной телефонной линии, от первой машине ко второй, звучит команда.

- Пуск!

Шар-пилот отрывается от Земли и быстро исчезает в небе. Теперь за ним следит только наша радиолокационная станция – антенна. Шар пилот может достичь высоты тридцать километров. Всё это время за ним неотступно следит радиолокационная станция, непрерывно получая данные о состоянии атмосферы.

Вот в этом и состоит главная слабость нашей станции и опасность нашей работы. Излучение станции – отличная возможность засечь нас вероятным противником и шарахнуть ракетой по источнику излучения. Для того, чтоб обезопасить себя придумано несколько способов защиты. Главный – вся работа нашего комплекса, включая разворачивание, собственно зондирование и свертывание комплекса, расписаны по минутам.

Наша задача научиться выполнять все функции: за операторским пультом, надувая шар-пилот, протягивая провода между машинами и проч. Естественно, существует не очень приятная работа. Например, водород – взрывоопасный газ, и

возникновение любой искры в процессе надувания метеозонда чревато взрывом, поэтому чтобы обезопасить себя, мы снимаем ремень (или сдвигаем его назад), бляха со скобой могут дать искру. Антенна нашей радиолокационной станции в одном из режимов даёт такое излучение, что, если случайно направить её в этот момент на кого-нибудь из членов расчета, у него возникнут серьезные проблемы со здоровьем. Так что мы стараемся делать всё чётко и правильно, а за нами постоянно наблюдают наши кураторы с военной кафедры.

За несколько дней мы здорово наловчились работать на метеостанции. Подполковник Лысенко каждый день давал новые вводные, стараясь в кратчайшие сроки подготовить из нас максимально квалифицированных командиров метеовзводов.

- В вашем подчинении пять солдат, вы должны будете каждого научить его функциям. Для этого вы сами должны уметь работать в любой должности и справляться с любыми трудностями..., - прессингуя на третьем дне обучения, говорил подполковник.

В последний день, после окончания зондирования и свертывания комплекса, Юрку (нашего общажного товарища) не имевшего водительских прав посадили за руль.

- Веди машину. Ты всё должен знать!

С расширенными глазами Юрка вцепился в баранку, но к счастью, для всех в гараж въезжал уже сам подполковник.

В один из дней этой недели мы прожили по уставу. И оказалось, что день по уставу – это очень даже неплохо. Нас никто не гонял на хозработы. А то, до этого дня, устав трактовался только в сторону, нужную начальству. Например, когда мы вместо отбоя (в нарушении устава) на четыре часа были угнаны на работы: нам был обещан подъем на пару часов позже. Но утром, как ни в чем, ни бывало, мы были подняты «по уставу» и отправлены на плац.

Выдалось у меня и свободное время в наряде, когда, будучи дневальным, стоял ночью на посту. Очень развивает мыслительные процессы. Только вот мысли были все о питании и сне. Что б съесть, да как бы поспать лишней часок. Только звуки ночной казармы отвлекали от мыслей: храп, перемежается со стонами (кто-то стерт ноги в сапогах), кто-то разговаривает во сне. В общем, сон у ребят тревожный и никакой тишины в помещении нет.

Забавно наблюдать разность «ментальности» военных и университетских людей. Всё наше военное начальство раздражает, то что мы никак не привыкнем отвечать: «так точно», «никак нет», «есть». Как правило, в первый раз на вопрос, требующий конкретного ответа, студент-курсант отвечает: как бы да, вроде сделал, кажется нет. Особенно военных раздражает «как бы», с которым они борются как могут.

Вот уже и конец недели, а письмо я так и не отправил.

Скоро «экватор» - середина нашего пребывания на сборах. Погода стала хмуриться: набежали облака. Не хотелось бы, чтобы она испортилась – нравится мне солнце. Веселее как-то жить...

Кстати, с оказией нам Сергей – физгеограф прислал банку сгущенного молока. Мелочь – а так приятно!

Письмо писал урывками, почти неделю, так что постараюсь отправить в ближайшее время!

Удачи! И привет от всех ребят!

Здравствуй Оля!

Мы с ребятами были рады получить от тебя письмо. Спасибо, что прислала весточку из города. Любая поддержка оттуда скрашивает часы проведенные здесь.

Экваторы, как ты знаешь, бывают разные. Есть географический экватор обручем обтягивающий земной шар по середине.

Утро нашего экватора (то есть дня, когда миновало пятнадцать дней из тридцати отведенных нам на сборы) выдалось тёплым. Я уже успел привыкнуть к зарядке: чем она интенсивнее, тем больший заряд бодрости ты получаешь.

Зарядку во взводе мы ведем по очереди, так что каждый из нас имеет возможность почувствовать себя физруком. Наиболее сильный темп зарядки предложил Андрей, так что можно было ощутить напряжение в мышцах. Хотя большинству же пришлось по вкусу зарядка Серёги, который сконцентрировался на разминочных и разогревающих упражнениях.

Обычный день – обычное расписание. Мы потихоньку наглели – «Маруся» нам изрядно поднадоела, поэтому мы без песни начали ходить в столовую. И в один из дней попались...

- Вы, что это без песни, м... вашу!!! – толстенный, низенький офицер с погонами майора вышел из-за угла столовой.

- Кру-уу-гом! На плац... шагом ма-аа-рш! – сменил он вежливый тон на командный. – Пять кругов по плацу с песней.

На завтрак мы явно не успевали. Обидным в этой ситуации было то, что некоторые офицеры песни от нас не требовали. Срочники ходили до столовой молча и никто им это в вину не ставил. Избирательность устава нас стала доставать. Даже «великодушное» прощение майора нас не сильно порадовало.

Очередное зондирование атмосферы – запуск метеорологического зонда на время. Приятная отдушина учёбы между работами по благоустройству части и отупляющей муштры на плацу. Наконец, мы уложились в планируемое время.

Солнце превратило маленький песчаный полигон за парком, где проводилось зондирование, в горячую сковороду. Я выполняю функции оператора – радиотелефониста. Бег от аппаратной машины к пункту зондирования и обратно. Температура под +30; по нашему родному Цельсию. Песок хрустит на зубах. Глоток воды из фляги промочил ссохшееся горло. Пуск! Шар запущен. Я в машине. Сажу за спиной главного оператора и вместе с ним наблюдаю за показаниями компьютера. Зондирование проведено успешно. Свертываемся. Учёба на сегодня закончена. К обеду нами выучена, в экстренном порядке, новая строевая песня.

- ...таких не берут в космонавты! – грянуло между столовой и казармой. Эта песня посвящалась товарищу майору. Майор ни наш юмор, ни творчество группы «Манго-Манго» не оценил. Он изменился в лице и приказал отставить песню.

Не проходило и дня, чтобы начштаба или кто-нибудь ещё из командного состава не послал кого-то из нас что-то красить, грузить, таскать, очищать... Так проходит наше обучение не только воинской науке, но и армейскому быту. Теперь мы уже знали, что появление в части кого-то из штабного начальства не означало ничего хорошего. Прапорщик возникал у нас в казарме только в поисках грязи и других непорядков. Найдя, он с удовольствием тыкал в эту грязь дежурного и исчезал, испортив всем настроение.

Со временем общение с прапорщиком ограничивалось тремя словами «Есть», «Так точно» и «Никак нет».

Старший лейтенант появлялся в казарме за тем же, что и прапорщик, а также для того, чтобы отобрать пару тройку человек на работы. При появлении старшего лейтенанта в казарме мгновенно становилось пусто. У нас родилась поговорка: «старлей пришёл – на работу увёл». На работу никто не хотел, поэтому с каждым днем дежурным было все сложнее отыскивать людей для старшего лейтенанта.

Начальство покрупней приходило не столь часто, но уж если приходило, не переставая умиляться молодым курсанто-студентам уводило весь взвод на общественные работы.

Но, несмотря на все перипетии, процесс обучения нас специальности командира метеозвода шёл своим чередом.

Наш куратор подполковник Лысенко делился с нами своими знаниями и опытом: он рассказал о перспективах метеозондирования с помощью лазера в XXI веке, давал советы по поводу отношений с солдатами. Наша задача завоевать авторитет, научить профессии метеоролога и поддерживать дисциплину во взводе. И это требует, порой, довольно сурового отношения к солдатам (и, разумеется, справедливого). Эта беседа заставляла по-новому смотреть на отношение прапорщиков к нам: их цель тоже дисциплина. Те же упрощения – свойственные армии и вызывающие у нас

пренебрежительную ухмылку. Всё-таки нас обучают действиям в условиях повышенного стресса, поэтому «примитивность» языка культивируют с целью упростить понимание. И песня и наш вид – также имели важный смысл, повышая чувство локтя и самодисциплины. Хочется только надеется, что нам не придется постигать этот смысл.

В один из выходных мы узнали, что такое праздничное военное расписание: всё свободное время было занято лекциями и пространными маразматическими викторинами. К счастью, его не стали придерживаться.

Понедельник – я в должности газонаполнителя. Всегда испытывал боязнь к вещам, которые могут взорваться. Надутый шар напоминал живое существо, которое как и мы стремилось к свободе – в небо. Ко времени второго зондирования, когда мне предстояло наполнять вторую газооболочку, боязнь взрыва прошла.

В этот же понедельник приехали новенькие «курсанто-студенты» других факультетов нашего универа. Количество их впечатляло. Срочники, которые поначалу вызывали у нас опасение, растворились в этой массе – мы их едва замечали. Но вид у новоприбывших нас шокировал. Все нескладные, мятые, тусклые, хоть и в новенькой, с желтыми погонами, форме.

Неужели так нескладно выглядели и мы, когда приехали?

По утрам новички бегали на зарядку. В кроссовках! Сие явление вызвало у нас снисходительную улыбку, мы, в отличие, от них, без поблажек бегали в сапогах, по форме, в общем. Глядя на них, я даже отчасти понял срочников, которые свысока смотрели на нас, когда мы приехали в часть.

Вскоре по этому поводу нас собрал куратор подполковник Голиков. Собрал и сказал короткую воспитательную речь.

- Курсанты в этой части делятся на «старых» и «молодых». Отличительные признаки: у «старых» погоны белые, у «молодых» жёлтые. Но не только этим отличаются курсанты. Старые совсем обнаглели и никого из начальства ни во что не ставят.

Обидели комбрига. Кое-кто из «старых» курсантов был в наряде по столовой. Выносить бак с мусором он пошёл в красной рубахе навыпуск. На замечание комбрига о форме не по уставу, последний был фактически послан. Нельзя обижать комбрига!

Пошли дожди. Мы продолжаем работать на благоустройстве части. В один из дней я, в числе других, попал на переноску взрывпакетов из одного помещения в другое. Его возглавляла прапорщица Татьяна. В конце рабочего дня мы уже с лёгкостью общались с ней. В ответ на наше сетование о придирчивости к нам нашего прапорщика она улыбнулась.

- Ребята! У него же должность такая. Вы представляете, если все будут делать, кто что хочет или, вообще, ничего не будут делать.

Она еще шире улыбнулась и добавила.

- У него же кличка даже такая «Рекс».

Время летит. За три дня до окончания сборов Аким составил почасовой календарь – сколько времени нам осталось до «дембеля». Мы попрощались с нашей «Улыбкой» и законсервовали её до следующего года.

Росли мы и в своих глазах. В один из дней на приказ не нашего прапорщика выйти на «какие-то» важные работы по благоустройству, комзвода ответил, что до получения приказа от нашего непосредственного начальника он не может отдавать ребят на «какие-то» важные работы.

Последние дни просыпаюсь с мыслью о том, что это последние дни. Никто не кричит батарея подъем!

Часто смотрю на небо. Отсюда из военной части оно видится ещё более красивым и свободным. По нему плывут разнообразные облака: *Alta stratus*, *Cirus cumulus*.

В одном из нарядов по столовой мы с удовольствием вкусили давно забытые яства: после завтрака ели из офицерской столовой сало, картошку, капусту, не лимитировано масло и белый хлеб.

На последних выходных (для нас) у приехавших студентов состоялась присяга. Половина нашего взвода была отправлена в наряд по столовой, где отличился я. Мы дружно чистили картофель, когда перед нами возник замкомандира по хозяйственной части.

- Кто умеет косить? – он вопросительно посмотрел на нас.

Что лучше: срезать ножом глазки или срезать косой траву на улице? Я решил, что косить будет поинтересней и поднял руку.

Офицер вывел меня к плацу, на котором уже начиналась торжественное действие присяги. Территория вокруг плаца заросла высокой травой.

Замначальника вручил мне косу.

- Задача ясна?

- Ясна! – ответил я и проведя пальцем по острию косы спросил. – Камень точильный есть?

Он с уважением посмотрел на меня и, пообещав найти, безвозвратно исчез в соседнем здании.

Я мерно размахивая косой ходил вдоль плаца, оставляя после себя ровную полосу скошенной травы. На плацу вовсю шла присяга. В этот раз народу было значительно больше как среди зрителей, так и среди участников. На эту присягу приехал первый проректор Университета. В общем, помпезность мероприятия была на высочайшем уровне.

- Курсант! Подойдите.

Ко мне обратился незаметно подошедший куратор – подполковник Голиков.

- Курсант, что вы тут делаете?

Я объяснил.

- Хм. Шли бы вы отсюда, потом закончите. А то ходите тут как смерть с косой и в белом халате.

Только сейчас до меня дошло. Будучи в наряде по столовой я был облачён в белый халат. В руках была коса. Высокий человек в белом халате, размахивая косой ходит вдоль плаца. Наверно не зря на меня поглядывали гости.

За обедом я принимал грязную посуду, не слишком почётная обязанность. Внезапно из числа гостей, которых пустили в столовую, вышла девушка и приблизилась ко мне.

- Женя, привет!

Это оказалась Арина, знакомая с кафедры почвоведения, веселая приятная девушка, приехавшая поддержать своего однокурсника Витю на присягу, как нас Юлька, двумя неделями раньше.

В здании столовой починили колонки и прибирать после обеда под музыку стало значительно веселее.

«Дым сигарет с ментолом,

Пьяный угар качает...»

После уборки помещения офицерской столовой нам опять досталось много яств, давно уже недоступных нам: виноград, нормальные котлеты, яйца, морс, пюре.

После обеда мы развалились по лавкам сияющей чистотой столовой и уснули на час.

В завершении ужина отличился Игорь. Его поставили на раздачу самого ценного и приятного из пищи – раздачу сгущенки. В задачи раздатчика сгущенки входило:

1. Открыть огромную банку (4 кг) варёного сгущенного молока;

2. Намазать его на хлеб, причем сделать это так, чтобы хватило всем.

Возможные остатки сгущенки из банки разрешалось поделить между курсантами наряда.

Игорь и занялся этим архиважным делом распределения сгущенки по хлебу.

После ужина повар, подошёл проверить как мы справились с возложенными обязанностями и по пути заглянул в банку из-под сгущенки. Потом с изумлением посмотрел на Игоря и вымолвил:

- Из тебя точно бизнесмен получится!

В банке, как мы узнали позже, деля добычу, осталось почти половина варёного сгущенного молока.

- Батарейка подъем! – последний подъем. Но я уже не сплю. Сбор белья. С песней, чеканя шаг, прошли до столовой, красуясь сами перед собой, и с презрением глядя на нечёткую поступь одного из

новосформированных взводов, также избравших строевой песней «Марусю». На итоговом экзамене в моей голове без труда всплывали ответы на вопросы билета.

- Ну, и что мешало также отвечать в городе? – с улыбкой спросил меня экзаменатор Лысенко (памятуя о том, что я с трудом отвечал на экзамене по теории после лекционного курса).

«Что мешало, что мешало? Практики не было!» – ответил молча я сам себе и, получив заслуженную четверку, вышел в холл. Здесь уже друзья переодетые в гражданскую одежду. Вот и я становлюсь индивидуальностью.

Под завистливые взгляды срочников и курсантов принявших присягу накануне, мы толпой прошли к последнему обеду.

Бурной радости не было. Мы собрались у ворот части. Вот и все. Осталось пройти сквозь них. Жизнь продолжается.

Глядя на ребят, с которыми нам пришлось ненадолго окунуться в армейские будни – географов и геологов – я вспомнил строчки старой песни: «команда молодости нашей, команда без которой мне не жить».

Эти строчки я дописываю в автобусе, который подъезжает к вокзалу. Через три часа мы будем в городе. И письмо-дневник, которое у меня получилось, никогда не будет тебе отправлено. Всё-таки всегда лучше всего общаться лично. Это великая радость – радость личного общения с друзьями!

Глава 6. Национальный парк

Июль 1998

Закат Солнца на Водлозерье (комариный вечер)

*На Водлозерье вдруг попасть не чаяли мы с вами.
Но вот судьба собрала нас вдруг всех на речке Вама.*

*Здесь просто дивные места, мы пишем с троп портреты.
Порогов Вамских красота вся просится в буклеты.*

*Здесь комары мешают спать, но дела хватит всем.
Кто хочет тайны разгадать лесных экосистем.*

*Не будем нюни распускать и дрыхнуть по утру
Мы лучше, вопреки ветрам, пойдем на Чуялу.*

*Мы знаем, как мокра трава и как комар здесь лют,
Но все же вспоминаем иногда дом давший нам приют.*

...

Как странно.... Твой мир больше не ограничен кругом имен Рома, Юля, Дима, Аня – все они растворились в сотнях других знакомых имен города. Тебя больше не окружают густые непроходимые леса, топкие болота. Нет больше монотонного гула воды, падающей с плотины. Не слышно звонкого комариного пения, неотступно преследующего на протяжении последних двух недель, везде, где бы, ты ни был. Необычно снова видеть мир полностью, не разделенным маленькими ячейками сетки накомарника.

Удивительно и то, как в наш век могут быстро меняться окружающие условия. Еще вчера ты был в глухой лесной стороне, где для общения тебе были доступны лишь твои друзья по практике, да

комары, и вот, спустя день, тебя уже окружают покрытые пылью каменные стены домов, и потребность в человеческом окружении вновь уступила желанию оказаться в тишине.

Проклиная всё на свете мы с Ромой – студентом второго курса тащим ящик с продуктами из общежития на Московский вокзал. При этом вес самого ящика больше, чем вес продуктов в нём. Как рассказал Михал Иваныч – руководитель дальней практики, ящик, в общем-то действительно, был предназначен для транспортировки продуктов, только не в ручную, а на машине.

Вздохнули мы с облегчением лишь когда увидели знакомый силуэт Петра 1 на Московском вокзале (сменившего аналогичный бюст В.Ленина) – месте встречи всех отъезжающих групп.

Здесь я вновь увидел своих однокурсниц Юльку и Катю, спутниц по предыдущим практикам. Мы с ними единственные представители нашего курса, не захотевшие расстаться с романтикой дальних путешествий отправлялись на производственную практику за свой счёт в окружении многочисленного второго и третьего курсов кафедры физической географии.

Путешествия в ночное время всегда особые. Чёрная мгла сглаживает очертания предметов, проплывающих за стеклом. Жёлтый свет притушенных вагонных ламп выхватывает лица соседей по плацкарту, придавая им устало таинственный вид.

Удачные билеты сконцентрировали всю студенческую группу в три отсека. В первом – старшекурсники: представители четвертого курса – я, Юля и Катя, мой товарищ и тёзка Евгений – третьекурсник. В свою очередь, его однокурсницы едут в соседнем отсеке. И дальше всех от нас самый «населённый» отсек – второкурсники. Среди них Рома, с которым мы тащили ящик, его друг Ростислав – импульсивный общительный парень, Наташа – ещё одна жительница общежития. Отдельно от всех Дима и Аня, несмотря на юный возраст уже семейная пара. Второкурсники сидели и оживлённо обсуждали только что пройденную практику по ландшафтоведению в Кузнечном, которую мы прошли два года назад. Но вот превратности судьбы: если мы поехали потом на дальнюю практику в Крым для изучения южных – горных ландшафтов, то ребят судьба вела сейчас в Водлозерский национальный парк, обширный природный резерват, раскинувшийся на границе Карелии и Архангельской области.

Соответственно возрасту строилось отношение к предстоящим работам: второй курс не думал о будущем, ребята громко смеялись и пили хмельные напитки, благоразумно купленные Ромой; третий курс – тихонько обсуждал, что ждёт впереди и сравнивали начало этой поездки со своей прошлогодней дальней (исследования ландшафтов Изборска – населённого пункта в Псковской области); четвертый курс – мы с девушками, ставшими мне близкими друзьями, создавали, пожалуй, меньше всего шума больше смотрели в окно и размышляли о

предстоящей работе. Больше всего в ней вдохновляла практическая значимость – заинтересованность в ней парка. Ну, и ненаселённость тех мест так же придавала романтический ореол будущим исследованиям. С этими мыслями я и заснул под негромкий, но отчетливо весёлый гул второкурсников.

Петрозаводск – небольшой город в котором, тем не менее, сконцентрирована почти половина всего населения Республики. Город имеет свой порт на берегу Онежского озера. Отсюда, на судне на подводных крыльях, нам предстояло выйти к восточному берегу Онеги. «Метеор» заставил нас поволноваться ещё в городе. Дело было в том, что из-за специфической конструкции судна оно имело целый список ограничений для выхода в рейс: волны определённой высоты, туман, дождь и т.д. К счастью, погода нам благоприятствовала, и в это солнечное утро только лёгкий ветерок гнал рябь по водной глади озера, да шумели зелёными кронами деревья на набережной, пока мы спокойно покупали билеты.

На речном вокзале пос.Шала, расположенного в устье р.Водлы, куда нас принесло судно на подводных крыльях, нас ждал прибывший из национального парка автобус. Загрузив в него не только привезенные вещи, но и купленные кастрюли, ведра и мешок хлеба, мы двинулись в мир нетронутой природы, каким нам представлялась территория национального парка.

Восьмидесятикилометровая карельская дорога до нашей цели запомнилась смутно – половину группы, включая меня «укачало». Правда особо любоваться было нечем: в памяти остались огромные лесовозы – гружённые лесом, поднимавшие клубы пыли, проезжая мимо нашего автобуса.

В офисе парка нас встретил его радушный сотрудник – краевед. Пообщавшись с нами, он выразил удивление малому количеству продуктов, взятому нами: «... у нас тут школьники экологическим лагерем стоят, так у них пол мешка картофеля в день уходит!». Подивившись прожорливым школьникам, мы снарядили дежурных за мешком картофеля и расположились возле пирса оз.Водлозера в ожидании катера.

Водлозеро – водоём Р.Карелии с площадью воды более 300 км². Точнее говорить не имеет смысла, потому что площадь озера зависит от объема воды, а последний постоянно регулировался плотиной, сооруженной в истоках реки Вамы. Кстати, благодаря искусственной зарегулированности стока, у этого озера была ещё одна особенность – две реки брали начало в Водлозере: Вама и Сухая Водла.

Об этом мы узнали, пока ждали катер и плыли на нём в сторону нашего места базирования. Я с удивлением понял, что ориентироваться в условиях сильно изрезанной береговой линии озера очень сложно. Бесконечные бухточки, заливчики, мыски, а также участки мелей, которые приходилось обходить нашему капитану, создавали столь

сложную картину для ориентировки, что я с трудом мог отследить, куда мы плывём.

Несколько раз нам встречались заброшенные, заросшие Ива-чаем и покосившиеся от времени дома, смотревшие на нас пустыми глазницами окон. Одна из таких заброшенных деревень Чуюла располагалась как раз напротив того места, где нам предстояло жить – Вамской плотины. На плотине нас встретил бородатый улыбающийся человек – Дмитрий Викторович, мой руководитель, благодаря которому я здесь и появился.

Район Вамской плотины в Водлозерском национальном парке

В очередной раз, разгрузив вещи на пирс, который начинался в озере и в нем же заканчивался, не доходя до берега ... около двух метров (!), мы собрались в просторном пустом доме, заставленном двухэтажными деревянными нарами, для очередного инструктажа по технике безопасности, проводимого сотрудником парка.

- Вы находитесь на территории Водлозерского национального парка в районе устья р.Вама, берущей начало в оз.Водлозере, здесь она подпружена плотиной. В соответствии с установленными правилами, в радиусе 500 метров от плотины посторонним людям находится запрещено. Но до абсурда мы доходить не будем – мы от неё в пятидесяти метрах. Главное – будьте осторожны...

Плотина представляла собой деревянное сооружение метров двадцати длиной, построенное в 1930-х гг. для сплава леса по р.Ваме. Накопив в плотине воду, можно было, открыв заслонки, спустить напиленную древесину на мощной водлозерской волне.

Верхняя часть сооружения была сделана из брусьев, неплотно подогнанных друг к другу, поэтому, находясь на самой плотине, прямо под ногами можно было лицезреть kloкочущий поток, вырывающийся из-под неё.

Наш дом находился в углу, образованном истоком Вамы и заливчиком Водлозера. Внутри расположились две комнаты: женская,

где поселились девушки, и мужская, где поселились ребята. Еще в двух промежуточных комнатках поселились преподаватели: Дмитрий Викторович с Михаилом Ивановичем и Наталья Александровна с Ольгой – аспиранткой нашей кафедры, специализирующейся на исследованиях лесов Водлозерья.

Особенностью жилища было небольшое количество кроватей и большое количество комаров. Очень большое. Поэтому первое, что мы сделали – зажгли антикомариные спирали и под стук падающих комариных трупиков приступили к благоустройству жилища.

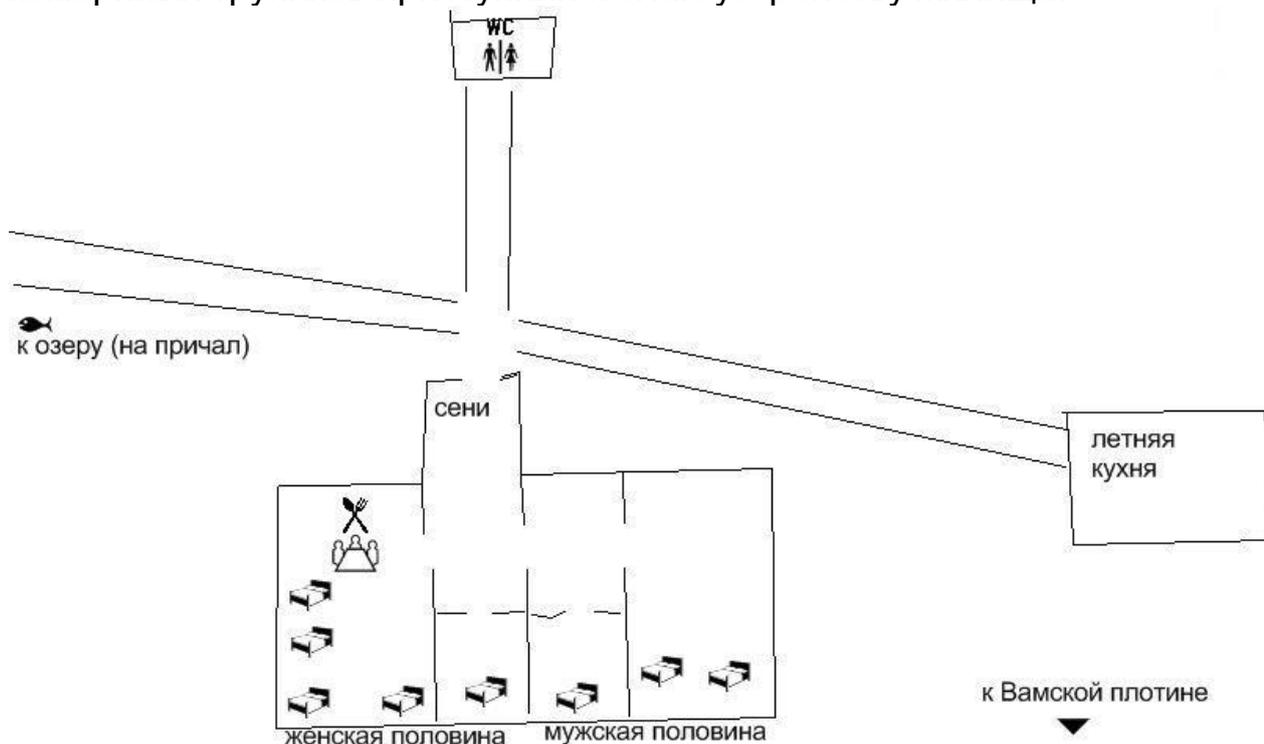

Схема студенческой ойкимены на Вамской плотине

В мужскую комнату мы принесли несколько детских матрасов, на которых нам предстояло спать. Столовой была назначена комната, где жили девушки, благодаря тому, что в ней стояли лавки и столы.

Особо интересным процессом стало посещение туалета – комары держали там «круглосуточную оборону», поэтому некоторые ребята перед посещением этого заведения заносили туда спираль, и, надев шапки (дабы укусы комаров в голову не отвлекали от главного), с переносным магнитофоном отправлялись «на дело».

Последним сооружением, входившим в сферу нашей жизнедеятельности, была летняя кухня.

По давно заведенной традиции поваров на практики не брали. Для студентов практика становилась не только научной школой, но и школой хозяйственно–бытовой. Все должны научиться готовить еду на костре или на печке. Студентов поделили по принципу: девушка – повар, парень для тяжёлой работы – «кухонный мужик».

Дежурство начиналось в 7 – 8 часов, за два часа до подъема. Растопить печь, принести воды и поддерживать огонь в печи – дело молодых людей. Приготовить пищу, нарезать хлеб, сделать бутерброды – дело девушек. Помыть котлы – по согласованию.

Кстати, Рома был единственным человеком, которому было удобно дежурить одному. Типичный «хохол» он очень любил поесть. При этом его любовь к поглощению пищи совпадала с умением её готовить и готовить отменно.

На первые пять дней меня, Юльку и Катю освободили от дежурств. Мы были направлены для обучения к аспирантке Оле. Через пять дней она должна была уехать.

Ещё в городе в основу моих исследований лёг план Дмитрия Викторовича.

- Чем тебе должны быть интересны ландшафты Водлозерья? Это ведь не совсем обычное место. При постройке плотины уровень воды поднялся и многие прибрежные ландшафты оказались под водой. Новая граница воды и суши пролегла в биогеоценозах, которым пришлось приспособиться к подъему уровня грунтовых вод. Со временем изменения коснулись и почв... Эти, так называемые, экотонные (пограничные) ландшафты, стали существенно отличаться от нетронутых. Вмешательство человека в природу надо изучать, чтобы знать, к чему приходит её «рационализация» под хозяйственные нужды. Время бездумных действий прошло. Как перед географами – экологами, перед нами широчайший фронт работ, ранее, вообще не рассматривавшийся за ненужностью. Но экологические катастрофы разных уровней выводят нашу профессию на «первую линию» в решении актуальных задач. Вот и займешься на Водлозере изучением экотонов.

Так формировался мой дипломный проект «Динамика прибрежно-водных экосистем в озёрах юга Карелии», за данными для которого я и отправился в этот национальный парк. Юля с Катей имели схожие интересы, связанные с изучением как непосредственно озера, так и всех ландшафтов Парка.

Ольга же, ставшая на эти дни нашим куратором, исследовала «девственные» леса Водлозерья. Конечно, девственными в полном понимании этого слова они вряд ли были – за тысячелетия существования здесь людей практически все леса были освоены человеком, но леса в пределах парка действительно длительное время не подвергались интенсивному хозяйственному и промышленному воздействию.

Суть ландшафтного метода которому нас обучала Ольга была проста и отработана: в характерной форме рельефа (например, на озёрной террасе), оконтуривался квадрат пятьдесят на пятьдесят метров. Внутри квадрата по ряду параметров описывались все виды растительности, характеризовался тип почвы, и дальше начиналось

самое интересное. Интересное называлось – сплошной перечислительной таксацией древостоя (метод, позаимствованный у учёных Института Лесного Хозяйства). То есть в пределах этого квадрата пересчитывались все виды деревьев, и их подроста. Более того, все деревья оценивались по высоте и по диаметру, что на деле означало необходимость обнять руками и портновским сантиметром все деревья на площадке!

Несколько характерных деревьев подвергались забуриванию. В центр ствола вводился бур дабы получить колонку колец годового прироста. Этот метод считался более щадящим, в сравнении с традиционным, когда годовые кольца прироста можно было получить, только спилив дерево.

Естественно, такой объем работ, даже при наличии бригады из четырёх человек, занимал чудовищный объем времени, и в день нам удавалось делать не более двух участков.

Особый колорит работе добавляли комары. В первый день, посчитав, что обмазываться химическими репеллентами излишне, я лишь одел накомарник. Из леса я вернулся с распухшими руками. Приходилось писать и копать, руки мгновенно покрывались «перчатками» из десятков (а может и сотен) жужжащих от голода перепончатокрылых.

Чтоб не возвращаться на обед из леса, и не тратить драгоценное время исследований на хождения, мы брали с собой перекус: тушенку, хлеб, сыр и т.д. Однако есть сделанные бутерброды было невозможно. Стоило поднять сетку накомарника, чтоб утолить голод, лицо облепляли вездесущие комары. В итоге, бутерброд приходилось протискивать в накомарник снизу, откусывать кусок побольше, убирать бутерброд, заправлять сетку накомарника передавив предварительно тех насекомых, что заехали с бутербродом под сетку, и только после этого жевать мясо с хлебом, наслаждаясь их вкусом.

С питьем было проще – вода свободно протекала сквозь сетку накомарника. Не снимали накомарники и те, кто курил.

Характерно, что всю еду, взятую с собой, мы съедали, в отличие от 2-го и 3-го курсов, которые частенько возвращали не съеденный перекус на базу.

Пять дней работы в таком темпе остались в памяти звоном комариных крыльев, деревьями, сыростью леса после дождя, непонятными слоями почвы, деревьями, комарами и опять деревьями.

Были у нас и настоящие радости. Например, баня. Правда, первый поход вышел у нас «комом».

Протопив баню и испытав её моечно-парильные свойства, Дмитрий Викторович составил расписание, согласно которому сначала должны были мыться девушки, а «джентльмены» последние.

Девушки не стали заставляя нас долго ждать и через полтора часа все девять раскрасневшихся представительниц прекрасного (а

теперь еще и чистого) пола, освободили нам долгожданные стены деревенской бани.

Сорвав с себя одежду, мы ворвались в темное, сырое помещение моечной: среди деревянных скамеек и лавок стояли пустые ведра и бочки, лужицы, на дне которых, показывали, что когда-то в них была вода. И, наверное, она была горячая, так же, как и едва теплое помещение моечной.

Расстроенные, мы разделились: одни растапливали печь, другие пошли за водой. Нужно отметить, что баня была исконно русская и топилась по чёрному – то есть дым выходил не через трубу, а через дверь. И очень скоро всё помещение исчезло в клубах черного дыма. В ожидании пока печь прогорит и дым рассеется, мы бродили почти голые по берегу озера и мечтали, как пропарившись в бане будем пить ...чай!

Через полтора часа, с трудом выгнав дым, мы закрыли дверь и снова раздевшись уселись на полати греться. Вскоре стало ясно, что помещение не успело нагреться вновь, параллельно выяснилось – дрова прогорели не полностью, помещение стало заполняться дымом.

- Откроем дверь? – предложил Женя.

Открыли. Часть дыма ушла. Вместо него в непрогретое помещение ворвались десятки жужжащих кровопийц. По ногам заструился холодный вечерний воздух.

- Закроем дверь! – предложил Женя.

Через десять минут дышать из-за дыма стало опять трудно.

- Откроем дверь...

Платой за ушедший дым, стали новые комары, с радостью накинувшиеся на голых ребят.

Фокус с открыванием и закрыванием двери мы повторяли еще несколько раз, пока не осознали бессмысленность наши действий в попытке увеличить комфортность.

В итоге, пришлось мыться водой комнатной температуры, так и не успевшей нагреться, отмахиваясь от комаров и стараясь не дышать глубоко, чтоб не отравиться дымом.

К двум часам ночи – «банный день» для нас закончился. В голове остались смутные воспоминания о том, что в процессе помывки голова находилась в дыму, ноги в холоде, а где-то посередине кусались комары. Ко всем сегодняшним удовольствиям, от которых я мог отравиться угарным газом, заболеть от переохлаждения, добавилась возможность отравиться некачественным спиртом, которым мы пытались согреться и восстановить потраченный нервы.

Самым счастливым человеком среди студентов был Дима. Его страстью была рыбалка. Сразу после ужина он хватал удочку и исчезал на несколько часов, принося на кухню связки рыб самых различных размеров. Отравившись годом раньше некачественной водкой, он вычеркнул из списка своих развлечений посиделки со спиртным. Пожалуй, второй его страстью, после рыбалки было рассказывание

анекдотов. В этом он нашел благодарного единомышленника – меня! Обычно Дима травил анекдоты к месту и не к месту в больших количествах. Наш с ним «анекдотный» поединок состоялся в первые дни за завтраком.

Дима начал.

- Значит по поводу завтрака есть такой анекдот. Собрал царь зверей лису, зайца и ...

- ...Можно. Вычёркиваю! – продолжил я вопросительно.

- Точно! – Дима рассмеялся и глотнул из кружки чая.

Я решил ответить.

- Кстати по поводу чая. Есть такой анекдот. Послали русского разведчика за рубеж, а его поймали. Стали выяснять что случилось...

- ... Вы всё равно глаз по привычке щурите! – вопросительно закончил Дима, глядя на меня.

- Ага! – я тоже довольный улыбнулся.

- Э-э-э ребята. А нам вы не хотите рассказать анекдоты?

Но нам было некогда, мы уже вошли в раж.

- И закинул старик свой невод в синее море... - Дима.

- ...и остался как дурак без невода, – я.

- ... почернело море, давно не стирал свой невод старик. Я слышал такой вариант.

Поединок продолжался весь завтрак, победитель выявлен не был, большая часть анекдотов так и не была полностью озвучена, что вызвало недовольство всех желающих посмеяться.

Недостаток развлечений среди практикантов вызвал настоящий футбольный бум связанный с чемпионатом мира по футболу проходившем во Франции. Истинными футбольными гурманами являлись Евгений и Михаил Иванович. Чередуя «вахту» приёма через преподавательское радио, они обменивались крохами информации и всегда были в курсе происходящего. Евгений часть матчей слушал, поймав на длинных волнах британскую радиостанцию. К финалу Бразилия–Франция интерес к чемпионату достиг апогея. Девушки ложась спать, спрашивали как там «наши». «Нашими» одни считали французов, другие бразильцев. С окончанием чемпионата раскол наметившийся в группе прекратился и интерес к спорту пропал.

Источником не только развлечений, но и конфликтов стал магнитофон Ромы. Предусмотрительно он захватил с собой несколько запасных комплектов батареек, что давало ему определенную автономию в прослушивании своих любимых композиций: Chemical Brothers, Порт – FM, DJ Грув «Сейчас я улечу...». Однако многочисленные комары не давали возможность слушать магнитофон ещё где-то, кроме нашего домика. И всем скоро надоело бесконечное однообразие музыки. Даже Милен Фармер, кассета которой ставилась под одобрение большинства, вскоре надоела.

Зато у Ростика была гитара, на которой он лихо играл не только Курта Кобейна лидера «Nirvana», но и традиционные для моего курса Чайфов (Ой-ё), ЧиЖа (Вечная молодость) и другие, более коллективные, распевные песни. Более того, как человек творческий, на достигнутом он останавливаться не собирался. Совместно с Тамиллой они переделывали попсовые композиции на актуальные практикантам темы.

Иногда гитару брал в руки и Рома. Тогда мы «горланили» «Когда идёт дождь...» Ю.Шевчука. Исполнение песни было далеко от оригинала, как по мотиву, так и по такту, так что приходилось не петь, а именно «горланить».

На пятый день нашей жизни на плотине выяснилось, что Наташа больна ангиной. С трудом она была переправлена в больницу населенного пункта – Пудожи. В ближайших посёлках, где имелись фельдшерские пункты, отсутствовали медикаменты.

Вернулась она в возбужденном состоянии, и её рассказ пролил свет на пережитые приключения.

- Утром меня забрал лодочник из Куганаволока. Далее он препроводил меня до Пудожи, где объявил, что сейчас же отправляется назад, так как договоренности об ожидании не было. Я с ним согласилась, а что мне было делать? Вообще, если бы на моём месте была не я!!...Я пошла в больницу, где мне в свою очередь сказали, что без страхового полиса меня обслуживать не будут. На моё замечание о том, что есть питерский полис мне ответили: примем только по полису, выданном в Карелии. Если бы на моём месте был кто-нибудь другой!!... Я добилась, чтоб меня приняли, так я их достала, - с нарастающей гордостью за себя продолжала она.

- Ехать обратно решила автостопом, опыт у меня есть! Но выяснилось, что Куганаволок это такая «дыра», куда разве что только пешком можно добраться. Если бы на моём месте был кто-нибудь другой... К счастью, я узнала, что местные это такие! Такие люди!! Замечательные люди!!! Один парень – бригадир взял надо мной шефство, и они с друзьями перевернули всю Пудожи, чтоб узнать, кто едет в моём направлении. А меня пока оставили торговать на рынке за них. Правда, я ничего не продала, зато меня покормили и я успела там поспать. Дело уже шло к тому, чтобы определять меня на ночёвку, когда всё-же нашёлся человек, ехавший в вашу сторону. Вы не представляете, какие это замечательные люди...!!! Я не встречала людей лучше чем в Карелии.

Было понятно что Наташе очень повезло с людьми, однако какой то нездоровый ажиотаж, посредством которого она распространила «замечательность» встреченных людей на всех людей без исключения, было встречено остальными участниками практики настороженно.

- Мы расставались в Пудожи со слезами на глазах! А в Куганаволоке шофёр нашёл рыбака, который отвез меня на плотину, -

закончила рассказ Наташа, и опять повторила, как будто мы еще не поняли. – Это такие замечательные ребята, вы не представляете!!!

Спустя два часа после приезда Наташи в дверь нашей столовой постучали и зашли двое незнакомых ребят, слегка покачиваясь на ногах.

- Кто у вас тут главный? – они нетрезвым взглядом оглядели присутствующих. – Мы рыбаки, хотели попросить у вас переночевать, мы задержались здесь, и ехать домой нам поздно.

Проводить ночь в компании нетрезвых молодых парней не хотелось никому. И по лицу Дмитрия Викторовича было видно, что он готовится как-нибудь вежливо вывернуться из этой щекотливой ситуации, но ...

- Я считаю, что ребятам нужно помочь, – неожиданно вмешалась Наташа. – Местные парни такие замечательные, и им обязательно нужно помочь!

После этого отказать в ночлеге рыбакам было некрасиво, и им было дано разрешение ночевать в комнате у нас. Располагаясь ко сну, нам пришлось ответить на вопрос ребят, как пройти в комнату девчонок для продолжения веселья и т.д. Сделали мы это самым простым способом.

- Они (девушки наши) очень нудные, некрасивые, непьющие, домашние и интереса даже для нас не представляют, – уверенно составляя рыбакам неприглядный образ нашей женской половины говорили мы.

На том разговоры закончились и, уснув, мы больше их не видели. Рано утром они уехали. Не увидели больше мы не только их, но и Ромин охотничий нож в чехле. После этой истории фраза «замечательные местные парни» приобрела иронично–негативно значение.

Работа же наша продолжалась. После отъезда Оли мы закончили описания лесных ландшафтов и перешли к описанию луговых экосистем. Более того, мы добились, чтоб нам выделили лодку, на которой мы могли подплывать к прибрежным лугам, не продираясь сквозь непролазные дебри водлозерской тайги с её запутанной системой тропинок.

Теперь, на лодке, затрачивая минимум сил, обдуваемые ветром и ставшие недостижимыми для комаров, мы подплывали к чистому открытому пространству луга. Сплошная перечислительная таксация древостоя ушла в прошлое. Только почвы и растительность. Минимум комаров. Больше солнца. Больше ветра.

В общем, эта часть работы стала достойным вознаграждением за мучения, испытанные нами при работе в лесу.

Но наиболее интересный фронт работ был у третьего курса. Их ландшафтные участки проходили вдоль р.Вама, не очень длинной, но очень популярной в среде водных туристов из-за многочисленных порогов на ней. Задачей ребят третьего курса стало описание ландшафтов вдоль Вамы, которое должно было лечь в основу

обоснования экологического маршрута вдоль реки, и составление рекламного буклета на основе изученных экосистем. Естественно буклет должен был быть составлен соответствующим рекламно-литературным языком, воспевающим этот участок.

Основной их проблемой стал этот самый восхищенный язык. Приходя с маршрута мрачные, усталые и искусанные комарами, они более хорошо написали бы буклет ругающий местные ландшафты, комаров кусающих их и преподавателей, организовавших практику.

В какой-то момент, когда пересев в лодку, я осознал, что местные ландшафты могут быть и привлекательными, я даже помогал им с изысканным восхищенным языком для рекламного буклета.

В середине практике произошло событие, ознаменовавшее перелом практики от начальной к заключительной фазе. Событие так и назвали: празднование экватора! За четыре года, которые я провёл на практиках – экватор приходилось отмечать впервые. Не было такой традиции. Да и что отмечать? То, что половина от прекрасного времяпрепровождения пройдена? Условия жизни этой же практики были столь суровы, что праздник был не просто поддержан, но и организован преподавательским составом.

Стол в этот праздничный день изобиловал продуктами и всевозможной снедью: копчёная рыба, сгущенное молоко, крекеры... Дежурными были приготовлены суп с грибами, каша с тушёнкой.

Но если вся снедь уже расположилась на столе, то участники застолья никак не могли встретиться за столом. Посчитавшись выясняли, что одного не хватает, за ним посылали двух. Первый возвращался, зато двое пропадали.

Во главе стола сидел Михаил Иванович и явно нервничал. В какой-то момент в комнате оказались все кроме Дмитрия Викторовича. В этот момент Михаил Иванович произнёс фразу, выразив общее настроение.

- Ну, где же Дмитрий Викторович?! Хочется выпить наконец!!!

Командор появился почти сразу после этого и сразу взял слово, прочитав стихотворение заканчивающееся четверостишьем:

*...Пришел экватор, наконец
И каждый в душе рад,
Что, сбросив практики венец,
Вернемся в Ленинград.*

Стала ясна причина его задержки – за минуты суеты он сумел написать стихотворение о практике.

Праздник был в разгаре, когда мы выставили бутылку разбавленного спирта с сопроводительной этикеткой: «*Настойка на комариных хоботках*».

После застолья все отправились к озеру купаться. И заключительной частью праздника стал гитарный концерт Ростика с распеванием хороших песен.

Дни практики после экватора полетели очень стремительно. Запомнилась из этого периода только наша битва с комарами...

Она произошла, когда, кто-то забыл закрыть дверь в мужскую студенческую комнату и она быстро превратилась в рассадник маленьких кровопийц. Ароматические антикомариные спирали к этому времени уже у всех закончились.

Оружие выбирал Рома. Наслушавшись о токсичных свойствах багульника, он решил вытравить насекомых с помощью тлеющего растения.

Когда мы с Евгением вернулись с берега Водлозера после стирки и открыли дверь в комнату, мы не увидели никого. Точнее мы увидели клубы сизого дыма, из которых вышел с совершенно безумными глазами Рома.

- Что происходит? – это спросили мы.

Рома объяснил.

- Как ты дышишь, то?

Рома ответил, что, мол, ничего. Сейчас проветрим, главное – комаров больше нет. Комары действительно все подошли. Следующими должны были сдохнуть мы. Но Рома открыл окно и дым рванул в лес, а вместо него комната начала наполняться свежим лесным воздухом и ... комарами! Форточку закрыли, но дым продолжал разъедать легкие и глаза. Тогда опять открыли форточку, количество комаров в комнате увеличилось.

Спали мы в ту ночь плохо, с одной стороны голову дурманил, так и не выветрившийся багульник, с другой, от комаров мы так и не избавились.

Время уезжать всё-таки настало. Руководство парка напоследок решило совместить наш вывоз и экскурсию на Ильинский погост – памятник XVI в. построенный на острове посреди Водлозера. Его величина свидетельствовала о том, что во времена его постройки места эти были очень населены. Содержать храм таких размеров мог себе позволить только богатый, а, значит, многочисленный приход.

Сейчас этот обветшалый памятник пытались реставрировать архитекторы из Москвы. Они посетовали нам на неудачную попытку ремонта храма местными плотниками. Их попытки наглядно иллюстрировало новенькое добротное крыльцо храма сделанное ... совершенно не в стиле храма.

Дальше все завертелось в обратном порядке. Куганаволок – дорога до Шалы – просторы Онежского озера, прорезанные крыльями «Метеора», - Петрозаводск, сказочный город, в меру тихий, солнечный. Здесь ребята приобрели лакомства, о которых давно мечтали.

Спустя ночь мы вышли из вагона на Московском вокзале, и сразу были атакованы журналистами проводившими опрос.

- Как вы относитесь к идее перезахоронения останков царской семьи? – агрессивно спросила молодая белокурая девушка у Димы.

Дима, вытаскивая здоровенный рюкзак из вагона, непонимающе посмотрел на неё, как человек, приземлившийся после космического полета, и которому вместо приветствия, спрашивают «как пройти в библиотеку», и резко ответил.

- Да никак я не отношусь к этому!! Я вообще только что с практики и ... пока не имею отношение ни к чему здесь!

Суетливые потоки приезжих растащили студентов в разные стороны. Ну, а я не торопясь пошёл к метро, меня ждало общежитие. Маленькая комната на пятом этаже. Пустые коридоры. И мысли. Мысли о том, что самое прекрасное, что есть на географическом факультет для меня закончилось; то, ради чего многие идут учиться сюда, зная, что только здесь можно в молодости попутешествовать по стране, хорошо провести время, и, конечно, получить интересную специальность.

Это была моя последняя студенческая практика.

Книга 2 Будни

Он приходит.
Этот День. День географа.
День – вмещающий в себя маленькую, но целую жизнь...
Со своими взлётами и падениями.
Включая горе и радость.
И Ты в нём занимаешь важное место.
Место путеводной звезды...

Послание

Мир: маленький голубой шар в безжизненной пустоте, согретый солнечным теплом и светом; в этом мире Я – человек!

Человек, сотворённый Богом и прошедший по ступеням эволюции. Но я не на вершине... На вершине ТЫ. Я рядом. Может на расстоянии прикасающихся губ, может в сотнях километрах, но я рядом.

Я хочу найти ту точку на карте, где встречу со Счастьем...

Я ищу Тебя, но уже встречал в своих грёзах раньше... Над Землёю мыслями парили облака, и, вдруг, я встретил Твой взгляд.

Твои глаза сверкнули молнией и вновь спрятались в тени ресниц, но уже вспыхнул фитиль, и побежала искра к моему сердцу.

Я – юноша, вспыхнувший неведомой до сей поры страстью, загоревший не испытанным доселе чувством, ощутивший девичьи уста, чтобы обменяться душами...

Шар – идеальная форма. Но и на идеальной форме нелегко найти Тебя.

Я закрываю глаза. Протягиваю руку. Нежно прикасаюсь к Тебе... рука к руке... Плечо к плечу... Сердце как живой ребёнок...

Я – мужчина, я силен, но и на меня находят мгновенья страха.

Мне не вывести формулу любви, не доказать теорему счастья без Тебя.

Мне не построить корабль, который приведет к берегам Рая – если там нет Тебя; мне не воздвигнуть уютного дома, в котором поселится радость, если в нем не будет слышен Твой смех.

Я не знаю, кем мы были в прошлой жизни и кем будем в следующей. Мне не нужно бессмертие. Лучше прожить одну жизнь с Тобой, чем тысячу без Тебя.

Любовь – единственная болезнь на Земле, исцеление от которой не приносит радость.

Любовь – единственная игра, в которой проигравший теряет больше, чем жизнь, а выигрыш делится на двоих.

Я – старик, жизнь которого угаснет после того, как сойдёт с неба Твоя звезда.

Но пока Твоя рука в моей, мне хватит сил в этой жизни.

Я открываю глаза. Я верю – мы встретимся. Страх остаться без Тебя, проходит. Я знаю – я найду тебя – мы встретимся. Встреча была predetermined до нашего появления на свет. Я узнаю тебя.

Солнце освещает этот день. День поисков тебя. Поисков в серых буднях действительности...

Глава 1. И долго будет Карелия сниться

Июль 1999 г.

«Улов» на Нельмозере в Водлозерском национальном парке

Снова поезд

Вокзалы – ворота города. Отсюда начинают знакомиться с городом тысячи приезжих.

У каждого города разное количество ворот, что, разумеется, зависит от величины и значимости города. Так, у Москвы их семь. У Питера – четыре! Вокзалы эти открывают ворота из города в разные направления. Если спросить у любого петербуржца, какой вокзал в его городе можно назвать самым главным, ответ будет один – Московский вокзал!

Для Евгения, географа не столько по должности, сколько по призванию, Московский вокзал в душе вызывал особый трепет (впрочем, как, наверное, и у большинства его друзей и коллег географов). Именно отсюда начинались все самые дальние путешествия по стране в годы его учебы на географическом факультете Петербургского Университета. Но проходит, увы, в нашей жизни всё. Прошло и золотое время учёбы. Всего день назад, во время торжественной церемонии вручения дипломов в Русском географическом обществе, он в числе других выпускников географов получил синюю корочку диплома о высшем образовании и распрощался со званием студента. В прошлом остался и диплом конкурса грантов для молодых ученых от Администрации Санкт-Петербурга за научные исследования прибрежных ландшафтов. По большому счету именно денежный выигрыш в этом конкурсе позволил отправиться в эту..., видимо, уже точно последнюю географическую поездку.

Он отбросил грустные мысли и поправил на плече рюкзак. Благодаря поддержке своего научного руководителя Дмитрия Викторовича, сегодня он в составе действующих студентов–географов отъезжал на практику в Карелию. Ему предстояло завершить исследования по гранту, которые он не успел закончить за год написания диплома. Впрочем, это и не самый плохой способ отдохнуть летом. Может, для большинства людей тяжелый рюкзак за плечами, ночной холод на твёрдой земле, мокрая спина в дневной зной, тучи комаров, вьедливый дым костра и множество других мелочей полевой жизни достаточная причина, чтоб посчитать подобное время препровождение далеким от отдыха. Но для большинства «полевиков», каждый год выезжающих летом в экспедиции, это есть, самый что ни на есть замечательный способ отдохнуть. Оторваться от рутины городских будней и насладится пейзажами дикой природы. Тем более, что и в таких условиях есть свои маленькие прелести. Как приятно после изнуряющего хождения по лесу, прийти вечером к живительному теплу костра в лагерь, где тебя встретят твои друзья и горячая похлебка, заблаговременно приготовленная дежурными. Дальше же программа варьируется, ты можешь сразу закутаться в теплый спальник и попытаться восстановить потраченные силы сном. А можешь сесть в теплый круг костра с кружкой горячего чая (или чего-нибудь покрепче!). А уж банный день в экспедиции становится подлинным праздником!

Он шагнул в вагон. И сразу же попал в полусумрак тесного коридора.

Тихое гудение титана, приглушенный говор пассажиров, шорох десятков сумок, рассовываемых по полкам и багажным отсекам. Вот и оно, третье плацкартное отделение, где ему придется провести ночь.

Закончили учебу и исчезли в тумане «постуниверситетской жизни» однокурсники, но среди студентов в вагоне много знакомых лиц с младших курсов: Рома, Ростислав, Дима с Аней и набором удочек, Оля, Тамила и Наташа – те, кто уже был в Водлозерье годом раньше. Среди новых лиц – второкурсники: Костя по кличке «Мамонт» - короткостриженный и широкоплечий. Боря – в камуфляжном костюме, несколько девушек.

Студенты раскиданы по отсекам плацкартного вагона. Но ехать по одиночке грустно и спустя каких-то пол часа после отправления все собираются в одном из плацкартных отсеков. Спонтанно возникшее застолье привело к совсем фантастическим байкам, более актуальным и откровенным тостам и совсем демократичному поведению в группе.

Здесь Евгений услышал, как Костя стал «мамонтом». На одной из лекции лектор рассказывал про древние ландшафты Сибири и в его тексте прозвучали в одном предложении три слова: «следы» - «кости» - «мамонта». Так как проговаривал он их с паузой, то после словосочетания «следы кости» вся аудитория повернулась в сторону Кости, а через мгновение он уже стал «мамонтом».

В этот раз ребята ехали в Водлозерский национальный парк другой дорогой – более северной, через Медвежьегорск. Со станции они на рейсовом автобусе добрались до развилки двух дорог, где их подобрала машина из национального парка.

Потом вновь катер и они, спустя год, оказались на Вамской плотине, месте, где река Вама берет начало из озера Водлозеро.

Евгений принаравливался к новому амплуа. Если на прошлой практике он работал под руководством аспирантки Оли, то в этот раз руководителем был он сам. Ему в помощь дали двух студенток Ульяну и Татьяну, чтобы изучать прибрежно-водные экосистемы Водлозерья.

Евгений даже прочитал студентам короткую лекцию по экотонам, не сказать, что она имела успех: при его внутреннем понимании проблемы, выразить это в словесной форме оказалось довольно сложно, но так или иначе его уже не считали студентом молодежь, но и до преподавателя он тоже не дорос. И это промежуточное состояние между студентом и преподавателем, заставляло чувствовать его неуютно.

Усугубляло его состояние и отсутствие своего коллектива. Только сейчас Евгений почувствовал насколько важно чувство локтя, чувства коллектива с которым сроднился во время учебы в полевых поездках.

Не последнюю роль сыграло в «братском коллективизме» выступление в команде КВН. Конечно, само выступление (которых за предыдущие полтора года было всего три) длилось считанные минуты, но чтобы эти минуты выглядели достойно, приходилось встречаться на протяжении каждого полугода несколько раз в неделю по несколько часов. Попытки создать шутки, отработать придуманные номера приводили к тому, что приходилось буквально жить этим... все участники команды сроднились так, что встречались уже не только на репетиции... Это были, и совместная встреча Нового года с просмотром фильма «Титаник» (благодаря нескольким сценкам ставшего символом команды), и встреча дня рождения на яхте одной из участниц команды, несмотря на то, что именинников на ней укачало, воспоминание о нём было приятно.

К счастью, вскоре в лагерь приехала аспирантка Оля, которая возглавляла исследования ландшафтов в прошлом году. Она предложила принять участие в походе к плотине на р. Сухая Водла.

Долго будет Карелия сниться

Не совсем выспавшегося и потому недовольного Евгения разбудила Ольга.

- Вставай! Пора, – она склонилась над его кроватью, - проспали лишний час.

В это время на соседней кровати очнулся Ростя – третий участник планируемого маршрута.

- Может, обойдемся без завтрака? – Ольга выразительно посмотрела на Евгения. Времени у них оставалось ровно столько, чтоб дойти до узкоколейки, где их должен был подобрать мотовоз*.

Евгений вопросительно посмотрел на Ростю, взгляд которого отказывался признать разумность сегодняшнего маршрута.

- Обойдемся, конечно, - Ростя бодро вскочил с кровати, явно не пришедший в себя после вчерашнего застолья.

Через тридцать минут звук шагов трёх человек растворился в шуме тайги. Четыре километра по лесной заросшей дороге с огромными рюкзаками уверенным шагом - около часа. К восьми часам они были в условленном месте на железной дороге. Начало похода было оговорено Ольгой и Юрой – машинистом мотовоза, вывозившим бригады лесорубов на участок, и связано обещанием, что когда он будет проезжать мимо (в восемь часов утра!), их подберут. Мотовоз – небольшой тепловоз, перевозивший лес по узкоколейке, национальный вид транспорта в лесной глубинке, наследство советского периода лесозаготовительных работ.

«Восемь утра» наступили в двенадцать часов. К этому времени идея о маршруте была окончательно похоронена и все, вповалку развалившись, уснули прямо на железной дороге. Спать хотелось так, что не помешали даже рои слепней, клубившиеся повсюду.

Евгению приснилось, что сюда пришли Дмитрий Викторович и Димка, чтоб провести нивелирный ход. Он беспокойно заворочался и сел.

- Приснится – же такое! – помотал головой. Издали доносился какой-то странный звук, неестественный и чуждый тишине зеленого леса. Из-за пригорка появилось пытящее и громяющее металлическое чудовище. Оно быстро приближалось, оглушая лязгом своих бесчисленных железных деталей.

- Ольга...!

Крик ошалевшего от зрелища Евгения заставил вскочить Ростю и Ольгу одновременно. Тепловоз со скрежетом остановился, и из него показалась круглое улыбающееся лицо.

- Залезайте, – приветливо сказал машинист Юра. – Понимаете, бригада лесорубов, которую я должен был везти к восьми, ушла в запой. Вот только сейчас и нашли замену...

Дальнейшее развитие событий могло бы показаться продолжением сна. Молодые географы заняли свои «места» - свободной оказалась передняя открытая площадка, и поезд начал набирать ход. Последующие сорок минут стали для Евгения самыми яркими воспоминаниями практики.

Вцепившись в поручни мертвой хваткой Женя с Ростей были готовы распрощаться с жизнью. Им открывался прекрасный вид впереди

* Мотовоз – локомотив узкоколейной железной дороги на дизельном топливе

лежащей «железки». Трепет вызывали не пейзажи вырубков вдоль дороги, а она сама – своей формой. Рельсы уходили то вправо, то влево образовывая плавные горбы. Порой рельсы начинали расходиться или наоборот сближались.

Мотовоз набрал ход. «Неужели машинист не видит, какая впереди дорога... Куда он гонит?». Периодически, на отдельных особенно резких изгибах Евгению казалось, что его тело вместе с тепловозом двигается уже вне железной дороги (и больше туда никогда не вернется), только желудок, сохраняя постоянство, оставался верным заданной траектории.

- А часто у вас поезда с рельс сходят? – на Ольгу тоже произвело впечатление их продвижение.

Круглолицый машинист Юра, не переставая улыбаться, пожал плечами.

- Да, каждый день почти...

Путешественники переглянулись. О жертвах спрашивать никто не решился.

- А как вы их ставите обратно на рельсы? - Ольгу заинтересовала техническая сторона проблемы.

Юра небрежно пожал плечами.

- Вон там лом лежит. Им и поднимаем.

На полу кабины валялся здоровенный лом.

Улыбка не сходила с его лица, но сказано все было абсолютно серьезным тоном.

Пока они ехали, Ростя насчитал с десятков перевернутых на насыпи вагонов. Юра сбавил скорость – стык рельс перед тепловозом разошелся («Сейчас сойдем с рельс!» - мелькнула мысль у Евгения). Нет! Потихоньку поезд прошёл и вновь стал прибавлять скорость.

Адреналин играл в крови, маленький тепловозик весом в тридцать тонн с огромной скоростью мчался вперед, комары не мешали, ветер бодрил, неизведанный маршрут манил, обещая приключения и опасности.

Так Евгений получил ещё одно подтверждение о том, что аттракцион «американские горки» в Америке по праву носит название «русские горки». А глядя на вцепившегося в поручни Ростика с лицом в стиле «страшно и весело», на ум почему-то приходила реклама РЖД: «Мы с друзьями студенты и очень любим путешествовать поездом... Российские железные дороги – надежно, быстро, дешево, с комфортом!!».

- Значит запомните! Завтра к трём вы должны быть на переезде, в это время оттуда должен отходить мотовоз, - напутствовал ребят на прощание круглолицый машинист.

- В крайнем случае, попросите, что б он связался со мной по рации – я вас заберу

- Удачи!!! – они тепло распрощались с Юрой и он, махнув рукой, уехал по своим железнодорожным делам.

Путешественники опять остались один на один с тайгой.

Болото и тайга. Чавканье воды под ногами. Комары, слепни, оводы. Бурелом. Едва заметная тропинка выводит их к Водлозеру. Следующие два часа были потрачены на восстановление утраченных сил.

Песчаный пляж тянется далеко вглубь озера. Прохладные воды омыли утомленное тело. Костер согрел пищу. Горячее Солнце высушило мокрую обувь. Сто грамм открыли новые резервы в организме....

- Вперед!!

Путешественники устремились по тропинке дальше.

Особенностью водлозерских троп оказалось их возникновение ниоткуда, но, что еще хуже, такое же незаметное растворение среди деревьев.

Реальная скорость передвижения по нехоженной тайге оказалась меньше запланированной. Решили вернуться к берегу.

Низкий уровень озера на этот раз оказался на руку (точнее на ногу) путникам. Берега обмелели и обнажили россыпи морены – отложений древнего ледника, обильно застилавшей береговую часть озера. Голые, лишённые растительности, огромные валуны полузатопленные в темной глубине озера, изредка встречающиеся чахлые деревца, невесть как проросшие на безжизненной поверхности. Пейзаж как «после ядерной войны» берущий за душу. Исследователи сильно отставали от расчетного графика по времени.

Вперед: с камня на валун, с валуна на камень. Теперь груды ветролома не преграждали путь. Скорость заметно возросла. Двигались они прыжками...

Пролетали часы – ползли километры. С камня на камень....Периодически под ноги попадались камни – шатуны и тогда бедолага взмахивал руками, что б не упасть. Через определенные промежутки времени путешественники сверялись с картой.

– Ну, вот за этим мысом плотина!

С достижением мыса приходило разочарование - не последний! Так прошло еще несколько часов. Наконец-то изнуренные путники уперлись в речку соединявшую озеро с болотом.

- Переправляться вброд! – единогласное решение – обходить ни сил, ни желания не было. Рюкзак над головой, ноги увязают в мягком, обволакивающем иле. Спустя двадцать минут по вновь найденной тропинке путники устремились дальше – надеясь срезать путь.

Тропка обманула, приведя в болото. На закате, через огромное болото, поросшее клюквой, в кроссовках по колено в воде, все двигаются дальше (не упустив возможности испытать холодной,

чистейшей болотной водицы). Комары уже не помеха – главное темп, который оставляет шансы вернуться на базу в срок.

- Ур-ра! Плотина! Дошли...

Язык озерного заливчика не заканчивался лесной стеной, как во всех предыдущих случаях, а имел продолжение в виде речного хвоста, придавленного темным сооружением плотины.

Облаянные собакой они подошли к домику зрителя плотины.

- И вы по этой карте ходите? – плотинщик удивленно поднял брови, когда ему показали атлас Карелии, двухкилометрового масштаба.

Получив утвердительный ответ, он улыбнулся в усы.

- Да. По этой карте только и ходить! – и кивая на атлас презрительно добавил. – Мурзилка!

Выслушивая рассказ незадачливых искателей приключений, он все время качал головой и шевелил усами.

- М – да - а!

В сгущающихся сумерках окружающая местность выглядела очень неприглядно. Залив озера, заросший тёмно-зелёными ельниками, был окружен болотами. Груды гигантских черных камней, тех самых – оставленных в свое время ледником, возвышающиеся над водой, завершали угнетающую мозаику пейзажа.

Комаров больше, чем на Вамской плотине, речка мельче, чем Вама. Ни тебе живописных берегов, ни песчаных пляжей...

- А вы здесь тропу нашли? – ткнув пальцем в карту, плотинщик с интересом посмотрел на уставших путников.

Те покачали головами:

- Нет! Мы искали. А кстати, где она там?

- А нет там никакой тропы, и не было никогда! - зритель откровенно веселился.

-Ну, что, как пойдём? – после еды Оля посмотрела на изнуренные лица своих спутников.

Короткий совет постановляет, идти ночью. Идти до тех пор, пока не будет достигнута узкоколейка. Сначала вдоль реки 15 километров. Потом еще пять до «железки». Спать – на рельсах. По крайней мере, есть шанс не проспать мотовоз.

Марш по водлозерским тропам проходил при призрачном свете луны.

Издравле идет человеческий страх перед силами природы. Истоки этого страха пришли с первобытных времен. С тех пор мало, что изменилось. Стоит только человеку оказаться в условиях близких первобытным, как он уже не является царем природы, высшей ступенью эволюции – он всего лишь слабое звено в цепи природы.

Все это в полной мере прочувствовал Евгений. К моменту выхода в ночную тайгу у него заболело и распухло ухо. Болезнь, усугубленная психологической и физической усталостью, привела к тому, что он

впервые, почувствовал себя на грани первобытной паники. Впереди шла Ольга, задавая темп движения. Евгений был замыкающим. Периодически, вдоль едва заметной тропинки, освещенной призрачным светом Луны, попадались свежеразрытые муравейники.

- Медведь! – прокомментировала ситуацию Оля. Ростик с опасением воспринял услышанную новость. Что до Евгения, так ему было все равно, до всех хищников леса: в это время он боролся с паникой, пытавшейся охватить его сознание. Только присутствие друзей помогли ему справиться с ней.

Распевая песни на ход ноги, путешественники преодолевали километр, за километром, близлежащие пейзажи были столь же нереальны, сколь и фантастичными. С каждым пройденным километром пути требования к качеству тропы уменьшилось. В кроссовках по колено в воде – норма!

Наконец они уперлись в озерцо в разливе реки. Основная тропа упрямо уводила непроходимое болото. Попытка обойти озеро по другим тропкам оказалась безрезультатной – они растворялись в лесу. После пятой неудачной попытки пройти по ним решили стать лагерем.

Немного перекусили и завалились в палатке на короткий сон. Опасения проспать оказались напрасными – после четырех часов полного выключения сознания все проснулись сами. Болото при свете дня оказалось вполне проходимым. Они даже ног почти не замочили.

На втором часу ходьбы стала сказываться усталость. Казалось, коряг стало больше, и они лезли под ноги постоянно. Спотыкаясь на каждом шагу – все поминутно чертыхались. Вчерашние страхи ушли вместе с приходом Солнца.

Появлению грунтовой дороги не было сил радоваться. Темп не снижается – главное дойти до железки. За два часа до установленного срока это, наконец, случилось.

Первая, «хорошая», новость от лесорубов из соседнего посёлка: мотовоз в ближайшие дни не должен никого забирать! Вторая: по рации связаться с Юрой не удалось – слишком далеко.

Пока мы думали, что нам делать, Оля спросила лесорубов, чем они живут и услышала интересный ответ:

- Лесом живём. Рубим лес. Там, - взмах руки на север.

- ...И там, - широкий взмах на восток и юг. – А на западе не пилим, там «националисты парковские» пилить не дают.

- ?!

Вскоре лесорубы уехали на автобусе в свой посёлок в противоположном направлении, а измотанные путешественники, развалившись прямо рядом с железкой, доели всю имевшуюся у них пищу.

- Да! Сахар я ложкой давно не ел, - сказал Евгений по поводу единственного оставшегося у них продукта.

Ростя разжевал сухой бульонный кубик.

«Неопределённость» нависла над «горе»-исследователями. До базы было тридцать километров. Еда кончилась. По плану срок возвращения истекал в этот день.

Озадаченные, они сидели в раздумьях, когда из-за поворота, неожиданно появился мотовоз...

Прогнозировать жизненные ситуации дело неблагоприятное. Всегда можно упустить из вида что-нибудь. Кто, например, мог предположить, что Юра приедет за путешественниками, по собственной инициативе, потратив на них в общей сложности три часа. И виной тому была симпатия к девушке Оле из Питера. Довольные, что «домой» вернутся сегодня, «горе»-путешественники покачивались в разные стороны вместе с прыгающим мотовозом. В кабине, мирно распивая водку, сидели друзья Юры – рыбаки, охотники и грибники. Евгений едва не уснул в стоячем положении, держась за поручни. Но, к счастью, не уснул – это был бы наверняка его последний сон, плавно перетекающий в первый и последний полет.

Ростя с Евгением сидели по обе стороны от открытых дверей в тепловоз, когда шум, издаваемый при движении стальным монстром, спугнул с дерева лесную птицу. Тяжело, хлопая крыльями, она сорвалась с ветки. Дуло ружья - появившееся в проеме дверей, едва не повергло в шок расслабившихся путников.

- Где она? – незадачливый охотник повел своим оружием по сторонам, безуспешно пытаясь поймать в цель испуганную добычу, держа палец на спусковом крючке.

«Сейчас от грохота точно свалюсь», - флегматично подумал Евгений.

«Выстрелит, оглохну на оба уха», - подумал Ростя.

Любитель русского сафари, видимо, реально оценил свои охотничьи способности, и в улетевшую птицу с резво скачущего тепловоза решил, не стрелять.

Собственно, благодаря последнему случаю всё кончилось хорошо, уснуть после такого потрясения было трудновато, и остаток пути до дома разведчики завершили без приключений.

- Я позабочусь о том, чтоб стенгазета по практике называлась «Долго будет Карелия снится!» – пригрозил Ростя, вернувшись на базу. Маршрут удался только как рекогносцировка, ни одной ландшафтной точки описано не было. В общей сложности было пройдено в первый день - 30 км, во второй – 20 км.

Пожар

На следующее после похода утро в лагерь прибыл гонец-каторщик, из парка. Руководство просило принять участие в тушении лесного пожара, который охватил огромную территорию – сил сотрудников уже не хватало.

Пол часа на сборы и все студенты во главе с начальником практики загрузились в моторную лодку.

Всю дорогу она пропускала воду – активно просачиваясь сквозь щели в изрядно потрепанных от старости бортах. Но кому суждено быть повешенным, тот не утонет, и до деревни они доплыть успели.

В синем здании «Федеральной лесной службы», где помещалось начальство Парка, новоприбывших ознакомили с ситуацией.

- Сейчас кругом пожары, - рассказывала сотрудница Парка, склонившись над картой, – здесь, здесь, тут... Её рука оконтуривала солидные площади на километровой карте.

- Сушь – давно такой не было. Да, по всему Северо–западу такое. А у нас персонала не хватает. Местные практически не помогают, только силами парковских все и делаем. Всех егерей, лесников подключили. Мало у нас народу – штат небольшой...

Она покачала головой и вновь обратилась к карте.

- Смотрите. Вы поедете вот сюда. Там сейчас наши основные силы. В пекло мы вас, конечно, не пошлем.

Усталая улыбка появилась на ее лице.

-Вы, кстати, кто по специальности?

- Экологи, - ответил руководитель за всех.

- Ну, так это как раз для вас. Заодно и опыт получите, узнаете, что такое пожар.

- А как вы его тушите? – прозвучал, наконец, закономерный вопрос из рядов неопытной молодежи.

- Локализуем участки занятые пожаром. Не даём огню распространяться дальше.

Она взглянула на часы.

- Через пятнадцать минут за вами приедет машина. Уже на месте вам покажут, куда надо встать. Ваша задача – удержать порученный участок и не дать огню разгореться.

Что б не путаться под ногами в ожидании машины ребята вышли на улицу. Здание «местной конторы» напоминало революционный штаб. Оно просто кишело людьми. Постоянно подъезжали какие-то машины, приходили люди. Получив распоряжения, они снова исчезали – люди были заняты делом.

Долгое, безвылазное сиденье в лесу, пробудило во всех желание навестить местные магазины. Через десять минут, сидя за столом на скамеечке, очень кстати поставленной перед зданием конторы, ребята перекусили мясным паштетом, запивая его тёплым пивом.

УАЗик добросил их по крутым карельским дорогам к месту переправы за пятнадцать минут. Моторная лодка «Квиксильвер» переправила их через озеро. На другой стороне небольшого озерца гостей встретил второй лодочник, суровый мужик с нашивкой «Водлозерский национальный парк. Служба охраны».

Лагерь расположился в светлом соснячке. Между деревьями валялись оранжевые японские пилы, кусторезы вперемешку с картонными ящиками и пакетами. Возле костра кухарничал мужик, колдуя над ведрами с супом.

Здесь, что-то было не так... Ребятам показалось странной тишина. Все жители леса молчали. Даже комары. Лес как-будто замер в тревожном ожидании...

Из-за деревьев послышались голоса, и на поляну вышло несколько человек. Один из них выделялся высоким ростом и непомерно широкими плечами – это был старший егерь.

- Приехали? – он испытующе посмотрел на них.

- Если ветер не изменится, всё будет нормально. Остановить пламя удалось. Теперь главное удержать плацдарм.

Он критически осмотрел приехавших студентов и усмехнувшись продолжил.

- Ну, а пока пообедайте и пойдете на рубеж...

Суп оказался наваристым и приятной теплотой и сытостью ложился в желудок.

И только спустя этот, который по счёту, приём пищи студентов и преподавателей бросили на тушение огня... Хотя на деле всё это тушение вылилось в несложную рутинную процедуру. Бушующего пламени – стереотип о котором сложился у ребят по фильмам – не было! Они ходили по границе зелёного леса и выгоревших участков, заливая тлеющие участки ручной помпой из баллонов спинного ранца. Периодически небольшие очаги вспыхивали вновь, но их быстро заливали водой. Это и называлось локализацией лесного пожара.

Необыкновенная тишина стояла над лесом. Не было слышно ни одного птичьего голоса. Только когда задувал ветер, деревья возмущенно шумели своими кронами.

Через несколько часов все собрались на ужин. Была одержана маленькая, а может и немаленькая победа – огонь, на этом участке леса был остановлен. Ребята ели суп из единственной взятой миски – миски руководителя. И затем вместе с закопченными сотрудниками Парка, набившись по одиннадцать человек в лодки, отправились озерами к Куганаволоку.

Корабль в ночи доставил ребят на Вамскую плотину. Весь путь Рома пытался уговорить капитана дать ему в руки штурвал, напоив его водкой.

Капитан легко шёл на контакт. Пил. Но штурвал из рук не выпускал. У них с Ромой вышел примерно следующий диалог.

- Ты тут давно работаешь?

- Да, считай, всю жизнь!

- Мели, наверно, все знаешь?

- Знаю!...

- Пить будешь?

- Буду... Сейчас мели пройдем...

Остаток пути, после мелей, они прошли на высокой скорости.

Red hot Куганаволок peppers

Для студентов 2-го курса во главе с руководителем практики путешествие в мир Водлозерья закончилось. После традиционной экскурсии на Ильинский погост, переезд на катере, а затем все студенты разместились в кунге машины.

И когда она с шумом исчезла за поворотом, несколько мест в её салоне было свободно. Пять человек осталось в ожидании начала экспедиции.

- Господа! – сказал Евгений. – Поздравляю вас с началом экспедиции!!!

Дмитрий Викторович начал перетаскивать вещи внутрь офиса, которых, было предостаточно. Дима, Евгений и Аня принялись ему помогать.

В двенадцать часов дверь в комнату, где спали бывшие практиканты открылась и на пороге появились два человека.

- Никита Николаевич! Таня! – радостно приветствовал Дмитрий Викторович вошедших, приехавших на том же автобусе, что и отвозил практикантов.

Евгений тоже с удовольствием поздоровался. Приятно было вновь увидеть геолога Никиту Николаевича спустя два года после экспедиции на реку Бурная, всё таким же бодрым и молодежавым, несмотря на свои немолодые годы. Остальные познакомились с ним и Таней, сотрудницей Института озероведения и аспиранткой Дмитрия Викторовича. Не приехал только Дмитрий Александрович – вернувшись из командировки из-за границы, он до сих пор пытался адаптироваться с суровой российской действительности и разобраться с навалившимися делами. С ним Евгений тоже познакомился два года назад на р.Бурная.

Теперь экспедиция была в полном составе. На столе как по мгновению волшебной палочки появились: пиво, колбаса, батон, в общем, классические блага цивилизации. Ребят быстро командировали за молоком в деревню.

- Здорово! – с идущими по дороге с молодыми географами поздоровался вышедший из магазина крупный мужик с лицом, которое не пощадил алкоголь.

Как выяснилось в процессе общения, Володя (или Вован – как он панибратски представился) был одним из самых известных в округе краснодеревщиков, резные таблички и аншлаги которого встречались повсеместно. Кроме того, это был и самый заядлый местный алкоголик.

Жизнь неплохо потрепала его. По его же выражению он «семь лет в Сегеже (город в Карелии) был в загранке». Не в первую секунду, но ребята догадались, что речь идет о тюремном заключении. Вернувшись в Куганаволок после «отсидки», он заполнял свою жизнь спиртом.

Этот талантливый человек создавал лучшие в посёлке иконы, продавая их иностранным туристам, а также вытачивал охотничьи ножи. На предложение Вовану от Димы с Ростей сделать нож, он с радостью согласился и, пообещав зайти завтра, исчез в переулке.

- Он у нас одеколон купил, - ответила на вопрос ребят на следующий день продавщица. – Ясно, что в запой ушёл.

Конечно, бедой для этих мест было пьянство. Причём по внешнему виду жителей можно было чётко увидеть, кто пьёт, а кто нет. Красная морщинистая кожа выдавала пьяниц, которые даже на вид были старше своих лет.

В ожидании машины, которая должна была забрать экспедиционеров на следующий день, все с удивлением обратили внимание на вертолёт, перевозивший доски из посёлка в лес. Как им объяснили сотрудники парка, пиломатериалы делали за границами национального парка и отвозили, для обустройства туристских маршрутов в Водлозерье, где пилить было запрещено.

Ребят позабавили местные девушки, ходящие за водой на озеро в платьях.

-Да они же для вас так одеваются! – пояснила мудрая Аня. – Чтобы понравиться!!

Единственную ночь в посёлке старшая часть экспедиционеров провела в гостинице. Молодые же развалились среди рюкзаков в офисе парка.

Однако ребята не расстроились. В офисе стоял самый настоящий компьютер. Игрушек на нём до этой ночи было маловато, поэтому Димка, счастливый обладатель домашнего компьютера, доустановил пакет новых игрушек, сделав «доброе дело» сотрудникам парка.

На следующее утро, оставив все лишние продукты, путешественники загрузились в фургон на базе УАЗа и отправились в район реки Верхняя Охтома откуда предстояло начать сплав.

Проплутав несколько часов по заброшенным лесовозным дорогам, они были выгружены на берегу озера, и УАЗ скрылся за поворотом, оставив путешественников наедине с тишиной...

Боевое крещение

Первый экспедиционный рассвет ничем особенным от других не отличался. Евгений выполз из палатки после возгласа Дмитрия Викторовича возвестившего о наступлении нового дня. С трудом разлепляя заплывшие глаза, натянул влажные сапоги. У костра он столкнулся с Димкой – тот только ахнул, затем его лицо приобрело восхищенно – удивленное выражение.

- Слушай Женя, давай я тебя сфотографирую. Это первый день, а ты уже так выглядишь..., можно сниматься в фильме ужасов без грима...

На его слова все проснувшиеся обратили свои взоры на Евгения. Дальнейшие комментарии - ироничные, сочувственные, недоуменные -

окончательно разъяснили ситуацию. Искусавшая накануне мошка превратила его лицо в одну громадную опухоль: лоб, щеки, нижняя губа покраснели и увеличились в размерах. Впрочем, Евгений, к счастью, себя не видел, и только лёгкое жжение, привыкшей к укусам кожи, да отвисшая губа, напоминали о вчерашней назойливости гнусных насекомых.

- Если бы я не знал, что это ты, - продолжал иронизировать Димка, - я бы подумал, что передо мной твой родственник, приехавший сегодня ночью.

- Тебя просто не узнать, - вторила ему Аня.

- Будем считать это своеобразным благословением в дорогу...

- буркнул опухший Евгений и пошел к своей лодке.

Вся флотилия, покачивающаяся на прибрежных волнах, состояла из четырех лодок.

Три из них были списанными спасательными военными лодками. Четвертая лодка была обыкновенной рыбацкой «резинкой». Порядок продвижения Дмитрий Викторович установил следующий. «Флагман», в котором расположился сам командор и Таня со своими рюкзаками – оранжевая вёсельная, спасательная шлюпка. Вторым шёл Евгений в такой же лодке (только более потертой); его спутниками были котлы и вся посуда. Далее в зеленой рыбацкой лодочке наедине со своим рюкзаком и палатками шел Никита Николаевич.

Замыкало шествие огромное оранжевое спасательное средство, сошедшее со страниц приключенческих книг. Военная спасательная лодка – её борта были исписаны инструкциями на все случаи жизни: как развернуть лодку, что делать при её простреле, при переворачивании.... И, вообще, она была больше приспособлена для ходьбы под парусом, чем на веслах для чего на ней имелись соответствующие приспособления: мачта, парус и даже раскладной киль. Честь сплавляться на ней выпала студентам: Диме, Росте, и Ане. Продовольственный ящик, оставшийся в наследство от практики, стал их достойным попутчиком.

Два озера, разделенные тонкой перемычкой суши (пришлось устроить переволоку) исследователи преодолели за два часа.

Река встретила их тихим течением и мутной водой.

Приключение началось – вот он сплав! Героев манила искра познания неведомого. Сейчас за поворотом...!!! Но ничего таинственного не происходило. Наоборот, места для тайны становилось всё меньше – русло реки неотвратно сужалось. Наконец, заросли хвощей и тростника, стоявшие стеной, оставили свободными узкий – полутораметровой ширины – водный фарватер. Размаха для вёсел не хватало, поэтому их пришлось достать из уключин... Лодка Дмитрия Викторовича теперь напоминала пирогу туземцев – впереди на колене сидела Таня и с левой стороны подгребала веслом, сзади точно так же сидел командор и грёб с правой стороны. Маневренность у них была

хорошая, и они вырвались далеко вперед. У сложно преодолимых мест реки они поджидали своих спутников.

Труднее всего приходилось Диминой лодке. Её ширина с трудом позволяла продвигаться по руслу. Дима встал на носу, а Ростя на корме. Используя весла как шесты они продирались сквозь узкое жерло русла. Димка в плаще с капюшоном и с длинным веслом в руках выглядел как «Великий Кормчий», переправлявший по реке Стикс умерших в царство теней.

Путешественников ожидало 15 км сплошной романтики, прерванных только получасовым перекусом после дождя. Изгиб за изгибом – речка петляла в густых зарослях речных джунглей. Периодически она чуть-чуть расширялась и тогда почти всё водное пространство занимало покрывало жёлтых кубышек и белых кувшинок.

- Никогда не видел столько! – удивлялся Никита Николаевич и предложил исключить их из «Красной книги» и внести в Книгу рекордов Гиннеса.

Вёслами экспедиционеры поработали в этот день очень хорошо. Даже начало казаться, что никакого озера не существует – всё это вымысел составителей карты. Например, на карте отсутствовал мост от узкоколейки, под которым им пришлось проплыть.

Когда всё же, несмотря на сомнения и изнуряющий лабиринт меандры, река вывела их на простор озерной глади - неописуемые чувства нахлынули на путешественников. Ничто не скрывало голубую крышу неба, ничто не мешало вздохнуть полной грудью; ощутить накопившуюся за день усталость и наслаждаться чувством близкого привала.

В этот день они впервые подняли «бокалы» с наливкой домашнего приготовления от Никиты Николаевича.

- Ну, с боевым крещением вас! – поздравил нас Дмитрий Викторович, держа в руке стаканчик с рубиновой жидкостью. - С первым днем путешествия!

Все реки текут

В каждой истории о путешествиях, будь она художественной или документальной, её герои исполняют, какие-то роли, помимо тех, которые возлагаются на них официально. Есть, так называемый «злодей», есть «душа компании», есть «герой» и т. д.

Трудно сказать почему, но Евгению в этой экспедиции выпала роль «крайнего». Если в пути, происходило что-то экстраординарное (как правило, неприятное), то оно происходило именно с этим человеком.

Поэтому никого особенно и не удивило, что когда начала сдвигаться одна из лодок, то, конечно, это была его лодка.

Дмитрий Викторович подошел к этому случаю конструктивно, как и полагается руководителю экспедиции и опытному преподавателю. Он просто взял клей, куски резины на заплаты и занялся ремонтом.

Попутно он вразумлял Евгения.

- Учись, учись лодку чинить. Мало ли что в жизни пригодится.

Димка после ремонта подошел к лодке, и, услышав характерное шипение выходящего воздуха, похлопал потерянного хозяина по плечу.

- Ну, что ж! Теперь у нас готова жертва «Титаника». Я думаю, на роль Ди Каприо ты потянешь... Вот только кого-бы тебе подобрать в напарницы, – и задумавшись, ушел ловить рыбу.

Дмитрий Викторович, узнав о неудаче ремонта, переклеил заплату. Впрочем, Евгений никаких иллюзий на этот счет не питал и успешную попытку ремонта отнес к временной, необъяснимой удаче. Хотя тут он был неправ – в течение оставшегося времени экспедиции, что-то, а заплата его больше не беспокоила.

Дни экспедиции тянулись вереницей непрерывной череды озер и рек, соединенных в единую озёрно-речную систему. Характер рек и окружающей местности менялись после каждого пройденного озера.

До озера Кукумас исследователи сплавлялись по р.Охтома, дальше по Верхней Охтоме. От оз.Нельмозеро, куда впадает В. Охтома, к р.Илексе вела Нижняя Охтома.

Верхняя Охтома представляла собой уже не ту узкую протоку типа Охтомы. Здесь всем пришлось превратиться в любителей водного слалома. Поваленные стволы деревьев порой полностью перекрывали русло реки, оставляя узкий проход вдоль берега, где с трудом могла протиснуться лодка.

Доходило до того, что приходилось, в буквальном смысле, прорубать себе дорогу топором, перегнувшись через неустойчивый резиновый борт, и лавировать между сучьями и стволами.

Характер берегов тоже сменился: ветвистые ели, сомкнувшись стеной, стояли вдоль берегов. Только они, да пасмурное небо отражались в серой глубине мутной реки. Они нагнетали гнетущие думы о дремучих, сказочных, северных лесах. Правда, из «нечистой силы», здесь были только тучи изголодавшихся комаров, но и их хватало с лихвой.

Впрочем, путешественники были не единственными людьми в этом краю.

- Раньше я здесь работал – смолу собирал, - рассказывал Володя, на охотничью избушку которого путешественники наткнулись на берегу оз.Кукумас. – Сейчас промышляю здесь зверем, рыбой; в лесу огород – выращиваю картофель... Тайга, она щедрая – прокормит, если только ты не старик немощный, инвалид или трутень. Хотя не та она уже, не та ... рубят ее, отступает она от человека. А я еще живу помаленьку, кое-что продаю или меняю на соль и хлеб у лесорубов. У них тут недалеко, в пятнадцати километрах отсюда, деланка.

Кукумасозеро–р.В-Охтома–Нельмозеро–р.Н.Охтома–р.Илекса

- Вот тоже, - он сокрушенно покачал головой. – Работают, а денег им совсем не платят! Пробовали даже бастовать: собрались все вместе и отказались работать...

- Ну и что, удачно?

- Удачно? – Володя отчаянно сплюнул. – Привезли им несколько ящиков водки. Они два дня попили и снова за работу. А денег как не платили, так и не платят.

Сам Володя с женой не работали, жили только тем, что давала тайга и на государство, судя по всему, особенно не рассчитывали.

Наиболее же интересной и яркой личностью, встретившейся путешественникам среди таежных одиночек, стал Николай – промысловик – отшельник. Он жил на берегу оз.Нельмозера и стал единственным человеком, с которым общались исследователи на территории Архангельской области. Он подплыл на моторке тихим вечером к месту стоянки.

- Нет! Я не егерь! – ответил он на вопрос Дмитрия Викторовича. – Сейчас я, к счастью, на Парк не работаю. Хотя было дело – пришлось. Директор Парка мне сказал: «Либо работаешь на нас,

ну хотя б первые пару лет, пока идет становление Парка, либо выселим с его территории». Согласился, куда я денусь...

- А что на Парк-то работать, не хотите – плохо платят?

- Да, нет. Нормально платят. Просто свобода для меня главнее, не могу я без нее – без свободы.

Этот невысокий, коренастый старик в потертой одежде, а годков ему насчитывалось далеко за семьдесят, за двадцать лет его нынешней жизни сроднился с этим диким краем.

Узнав, что перед ним «ленинградцы», он внезапно обрадовался.

- Ну, наконец-то «наши» – из Питера! А то ведь здесь только москвичи и появляются.

Сам он всю жизнь провел в городе Нарва.

Жил он, как и Володя, охотой и рыболовством. Уже позже путешественники узнали, что общались с одним из лучших промысловиков района. Выйдя на пенсию, он без колебаний променял блага цивилизации на пустынный берег таежного озера. Будучи гражданином Эстонии, он получал пенсию, которая не в сравнении с российской, позволяла безбедно жить. Тратил он её в основном на муку, соль и бензин для своей моторной лодки.

- Я человек свободный! Живу на природе и ни на кого работать не хочу. Ведь, что у человека может быть главнее свободы?... Особенно в моем возрасте... Сын в Петербурге живет, внучка там же, в госуниверситете учится на историка. А я здесь, двадцать лет, и в городе редко появляюсь. Хорошие здесь места..., здесь теперь вся моя жизнь!

При этом Николай оказался человеком вполне осведомленным в делах мирских.

- Кстати, что там у нас с новым премьером? А то приёмник у меня сломался на днях...

Этот озёрный отшельник ориентировался в последних политических новостях России даже лучше, чем участники экспедиции. И в то же время он делал зарубки на дереве, дабы не потерять порядок неделям. На вопрос Дмитрий Викторович о том, какой будет завтрашняя погода, покачал головой.

- Погода? Не знаю, не знаю. Я старик современный, примет никаких не знаю.

На следующее утро Николай появился вновь. В подарок исследователям он привез пятикилограммовую щуку, четырех крупных подлещиков и три банки изумительного по вкусу морошкового варенья.

- Не за что, - в ответ на благодарности сказал он. – Дары от природы, не за деньги даются. Природу надо благодарить.

Погода в тот день изменилась, и не в лучшую сторону. Градусник показывал +14°C, а, главное, усилился ветер. По «закону подлости» преодолевать Нельмозеро пришлось против его встречных порывов. Особенно тяжело это было для лодки с самой большой парусностью, в которой плыли ребята. И неизвестно, насколько бы затянулось

преодоление продуваемого, озерного пространства, если бы снова не вмешался Николай. Он словно жюльверновский капитан Немо пришел на помощь в трудную минуту. Буксировка большой лодки до истока Нижней Охтомы заняла меньше получаса. Здесь они и расстались с этим гостеприимным человеком, тепло которого навсегда осталось в душах путешественников.

- Здра-а-ав-встуй, Илекса!! – громовой крик Дмитрия Викторовича эхом разнесся по водной глади в месте впадения Нижней Охтомы в основную реку Национального Парка. Нижняя Охтома оказалась самым скучным и коротким участком пути за всю экспедицию. И вот после двух часов усыпляющей гребли они достигли середины своего экспедиционного маршрута.

Илекса – главная водная артерия Водлозерского национального парка.

В верховьях её размеры соответствовали размерам реки Охтома, преодоленную экспедицией. Ближе к устью она разливалась и представляла собой приличных размеров полноводную реку. Исследователям предстояло преодолеть шесть порогов по Илексе до места её впадения в Водлозеро.

Все реки развиваются по законам природы (а что, вообще, в мире случайно?). В процессе образования реки вода, движущаяся под действием силы тяжести по руслу, вымывает породы, слагающие его. И, естественно, чем дольше существует река, а так же, чем мягче породы составляющие ложе русла, тем более глубока река и более спокойно ее течение. Таково большинство рек в мире. В Карелии же реки текут по твердым породам Балтийского кристаллического щита, да еще вдобавок благодаря деятельности последнего ледника они все молодые. Вода просто не успела вымыть себе хорошее ложе. Потому-то так много порогов, перекатов и водопадов в Карелии (некоторые ученые, даже относят карельские реки к горным).

Но это все теория. А на практике здешние порожистые реки любимый объект развлечения водных туристов всей страны. Спуск по бурлящим, пенным порогам, что может быть увлекательнее?

Есть явления и предметы, которые невозможно передать во всех красках. Преодоление порогов относится как раз к ним, чтоб ощутить всю эмоциональную окраску этого процесса, нужно хотя бы раз самому преодолеть порог.

Вся молодёжь преодолевала пороги впервые.

За дни странствия Евгений нашел оптимальное положение в своей посудине. Больше всего за часы гребли уставали, как это ни странно, ноги, поэтому он вынул из пазов узкую и неудобную скамейку и сел прямо на надутый баллон дна, подстелив предварительно под себя кусок туристической пены. Теперь, вытянутые ноги, которые он упер в противоположный край борта, уставали намного меньше. Здесь же, в

ногах, лежали котлы и вся экспедиционная посуда. Спиной он прислонился к своему рюкзаку. Получилось некое подобие кресла.

Развернувшись лицом к стремнине, он слегка подгрребал веслами, так что течение само несло его куда нужно. И когда лодка полностью оказывалась во власти стихии, ему только оставалось пытаться удержать свою посудину прямо, не давая ей развернуться и сесть на камни. Скорость достигала своего пика в узких тисках камней, где возвышались бугры пенных бурунов. Поначалу ему казалось, что пучина просто подомнёт лодку и поглотит её ревушим чревом, но вскоре стало ясно – надувная резинка, это тот же пузырь. Для него не существовало кипящих водоворотов – лодка как бы парила над ними. Была даже другая сторона ее легкости – ею трудно было управлять, сила гребца уступала силе инерции воды. В итоге на резких поворотах лодку постоянно выносило на камни.

Страха у Евгения не было – нет! Но ощущение, что еще мгновение и все вещи окажутся за бортом, не покидало его на самых острых участках сплава...

Вот сейчас...

Нет – пронесло. Вещи в лодке, сам гребец на месте, но его лодка прочно сидит на камне. Упершись веслом в речное дно, он сталкивает лодку. И так до бесконечности. Десять секунд стремительного спуска и три минуты сталкивания лодки с мели. Все-таки сказывалось отсутствие опыта.

После преодоления порогов, Евгений напряженно прислушивался – не шипит ли измученная резина бортов его посуды. Рядом проплывали изрядно промокшие ребята. Визг Ани и воинственные крики ребят при прохождении порогов давали понять, что они также получили хорошую эмоциональную встряску. После ТАКОГО хотелось жить!

Первая же стоянка на Илексе показала щедрость реки.

- Пойду, схожу за щукой! – с хитрым видом сказал Дмитрий Викторович, исчезая с удочкой за поворотом. Отсутствовал он минут пять.

- Забыли, что-нибудь, Дмитрий Викторович? – Таня в это время заканчивала распаковывать вещи.

Командор молча поднял руку с леской. На крючке висела щука, величиной не уступавшая подарку старого отшельника.

- Пойду с другой стороны лагеря что-нибудь поймаю, - Дмитрий Викторович ушёл выше по течению реки.

Через десять минут он появился с двумя щуками поменьше.

У ребят загорелись глаза и, вооружившись удочками, Ростя с Димкой исчезли в береговых зарослях. Но, увы, на щук им не везло. Другие рыбы, приличных размеров, гроздьями цеплялись за рыболовные крючья. Щук не было. Только под вечер у Ростика клюнула щука, которую они с командором совместно вытащили. В эту рыболовную лихорадку были вовлечены и люди, не принимавшие

участие в ловле. Таня, Аня, Никита Николаевич и Евгений занимались чисткой рыбы и её приготовлением.

Вечером, сидя на широких скамейках, раскинутых вокруг живительного огненного очага, и потягивая горячий чай с остатками сахара, путешественники делились впечатлениями первого дня, второй части пути.

С приходом на Илексу декорации сменилось как в кино. Появились оборудованные стоянки. Обычно уже издалека можно было увидеть синий столб с белой литерой «Л» – лагерь. На стоянке всегда можно было найти и увидеть аккуратно уложенные деревянные чурки. Обложенный камнями очаг со всеми костровыми принадлежностями: крючьями, перекладинами; скамьи вокруг очага, сухие полянки для палаток – являлись частью предлагаемого Парком путешественникам туристского комфорта. Благодаря всем этим встречаемым в процессе плавания благам цивилизации, появлялось ощущение, что вот-вот, из-за поворота вырастет шумный поселок. Но эта иллюзия рассеивалась каждый раз, стоило оказаться за поворотом. До ближайшего лесного кордона было около сорока километров. И на всем их протяжении исследователям приходилось преодолевать пороги.

Испытывая путешественников на прочность, температура продолжала опускаться. В одну из ночей она достигла +3°C. Ветер с реки только усиливал холод. Спасал только горячий чай, разбавленный некоторой дозой оставшегося спиртного, который пили перед тем, как, надев на себя все свитера, закутаться в спальник.

Тем временем, после рыбной эйфории все оказались на рыбной диете.

Командор приказал перевести все оставшиеся продукты в разряд Неприкосновенного Запаса (на «черный день»). Для еды всем участникам экспедиции теперь была доступна только рыба. Единственным счастливым исключением стал чай, которого взяли очень много (да и рыбой его заменить было бы трудновато). Правда, радости это приносило совсем немного: во-первых «элитный» чай «Принцесса Гита» после употребления его в больших количествах наводил на мысль, что понятия «элитный» чай у его производителей и потребителей несколько различны (пили его теперь исключительно с добавлениями ароматических трав леса), а во-вторых, закончился сахар, а без этого представителя углеводов большинству участникам экспедиции жизнь стала не мила.

Итак, прием пищи теперь был установлен следующий. На момент причаливания к вечерней стоянке начиналось приготовление рыбы. В оба имевшихся у путешественников огромных котла, закладывалась рыба и начиналась варка ухи. Соотношение компонентов ухи было следующим (в порядке возрастания): одна луковица, пару картофелин, вода и рыба. По объему количество рыбы превышало количество воды! Более мелкую рыбу ждала участь быть приготовленной на рожнах. Этот

замечательный способ приготовления рыбы был показан всезнающим начальником экспедиции, и являлся единственной отрадой в пищевом рационе ребят. Секрет приготовления прост: рыба потрошится, но не очищается от чешуи, обмазывается солью, в образовавшуюся полость втыкается свежесорванный и заточенный с обоих краев прут (рожон), а другим концом он втыкается в землю возле костра, под таким наклоном, что бы языки пламени обжигали рыбу. После этого остается только периодически переворачивать рыбу другой стороной, чтоб она не подгорела и через минут двадцать вы получаете, превосходное лакомство – рыбу в собственном соку. Правда, для приготовления этого блюда требовалась некоторая сноровка, поэтому очень часто ребята ели рыбу наполовину сырую, наполовину пережаренную.

В отсутствие сковороды этот вид приготовления рыбы был наиболее популярным, но даже он не мог полностью скостить «прелести» рыбной диеты.

Утро начиналось с завтрака. На завтрак предлагалась... рыба. Оставшаяся с вечера (так как всю её съесть на момент приготовления не представлялось возможным) она представляла собой студень (столь жирными были щуки) с кусками рыбы. После второго дня такого утра Евгений был близок к тому, чтоб вообще отказаться от завтрака. Утро было безнадежно «испорчено» рыбой, и путешественники начинали свой ежедневный сплав.

После четырех-пяти часов сплава, экспедиция причаливала к берегу на перекус. На перекус была ... РЫБА! Потом еще пять часов плавания и стоянка, где меню ужина ни для кого не было секретом.

- Я скоро перейду на спортивную рыбалку, - с мрачным видом сказал Димка. – Буду ловить рыбу... фотографировать... и обратно её выкидывать.

Жизнь постоянно ставит перед человеком всевозможные трудности. Но многих людей жизненные перипетии не только не пугают, но даже подталкивают на преодоление препятствий другого рода... И некоторые из них находят удовольствие находясь на грани! В экстремальных условиях. Такие мысли приходили в голову Евгения, когда он подплывал к очередному порогу.

Его уже безраздельно охватило пьянящее чувство поединка с силами природы. Нет, пороги не были опасными, и спуск по ним напоминал скорее детское упоение от скоростного спуска с ледяной горки, только несоизмеримо увеличенное. К сожалению, порогов было мало и они не относились к категории очень сложных. Максимальный перепад высот был у последнего преодоленного экспедицией порога, он составлял чуть больше двух метров на сотню метров.

И вот лодки попали во власть спокойного, неторопливого течения. Оно неторопливо пронесло их мимо древней деревеньки со странным названием Калакунда. Одинокая часовенка, построенная совсем

недавно в память об этой деревне, охраняла покой этих красивых, тихих берегов.

Словно слезами прощания с порогами, дождь напоследок насквозь промочил утомленных путешественников чистой водой. Последняя полевая стоянка на Илексе оказалась самой «люксовой».

Она была расположена на песчаном обрывистом берегу, в светлом сосновом бору. Комаров и мошки здесь почти не было – в продуваемой мшистой чаще ей не было места.

С обрыва открывался великолепный вид на противоположный берег, внушающий чувство уважения и преклонения перед гармоничной мозаикой природы.

По золотистой коре стройных рядов сосен прошла четкая граница солнечного света и тени. Оранжевый свет заходящего Солнца, будто гигантская подцветка, освещал, словно на парад выстроившиеся деревья, представляя их во всей своей красе.

Особенно приятно было после дождя, сняв мокрую одежду, сесть с кружкой горячего чая на скамейку, с которой открывалось это замечательное зрелище, и, полностью расслабившись, предаться внутреннему созерцанию.

Отсюда было видно голубое небо с уходящими вдаль тяжёлыми тёмно-синими тучами, отражающимися в мутной, лениво несущей свои воды в бесконечном водовороте природных ритмов реки.

Новгуда

- ... рекомендую почитать «Диалектику природы» Энгельса, - работая веслами, говорил командор.

Евгений, пристроившись к его лодке, неторопливо подгрёбал веслами, внимая передаваемому опыту.

- Дмитрий Викторович, а вы Канта читали? Он ведь тоже писал работы по географии.

- Кое-что читал...!

За такими философскими разговорами проходило утро следующего дня.

Домики Новгудского лесного кордона совершенно неожиданно выросли из-за поворота. Они смотрелись для отвыкшего от цивилизации глаза, как сказочные терема на берегу безлюдной реки. Омрачило встречу с ними только то обстоятельство, что это был выходной день. Сей факт означал невозможность связи (а именно отсюда предполагалось связаться с представителями парковой администрации в Кугонаволоке) с внешним миром, (кто из начальства находится на рабочем месте в выходные?). А это, в свою очередь, говорило путешественникам, что дата окончания экспедиции откладывалась на два дня, что было недопустимо в связи с окончанием отпусков у Никиты Николаича и Тани.

Каково же было удивление командора, направившего свою лодку к тихому причалу, когда из одиноко примостившегося у причала катера появилось чумазое, улыбающееся лицо Директора Парка.

- Здравствуйте! – он добродушно развел руками.

Этот еще довольно молодой человек с босыми ногами, бродивший по кордону в помятой пятнистой куртке, был не кем иным, как первым человеком в одном из самых крупных природных резерватов в Европе.

Он выразил сожаление, что экспедиция не приехала на сутки раньше. На тот момент закончила свою работу научная конференция (проходившая здесь же) и была эвакуирована вертолетом. Сам же Директор задержался на день, к счастью для экспедиции, так как все вопросы с возвращением были немедленно обговорены.

Новгуда получила свое название от небольшой речушки, протекающей поблизости. Именно это живописное место было выбрано для создания лесного кордона, места службы егерей (с рацией, катером).

Красота здешних мест побудила сделать здесь один из центров отдыха для приезжих.

Большое деревянное здание «Природного Центра» стало основным местом проведения научных и познавательных семинаров, проводимых Парком. Участники семинаров жили в маленькой двухэтажной гостинице с вывеской «Туристический приют», стоявшей поблизости.

Одним из самых главных достоинств кордона была БАНЯ! Мечта многих дней изматывающего похода; особенно для прокопченных путников. Более того, бань на кордоне было две!

Одна баня с ультрасовременной печкой и термометром, предназначалась для простых любителей банных процедур, другая же была местом паломничества иностранных туристов, желавших окунуться в экзотику русских традиций. Вторая баня топилась по черному - в углу был сложен каменный очаг, который протапливался перед мытьем, причем весь дым выходил в дверь и в маленькое оконце, от этого, все стены и потолок были покрыты толстым слоем черной, жирной сажи. В остальном баня мало, чем отличалась от своей современной сестры. Довершали строения кордона два егерских дома и два туалета, к которым вели дощатые дорожки.

- Места здесь красивые, - Игорь – егерь Парка, оказался молодым общительным парнем. – Сюда, каждую неделю, кто-нибудь приезжает...

- В прошлом году президент Борис Николаевич должен был заехать. Не смог... Но готовились здесь серьезно. За неделю до предполагаемого приезда нагрянула его охрана, несколько десятков человек. Поставили шатры поблизости, и выскабливали каждую травинку в округе. А приехать-то должен был всего на два часа! Рыбу половить захотел!

- В реке и так рыбы полно, а туда еще вывалили три мешка иностранной подкормки. Так тут до конца лета таких жирных щук вылавливали. Жуть! Баню вагонкой обшили, в предбаннике выстлали ковры. Кресло ему из карельской березы выточили, чтоб рыбачить было удобней. Вы это кресло чуть-чуть не застали, на днях увезли...

- О жене его тоже позаботились... Пока муж на рыбалке, ей бы по ягоды, на болото за клюквочкой, да морошкой. Нашли поблизости болотце богатое крупной морошкой. Всё чин по чину. За день до приезда решили навестить болото. Нет ягод!!! – Игорь усмехнулся. – Кто-то из местных, должно быть собрал. Не предупредили, для кого болото заняли. Ну, что? Срочно кинулись еще болото искать. Благо их здесь полно. Нашли – богат на них здешний край и охрану выставили. А еще какому-то умнику пришла в голову мысль – жена у Президента пожилая... И что б не уставала, предложил по всему болоту скамеек наставить.

- Поставили?

- Нет. Да и Президент в итоге сюда не приехал.

Отъедались путешественники в этот день «от пуза». Командор на радостях отменил рыбную диету. Правда, куда без нее здесь. Закоптили всё-же крупную щуку и еще несколько рыбин.

Обедали путешественники вместе с Директором Парка и Игорем.

- Да, да. Трудности, Дмитрий Викторович, у нас большие..., - начальники быстро нашли между собой общий язык.

- Вот Ильинский Погост возьмем. Мы бы хотели, что б он вновь возродился. Ведь раньше это был один из форпостов христианства в Карелии... Обратились в церковь, что б возродить здесь приход. «Нет», - говорят. Почему? «Мало людей у вас – сборов мало будет».

- Прямо так? – изумился Дмитрий Викторович.

- Да. А вы что думали. Церковь то, вместе с людьми меняется, – Директор махнул рукой.

- На время выпросили у ближайшего прихода монаха. Что б хоть кто-то близкий по духу за Погостом смотрел. Так он через месяц сбежал!

- Пригласили митрополита, что б он Погост заново освятил. Первый вопрос нам: «Там моя «Волга» пройдет?». Успокоили, мол, проедет. Второй вопрос: «А много ли там комаров?» Короче, так и не приехал.

Директор явно был не в лучшем расположении духа.

- Надо! Надо обустроиваться. Дел много, а вот денег то и нет...

После обеда расстроенный Директор уехал на катере по своим делам, а путешественники остались наслаждаться предоставленным комфортом. Удалось в этот день и принять баню, о которой мечтали всю дорогу.

- Сюда много элиты отдыхать приезжает, - продолжил свой рассказ Игорь, помогая ребятам растопить печь для бани. - Мэры

близлежащих городов, министры из Карелии. Даже финский консул приезжал, на рыбалку. Зачем же еще? Высадили его с катера на точке, пообещав забрать через час. Забрали через пять часов – мотор у катера чинили. А он, чудак, привык к финской, европейской пунктуальности, недоволен был...

- Новый русский из Тюмени как-то приехал. Всего с собой повез, даже динамо-машину свою! Он, кстати, её нам подарил, когда уезжал... Ну, и по мелочевке оставил: радиоприемник и коптильню, в которой вы сегодня рыбу коптили...

- Ну, и понятное дело иностранцы наезжают. Где же еще экзотики русской хлебнуть. Перед вами туристы из Чехии приезжали. Это вообще чудики. Дурят их брата...

- На предыдущем кордоне им втридорога копченой рыбы продали... А её здесь – ешь не хочу! У меня столько этой копченой рыбы было много – я ее им просто так отдал. Правда, она была недельной давности, они весь следующий день в туалете просиживали.

- По-нашему понимают, но не все. Пристали ко мне – объясни, да объясни, что за рыба такая – «коряга». Это у них на предыдущем кордоне во время ловли крючок за корягу зацепился. Им и сказали: «Это коряга». Вот они и думали, что, дескать, это рыба такая огромная – не вытащить.

- А в основном, здесь семинары научные проводятся. Приедут ученые разные – из Скандинавии часто. Пообщаются чуть – чуть, поговорят, а потом начинается... Вы на день опоздали – вчера утром последнюю бутылку шампанского допил.

Интерьер «Природного Центра» ребятам понравился. Во-первых, всё в нем было сделано из дерева (включая резные столы и лавки). Во-вторых, большой камин, разместившийся по центру дальней стены, создавал неповторимый комфорт, придавая обстановке особый уют. По стенам зала были развешаны всевозможные виды карт Парка, археологические и этнографические образцы. Собственно, весь «Природный Центр» состоял из этого конференц-зала и маленькой кухоньки сбоку.

После постоянной речной промозглой сырости, неотступно преследующей на протяжении последних дней пути, вместе с кровососущими насекомыми тайги, мерное спокойствие «Туристического приюта» воспринималось, как высшее достижение человеческой цивилизации (наряду с баней и крытым туалетом). Стены из массивного бруса надежно защищали от шума, дождя и холода. Три двухэтажные кровати, умывальник с зеркалом над раковиной, половик, дорожкой ведущий к выходу. Несмотря на простоту интерьера, здесь было, очень приятно находится. Это не город с его вечным шумом машин за окном, пыльными улицами и вечно суесящимися жителями.

После экскурсии Игорь продолжал свой рассказ о местной жизни.

- Да, одному здесь, конечно, скучновато. Хотя, каждую неделю кто-нибудь и приезжает, но это не те люди, с которыми можно поговорить. Начальство в основном. Подобные вам здесь впервые, и вообще, даже простые российские туристы здесь редкость. Тут же всё платное, начиная от въезда в Парк и заканчивая баней и гостиницей. Всё платное, всё деньги.

После бани ребята сидели у Игоря. Он угощал их пивом – остатками роскоши последнего семинара.

- Иногда по рации передают – особое внимание! Это когда зеки сбегают. Тут же вокруг зон полно. Вот и ходишь трясешься... К счастью, пока не заглядывали, в отличие от медведей. Вот эти, бывает, захаживают, особенно зимой. Шарятся по округе, с голодухи сюда наведываются.

- Бывает, и браконьеры появляются. Как только выстрелы услышу, сразу по рации наряд вызываю. На катере приезжают, как правило, трое. Ну, и идем с ружьями задерживать. Браконьерничают в основном «новые русские», только мелкого «полета». Сразу видно – люди приученные, не сопротивляются. Как нас с ружьями увидят – руки без разговоров за голову. Эксцессов пока не случилось, к счастью.

Игорь отхлебнул еще пива и отодвинул от себя опустевшую бутылку.

- А у нас тут даже свой бомж есть.

Это было настолько неожиданно, что ребята даже оторвались от копченой щуки.

- Да. Петровичем зовут. Странный человек. У него два высших образования. Бывало сядет утром на мостки, часиков в шесть, и сидит. Сидит, этак, часов до двенадцати ночи. Просто сидит, ничего не делает.

- Мясо он не употребляет. Питается какими-то кашами, то, что ему родственники присылают. А то ведь он нигде не работает. Коли бы я так питался, так с голодухи уж давно бы помер.

- Выгоняют его периодически. Тогда он несколько дней не появляется. Спит в лесу под деревьями.

- Зимой как-то пошел в Куганаволок пешком... это километров сорок. Мы его на снегоходах догоняем. «Садись, - предлагаю. – Довезем». Нет, ни в какую. «Сам, - говорит, - дойду». Предложили еще. Отказался. Плюнули, уехали. Дошел сам... На следующий день, правда. И все бы ничего, так ведь мороз был, ниже тридцати.

Ребята посмеялись и продолжили кушать рыбу. А Евгений задумался: «Вот живут люди. Люди разные, но все же подчиняющиеся каким – то рамкам и правилам. Интересно все-таки было бы пообщаться с таким человеком, как Петрович. Чем он живет?».

Размышления были прерваны возникшим звуком. В ночной мгле послышался далекий гул. Он нарастал очень долго, постепенно преобразуясь в режущий звук лодочного мотора. Внезапно из тумана вынырнули две жуткие тени превратившиеся тут же в две моторки. В два

ночи местное Парковое начальство нагрянуло на кордон с несколькими туристами.

Засыпал Евгений под звук включенного дизель генератора. Приехавшие спать явно не собирались. Они приехали отдыхать.

Домой

*В суету городов
И в потоки машин
Возвращаемся мы,
Просто некуда деться...*

В природе нет четких границ, поэтому нельзя прочертить линию, после которой Илекса превратилась в Водлозеро. Сначала путешественники услышали характерный шум большой воды, который создавали волны огромного озера. Потом они стали расти, и когда их взору открылось устье Илексы, лодки уже прыгали по волнам, как породистые скакуны, преодолевающие барьеры. В этот день погода встретила путников, заканчивающих маршрут, сильным ветром, дувшим с озера, и ослепила солнечными лучами, отражавшимися от водной синевы. Но как только они причалили, небо затянула серая пелена облаков и зарядила мелкая нудная «морось», которую и дождем-то назвать нельзя было. Несколько часов такой погоды и всё в округе стало мокрым и блестящим. Евгений, лежа в палатке, безуспешно пытался уснуть. Ему оставалось только жалеть, что он так и не увидел орлана – белохвоста. Именно в этой части реки гнездилось около двадцати пар этой красивейшей птицы, занесенной в Красную книгу. Под впечатлением был только Димка, который на берегу нос к носу столкнулся с красавцем-оленем.

В устье им пришлось пробыть больше двух суток (вместо запланированного дня).

С течением времени всё чаще кто-нибудь из путешественников бросал взгляд в сторону озера: не появился ли на горизонте катер.

К утру второго дня над экспедицией нависла угроза легкой голодовки. Продукты, рассчитанные на день, закончились.

Попытка Никиты Николаевича найти грибы оказалась неудачной: два найденных сморщенных гриба за два дня не в счет. Рыбалка у Дмитрия Викторовича шла с трудом. У Димки еще хуже.

Ростик с Евгением, насмотревшись на чаек, с воплями растаскивающих потроха от выловленной путешественниками рыбы, вспомнили приключенческие рассказы Жюль Верна и решили смастерить лук. То, что у них получилось в итоге, оружием было назвать нельзя и чайки с глумливым смехом продолжали летать над лагерем. Не сломленный неудачей Ростя, переквалифицировался на рыболовство. Однако и здесь он преуспел не больше, чем в охоте на чаек, поэтому он

уполз в палатку и уснул, к зависти остальных путешественников (это был идеальный способ борьбы со скукой, голодом и ожиданием).

Евгений же полностью вжился в образ Робинзона.

Всматриваясь в пенные воды Водлозерья, он представлял, что вот так, наверное, кидал взгляды в океан злополучный прототип Робинзона Крузо – Александр Селькирк, четыре года проживший в одиночном заточении океана.

Неудивительно, что Евгений так выучил линию горизонта, простиравшуюся перед ними, что первым заметил на ней изменение.

- Ну, что видишь катер? – спросила его Аня заканчивая мыть посуду, после скудного обеда.

- Судя по всему... Да! – уверенным голосом ответил совсем не уверенный Евгений.

Ребята, мгновенно очнувшись от хмурого забытья, встрепенулись.

- Серьезно??!!

- Да-да! Вон же он! – поддакнул Дмитрий Викторович, махнув рукой в сторону озера.

- Как его можно не видеть? – с упреком в голосе спросил Верзилин.

Но его вопрос остался без ответа, ребята уже убежали ближе к берегу.

Дмитрий Викторович широко улыбнулся в бороду.

- Пусть разомнутся немного!

Никита Николаевич тоже, хитро посмеивался.

- Жестковатая шутка...

Тут до Евгения дошло.

- Так вы что, корабль не видите?...

Улыбки с лиц ученых медленно сошли.

- А что, это была не шутка?

Катер проследовал мимо лагеря и ушел к Новгуде забирать туристов, вдоволь отдохнувших на лесном кордоне. Капитан катера, судя по виду изрядно поддавший, помахал рукой и крикнул что-то ободряющее.

Уже стемнело, когда он на обратном пути забрал участников экспедиции.

Ночная прохлада загнала в тесную капитанскую рубку Ростю с Евгением.

К этому моменту капитан был пьян настолько, что становились ясны корни известного русского выражения «лыка не вяжет».

Ростик подхвативший идею Ромы постоять за штурвалом катера, сохранил немного драгоценной водки. Капитан отказываться, естественно, не стал... Потеплело. Ростя решил наладить более тесные дружеские контакты с капитаном.

- Ты как... Рыбу-то ловишь?

На этот элементарный вопрос Ростю капитан вразумительно ответить не смог. Он вообще не смог ничего сказать. «Вот ведь! – с восхищением думал Евгений. – Профессионал! В таком состоянии легко и непринужденно управлять кораблем...»

В это время капитан оставил попытку ответить и, отпустив штурвал, широко развел руки. Видимо показывал размер рыб, выловленных им на рыбалке.

- А охотишься?

Вопрос был еще проще первого, поэтому капитан даже открыл рот, чтоб ответить, но на большее сил у него не хватило. Никаких звуков молодые исследователи так и не услышали. Капитан закрыл рот и решил вернуться к уже испытанному способу общения... Он показал, как целится и стреляет, тем самым наглядно убедив ребят, что охотой он занимается тоже.

«Потрясающе! - Евгений продолжал удивляться. – Истинный капитан».

Во время возникшей паузы капитан начал вдруг дергать левой рукой сверху вниз к недоумению ребят. Ростю первый догадался, в чем дело.

- Там, что-то стоит? Поднять?

Капитан кивнул головой.

Ростю наклонился, пошарил рукой где-то внизу в темноте и через мгновение в его руке оказалась початая бутылка портвейна. Все стало ясно. Но как говорится, все хорошее в мире кончается быстро. Бутылка опустела...

Внезапно мотор чихнул несколько раз и к великому ужасу пассажиров, захлебнувшись, затих. Тишина заложила им уши. Евгений с Ростем переглянулись и посмотрели на капитана.

- Всё, - с трудом разжимая губы, произнес он. – Приехали...

Это были его первые слова, за все путешествие! После них глаза у него закатились, и ребятам показалось, что он сейчас упадет.

- ...топливо кончилось, - удивляя ребят, сказал капитан, вопреки всему продолжая стоять.

Путешественники вновь собрались все вместе, чтоб обсудить возникшую проблему.

- Дмитрий Викторович, - предложил кто-то из ребят. – Давайте надуем одну из лодок и сплавим за помощью.

Хоть Куганаволок и был виден в бинокль, но его близость была обманчивой.

В это время неутомимый капитан проник под палубу - в машинное отделение. И там произошло маленькое чудо: он обнаружил «зачатку» с топливом и приступил к ремонту. Через полчаса кропотливой работы мотор внезапно заработал и катер поплыл, а пассажиры получили еще один легкий стресс, так как капитан в этот момент все еще находился под палубой. Только благодаря вмешательству присутствующих в рубке

туристов катер удалось отвернуть от быстро приближающегося берега – Ростик свой шанс порулить упустил.

Куганаволок, расслабившись, еще спал, нежась под лучами восходящего Солнца, когда катер пристал к берегу. Он казался таким родным, соскучившимся по цивилизации исследователям.

Солнце стояло уже высоко, когда к домику лесничества подъехал маленький УАЗик. И вновь пыльная дорога до порта в посёлке Шала (где экспедиционеры купили мороженое, пряники и шоколадный ликер). Ракета на подводных крыльях, мчавшаяся по безбрежным сияющим просторам Онежского озера.

Петрозаводск – город сказка! Зеленые парки, теплый ветерок, парочки влюбленных, прогуливающих по набережной...

Совсем по другому теперь для Евгения звучал неофициальный гимн Карелии «Долго будет Карелия снится», который он услышал на вокзале в столице Карелии.

«В суету городов...» - эти слова Высоцкого, как нельзя более точно отражают чувства всех людей, вернувшихся из лона природы в грязь и шум городских улиц.

Пыль, шум, суета жителей – город встречал путешественников стандартным набором. Кроме этого, над всей этой нервной суетой стояла гарь – вокруг Питера горели торфяники, окутавшие город дымным покрывалом.

После первых минут радости тень легла на лица ребят.

Ростя внимательно посмотрел на Димку, потом на Евгения.

- Что мы здесь делаем? – резким голосом, задал он риторический вопрос, ни к кому, собственно, не обращаясь. А потом, отвернувшись, тихо добавил.

- Хочу в тайгу...

И в этой короткой фразе он очень точно отразил настроение всех молодых участников экспедиции.

Перед глазами Евгения возникали потрясающе красивые пейзажи дикой природы. Блики костра еще не исчезли из его глаз. И никому не хотелось видеть потные лица нервно суетящихся пассажиров троллейбуса, в котором они с Ростей и Димой возвращались домой. Но...

Остался вдали край счастливых и обездоленных людей, простых и непосредственных, как сама природа. Край чистой земной красоты, где еще можно встретить традиционную экзотику русской земли.

Глава 2. Трещина

Июль – август 2000 г.

Вид на г.Монгун-Тайга из полевого лагеря

Подо мной раскрывшаяся пасть бездонной трещины. Зацепившись буром за ее ледяные края, я повис над открывшимся провалом. Любое неосторожное движение грозит новым обвалом снежного наста, и тогда я рухну вниз. Осторожно поворачиваю голову в сторону, где шёл Мишка. Ледяная поверхность пустынно блестит в солнечных лучах. И только в том месте, где шел мой друг, раскрылась жуткая «улыбка» укрывавшейся под снегом трещины...

Накануне

В ту ночь она не осталась со мной в палатке. Может это было и к лучшему, но тогда я на нее обиделся. Да и заснуть после сумбурного, полного неожиданностей, дня было сложно.

Почти месяц мы проводили исследования высокогорного озера. Пробы донных отложений, сбор гербария, геодезическая съемка – научная сторона; с другой же неоднозначное общение с местными жителями и рыбаками, расположившимися с нами по соседству. Хотя это мы разбили лагерь на горбатой косе, где их юрта уже почти месяц одиноко белела на берегу озера.

Рыбацкая артель состояла из русских жителей Кызыла (столицы Тувы), и у каждого без исключений за плечами был нелегкий жизненный путь.

Их «вожак» Валера - могучий сибиряк, был человеком столь же необычным, как и вся природа вокруг. В суровую зиму несколькими годами ранее он провалился под воду, переезжая озеро на снегоходе. Сколько нужно было сил, чтоб в одиночку вытащить этот снегоход из-под воды и добраться до жилья, мы даже не могли представить. Вот только не прошло для него даром ни купание в холодной воде, ни многокилометровый бросок в лютый мороз с промокшими ногами – началась гангрена, и врачи ампутировали ему обе ноги. Теперь он

неторопливо вышагивал на протезах, а чаще ездил в своей машине ГАЗ–66, используя её проходимость. Он вызывал уважение и непонятное расположение, которое свойственно истинным сибирякам, хоть мы и знали его всего несколько недель. Мощь его тела сочеталась с мудростью, во много повидавших синевато-серых глазах.

Примерно так же к нему относились и сами члены артели, и местные жители из соседних юрт, с которыми мы виделись довольно часто.

Сначала помогли напилить и вывезти им из леса дрова. Потом нам в благодарность устроили обед. Там мы и познакомились с местной молодежью, среди которых выделялись Чейнеш и Чойган девушки, почти не говорившие по-русски, но при этом прекрасно понимавшие нас.

После помощи с дровами и ответного обеда отношения между нами стали более теплыми и дружественными. Мы несколько раз приходили к ним за хлебом, они же, в основном молодые, приходили к нам в лагерь, с любопытством наблюдая за полевой исследовательской жизнью.

День нашего отъезда приближался, когда между нами и рыбаками зашел разговор о дальнейших планах.

Выслушав, что мы собираемся отправиться к подножью высочайшей горной вершины Тувы – Монгун Тайге, Валера серьезно предупредил нас о том, что для местных жителей эта гора священна, и, как водится в таких случаях, на посещение священных мест вводится табу. Наш руководитель, неоднократно бывавшая в этих местах, с улыбкой сказала, что нас суеверия не касаются, тем более что она уже принимала участие в экспедиции к Монгун Тайге, и её участники безболезненно для себя поднимались на вершину. Валера пожал плечами: мое дело предупредить. Впрочем, планы не поменяли бы всё равно – еще в Петербурге мы договорились с руководителем параллельной нам гляциологической (исследование ледников) экспедиции о встрече в условном месте неподалеку от вершины.

Местные жители, узнав о нашем отъезде, устроили «прощальный банкет», на котором выложили все яства местного стола. Здесь были и питательный талган – перемолотый и пережаренный овес, залитый кипятком; и патока – перетопленный творог, залитый маслом. Стал уже традиционным вкус зеленого чая с молоком, солью и сахаром. Но особой экзотикой для нас была арака – молочная водка. В ней было около двадцати градусов, и пилась она очень легко, расслабляя тело и веселя душу.

Настало время подарков: каждому по литровой бутылке топленого масла и по полторалитровой бутылке араки. Гостеприимству хозяев не было предела.

Наверняка и они знали о цели нашего маршрута, но разговор на эту тему не заводили, лишь вежливо улыбались и подкладывали еду в

опустевшие миски, да не давали оскудеть нашим чашкам, подливая араку.

После очередной чарки мне было трудно отвести глаз от Чейнеш, что не укрылось от нее.

Потихоньку все покидали юрту разгоряченные принятой дозой спиртного. Рома – самый младший участник экспедиции со свойственным ему задором договорился с тувинским парнишкой покататься на его мотоцикле.

Наконец все собрались у машины готовясь отправляться. Чойган и Чейнеш тоже появились у машины одетые в куртки, и только когда мы усаживались в кунг, стало ясно, что они решили проводить нас.

Водитель и руководитель экспедиции сели в кабину. А мы, помахав из кунга на прощанье гостеприимным жителям озерной долины, заваленные запасами араки, продолжили банкет. Веселье становилось все жарче, и девушки, севшие к нам в машину, не стали высаживаться на границе долины, махнув неопределенно водителю – едем дальше. Постепенно всё происходящее стало восприниматься как в тумане.

Рома подарил Чойган книжку Юрия Никулина, которую вслух читал всю дорогу, вырывая нас из тувинской степи в мир московских цирков. Чейнеш которая становилась мне все ближе с каждой минутой, я не нашел ничего лучше чем подарить часы. В ответ на моем пальце оказалось маленькое медное колечко, которое до этого украшало ее пальчик. Понимая значимость подарка мне ничего не оставалось, как поцеловать её в благодарность.

Еще несколько часов пути, и впереди вырос огромный горный массив украшенный снежной шапкой – мы прибыли к месту встречи. Спустя несколько минут навстречу машине выбежал мой однокурсник Михаил – теперь уже аспирант Петербургского Университета.

Экспедиции встретились у подножия Монгун-Тайги. И хотя встреча была запланирована еще в городе, тем не менее, необычно смотрелись знакомые лица за тысячи километров от родного дома.

Конечно, они были удивлены как нашим состоянием, под влиянием выпитой араки, так и нашими необыкновенными спутницами. Шатёр – кухню мы ставили сорок минут, хотя в обычное время нам на это хватало пятнадцати. Ночевали мы в кунге, но с учетом неожиданных гостей пришлось поставить маленькую двухместную палатку, в которой, само собой получилось, оказались мы с девушкой, отправившейся за десятки километров от дома ради молодого человека. Однако её подруга нарушила нашу идиллию. Воспитанная в строгих правилах она отказалась ночевать одна среди мужчин, и Чейнеш отправилась к ней. Мне оставалось лишь закутаться теплее в спальник и, ворочаясь, в одиночку отправиться в царство Морфея, чтобы восстановить потраченные за день силы и подготовиться к испытаниям, которые нам готовил наступающий день.

Работа

Предложение Игоря Григорьевича, возглавлявшего гляциологические исследования, сходить «наверх», мы восприняли с энтузиазмом.

- ... Всё просто. Зайти на ледник Левый Мугур. Забурить рейки на полтора метра. На следующий год по рейкам можно будет определить скорость стаивания ледника.

Примерно так объяснял нам сегодняшнюю задачу Мишка.

- Что одевать на восхождение? Ну, свитера хватит одного... Носки шерстяные обязательно... Шапку желательнее возьмите. Это здесь, внизу, жарко, там все это понадобится. Короче, не маленькие, сообразите.

Подъем на ледник наметили на десять утра. Времени как раз хватало на то, чтоб завтрак плотно обосновался в наших желудках, а мы успели одеться соответствующим образом. Утреннее солнце показало все немного в другом свете и тувинские девушки, почувствовав, что становятся «лишними», засобирались.

Я не знал, как поступить и, смутившись, спрятал подаренное кольцо в карман, пообещав себе одеть его, если окажусь на вершине горы.

Через полчаса Рома, с которым мы дважды посещали Водлозерье, Коля – старый полевой и общажный товарищ, и я присоединились к уже готовому Мишке. Со времени последней совместной практики, которую мы проходили в годы учебы в университете, он изменился. Сейчас он выглядел, как истинный географ – «полевик»: заросший и загорелый за месяц непрерывных хождений в горы в потрепанной, выдавшей виды куртке на широких плечах; в еще недавно новеньких, но теперь совершенно стоптанных ботинках. Очки на лице прибавляли его виду кабинетную интеллигентность ученого. За плечами висел рюкзак с экспедиционными мелочами: полевой дневник, рулетка, компас, высотомер и ряд других необходимых вещей.

- Ну, что же! – обратился к нам подошедший Игорь Григорьевич. – Десять часов! Вы готовы?

Мы утвердительно кивнули.

- Тогда вперед! Михаил дорогу знает. Встретимся у ледника.

- А как же вы?

- Я вас догоню. Ваша первая задача догнать и перегнать вон ту девушку, - Игорь Григорьевич указал рукой на перевал, куда нам предстояло идти, – она ходит медленно, поэтому вышла раньше. На леднике же все должны быть вовремя!

Легко сказать догнать. С нас сошло семь потов прежде, чем мы догнали Олю – участницу экспедиции Игоря Григорьевича. Самого руководителя, вышедшего позже, мы встретили уже рядом с ледником, где он надевал теплую одежду! Многолетний опыт хождения по горам, хорошее знание местности и колоссальная выносливость позволили ему

с легкостью обогнать нас, каждые пять минут останавливавшихся перевести дыхание. Здесь с прошлого раза его группой были оставлены алюминиевая снегомерная рейка, ледовый бур и несколько деревянных реек, которые нам предстояло воткнуть в тело ледника.

- Михаил, передайте кому-нибудь из ребят рюкзак – пусть разомнутся, – сказал Игорь Григорьевич взглянув на Мишку.

- Да, ладно, – Мишка отрицательно мотнул головой. – Я уже к нему привык.

- Миша! Ты хоть в него заглядывал перед подъемом? - спросила Оля.

- Никуда он не заглядывал, - не дал ответить Мишке Игорь Григорьевич. - У меня давно зреет идея положить в рюкзак кирпич. Он так, наверно, и притащит его на ледник.

- А чего там смотреть, - Мишка под всеобщий хохот смущенно пожал плечами. – Раз положили, значит нужно.

Первые забуры мы делали в части ледника, напоминавшей ковш, заканчивающийся обрывом. С двух сторон его ограничивали ледяные склоны, третью составляли огромные каменные валы.

Вся поверхность льда была испещрена маленькими безобидными ручейками. Они весело бежали, сверкая в лучах восходящего Солнца, незаметно сливаясь, чтоб в долине превратиться в могучую горную реку.

Реек следовало забуривать как можно больше с интервалом в сто метров по высоте. Бур несли по очереди. После четвертого бурения, взвалив на плечо железный коловорот, я пошел впереди всех по скользкому склону, становившемуся все круче и круче. Поднявшись на сто метров, я оглянулся на руководителя, но Григорич махнул рукой - продолжать движение. Бур с каждым шагом становился все тяжелее. Сзади послышалось прерывистое дыхание – меня догнал Мишка.

- Долго... еще...идти? – спросил я, пытаюсь отдышаться.

- Возможно..., - сказал он вполголоса. - ...Григорич ведет нас к вершине!

Глаза его сверкали. Еще бы! Стоять лагерем целую неделю возле высочайшей вершины Тувы, так и не побывав на ней.

Высота Монгун-Тайги 3970 метров! Лагерь стоял на высоте две тысячи шестьсот метров. Таким образом, если Мишкины предположения верны, то за сегодняшний день нам предстояло подняться на высоту тысяча триста метров. Ну, и, соответственно, спуститься. Впечатляло!

- ... Сегодня мы должны достигнуть вершины Монгун-Тайги и забурить там рейку, - слова Игоря Григорьевича на ближайшем «перекуре», расставили точки над «і».

Рома с Колей без энтузиазма восприняли эту новость. Мишка загорелся, он давно мечтал о покорении вершины. Я же не знал радоваться мне или впадать в отчаяние от предстоящих часов мучительного подъема. Я даже не смог восхититься великолепием

долин и озер, открывшихся нам с высоты, просторами Монголии, расположившейся рядом и отлично просматривавшейся отсюда. Я только холодно смог констатировать – красиво. И все. Никакой эстетики. Никаких эмоций. Просто факт.

Два пологих склона образовывали своеобразные плечи - ступеньки, ведущие к вершине. После первого плеча, на преодоление которого нам потребовалось чуть больше часа, остановок стало значительно больше. Физически восстанавливаться еще удавалось, а вот дыхание возвращаться в норму не желало. Сил передвигать ноги у нас с Колей хватало, но на Роме уже «не было лица».

На втором плече, во время забуривания предпоследней рейки у нас сломался бур. Здесь подошедший последним Рома выдохся окончательно.

- ...Игорь... Григорьевич..., - прерывисто дыша, начал он. – Я больше... не могу... идти...

- Роман! – твердо произнес Игорь Григорьевич. – Вас с собой никто не тянет на вершину. Но дело в том, что у вас просто нет выбора. Спустится по склону такой крутизны, по которому мы поднимались, практически невозможно! Ближайший же нормальный спуск находится за вершиной.

Вид на ледниковый массив Монгун-Тайги из космоса

Это был единственно возможный способ привести Рома в чувство. Больше Роман на эту тему разговоров не заводил просто молча двигался вперед.

Мокрые от пота ноги. Ослепительная белая поверхность вокруг. Звук собственного дыхания. Пятьдесят шагов – остановка. И вновь изнурительный подъем.

Шагая за Игорем Григорьевичем, я уткнул свой взгляд в его ноги. За мной шел Мишка с буром. Ни я, ни Коля, ни Рома с деревянной рейкой, которую он использовал в качестве посоха, нести бур уже не могли. Для меня этот подъем превратился в борьбу с самим собой. Во мне еще горел огонек интереса, выдержит ли мой организм это нелегкое испытание? Любопытство – неистребимый стимул путешественников поддерживал мои силы. Оля, Коля и Рома шли последними, периодически падая на ледяную поверхность - отдыхая. Я бы и сам с удовольствием свалился на снег, но чувствовал – стоит лечь, встать я уже не смогу. Игорь Григорьевич проходил ровно девяносто шагов, потом останавливался отдохнуть и продолжал подъем. Перед вершиной у меня появились силы прибавить ход, чтоб быстрее закончить подъем.

Вершина представляла собой снежное плоскогорье, в центре которого альпинисты, изредка наведывавшиеся сюда, вбили деревянный штырь, обозначающий самую высокую точку Тувы.

Я закрыл глаза и присел на корточки, отдыхая в царстве непрерывного и сильного ветра, пока подходили ребята. Часы Игоря Григорьевича показывали пять часов.

- Женя! Мы же с тобой на вершине!! Забраться на высочайшую гору этого края. Это рекорд!

Я открыл глаза. Рядом со мной стоял Мишка. Мой утомленный вид заставил его добавить.

- А за рекорды нужно платить.

Тошнило от переутомления и высоты, поэтому меня больше занимало отпустить содержимое желудка на волю или оставить на месте, но я все-таки ответил.

- Миша! Если рекорды мешают здоровью, то ну их... эти рекорды.

Наконец, я пришел к выводу, что остатки пищи во мне представляют слишком большую ценность, чтоб её «выбрасывать». От принятого решения сразу стало легче и я огляделся. Облака, ставшие теперь совсем близко, угрожающе темнели прямо над головой. Разгоряченные подъемом тела начали охлаждаться. Пора было уходить. Все приободрились в предвкушении спуска.

- Евгений! – обратился ко мне Игорь Григорьевич. – Возьмите у Михаила бур.

Я беспрекословно принял от Мишки тяжелую ношу, он и так протащил его за нескольких человек, чем помог всем нам достигнуть вершины.

Я достал из кармана кольцо и одел на палец, пусть греет теплом человека, которому ты нужен. На улыбки и косые взгляды мне было уже наплевать.

- Женя, устанешь – скажешь. Я тебя сменю, - обратился ко мне Коля, тоже потихоньку приходя в себя.

Я не замедлил его «подколоть».

- Уже устал..., - хмыкнул я, выжидаясь глядя на него.

- Ну, и неси сам, - не остался в долгу друг.

Довольные друг другом, что еще не потеряли чувство юмора, мы потянулись вместе со всеми вниз по склону, вспахивая девственно чистую снежную поверхность. Дорога вниз буквально заставляла бежать. Да никто из нас и не противился всемогущей силе тяжести, пьянея от мысли, что идем обратно. Игорь Григорьевич даже одёрнул бегущего впереди Рому.

- Роман не бегите. Нам предстоит не только спуск... Нужно будет преодолеть перевал. Не расслабляйтесь и рассчитывайте силы.

Впрочем, особо это никого не остановило. Апатия – родная дочь усталости, затмила внимание. Мир приобрел ирреальные черты. Совсем не кстати выглянуло Солнце, ослепляя снежной белизной ледников. Спуск привел нас к обрыву. Игорь Григорьевич с Олей отошли дальше от края обрыва, а мы, перепрыгнув сеть небольших смерзшихся трещин, двинулись метрах в ста от края обрыва. До конца ледниковой шапки оставалось около полукилометра.

Падение

Мы с Мишкой шли впереди, параллельно друг другу. Рома с Колей чуть отстали, о чем-то беседуя.

Путь нам преградила узенькая, не больше десяти сантиметров, змейка свежего снега, четко выделяющаяся на серовато-белой поверхности ледника, явный след притаившейся трещины. «Не хватало еще ноги поломать», - подумалось мне.

- Мишка, впереди трещина! – предупредил я друга. После чего прыгнул через нее, чтоб случайно не попасть в нее ногой.

Мир изменился. В пространстве, что-то произошло.

Снежный наст уходит из-под ног. Все вокруг рушится и приходит в движение.

В течение секунды в голове проносится веер мыслей.

Первая с хвастовством: «Мужики! Прикиньте, я в трещину попал»!
Вторая: «Я же ВИШУ на БУРЕ, зацепившемся за края трещины!! Подо мной ее раскрывшаяся пасть...!!».

В уши проникает крик: «Ты жив?!!».

Это голос Коли. На поверхности у меня осталась голова, рука вцепилась в спасительную палку бура. На безымянном пальце левой руки тускло блеснуло кольцо. Костяшки пальцев побелели, но рука мертвой хваткой вцепившаяся в бур не дала мне уйти под лед. Поворачиваю голову влево, откуда донесся голос, чтобы ответить и вижу... Вижу Колю, лежащего перед трещиной, огромная пропасть

которой скрывалась под маленькой снежной полоской. Тут меня прошибает третья – леденящая мысль – МИШКИ НА ПОВЕРХНОСТИ НЕТ!! Коля вопрошающе кричит в темный провал, в том месте, где прыгал Миша.

- Мишка!? Ты жив?! Жив?!!

Голос Мишки доносится откуда-то из-под меня.

- Да... жив..., - голос приходящего в себя человека.

В следующее же мгновение голос заглушает грохот и треск ломающегося льда внизу.

Коля срывающимся голосом, просит ответить Мишку. Секунды, растянувшиеся до бесконечности. Молчание. Воздух ощутимо начинает сжиматься удушливой петлей непоправимого. Проходит полминуты. Коля продолжает безуспешно докричаться до Мишки.

- ...Да...мужики...мужики... Я здесь. Вытащите меня отсюда! – в невнятно донесшемся до нас голосе из черного чрева трещины отчетливо слышны нотки отчаяния и страха.

- Сейчас, - отвечает Коля Мишке, который, судя по далекому голосу, провалился еще глубже.

Теперь до меня начинает доходить опасность моей ситуации. Стоит только мне неправильно дернуться, и выступающие кромки льда, за которые зацепились края бура, обломятся, после чего я мгновенно присоединюсь к Мишке. Чтобы ослабить давление своей «спасительной соломинки» на казавшийся теперь таким непрочным лёд я уперся ногами в выступающую стенку трещины, перенеся часть своего веса с бура.

Сзади слышится голос подползшего ко мне Романа.

- Ты как?

- Вишу, - отвечаю, стараясь не делать резких движений.

- Рейку сможешь взять? – он протянул мне из-за спины деревянную рейку.

- Вряд ли..., - отпустить бур я не рискну.

- Осторожно! – сзади подполз Коля. – Здесь все может рухнуть! Женя, сейчас мы тебя вытащим, ты только не двигайся. Друзья схватили меня за шиворот, рывком вытащили из трещины и, подхватив под мышки, оттащили на безопасное расстояние.

Время вновь потекло нормально и я увидел, что на противоположной стороне трещине стоит Игорь Григорьевич. До меня дошло, что ни он, ни Оля помочь нам просто не могут. Попытки перебраться к нам чреваты новыми обвалами. Мы оказались разделенными на две группы.

- Игорь Григорьевич! Верёвка есть? – Коля, в отличие от меня, уже вполне пришел в себя – сказался опыт занятий спелеологией, и все его действия направлены на спасение Мишки.

- Да, в рюкзаке... Как там Мишка?

- Жив вроде...

Последние километры рюкзак нес я. Скидываю его с плеч и начинаю искать.

- Мужики!... - из трещины вновь доносится голос Мишки.

Коля подползает к краю.

- Да?

- Вытащите меня отсюда! Здесь холодно...

- Сейчас Мишка.

Верёвку я не нашел.

- В другом отделении, - кричит Ольга.

Нахожу моток какой-то верёвки.

- Это не та, - увидев верёвку, сказал Игорь Григорьевич. – Была большая.

В рюкзаке больше ничего нет, но для порядка я все-таки проверяю. Никаких верёвок там больше нет.

- Он её выложил, - подразумевая Мишку, говорит Ольга. В её глазах слезы.

В голове обрывки мыслей: «... он туда вообще не заглядывает... хоть кирпичи клади».

Коля продолжает поддерживать разговор с Мишкой.

- Мишка! Ты глубоко? Свет видишь?

- Свет... вижу. А вот глубина... Ну, метров десять...

Глядя на нас, Коля качает головой – вряд ли это возможно – не разбиться при падении с такой высоты?!

- У тебя есть паника?

В голову пришла мысль: «Что за вопрос?... Хотя не такая уж и глупость. Надо же как-то выводить человека из шока».

- Да, нет. Я курю, - отвечает из глубины Мишка, после некоторой паузы. Голос относительно спокойный.

Это простое выражение немного сняло нервное напряжение.

- Ну, если курит, - говорит Игорь Григорьевич. – Значит в порядке.

И крикнул в темный провал.

- Миша! Попробуй упереться ногами в стенки и вылезти.

Снизу до нас донесся крик.

- Нет, не могу ... больно...спина...

Спускаем в трещину верёвку, предварительно её измерив. Длина Мишкиного спасения не превышает семи метров.

- Миш? Ты верёвку видишь.

- Вижу...

- Ты можешь за нее ухватиться? – спросил Коля, опустив верёвку полностью.

- Нет. До нее еще метра три.

Все молча переглянулись. Непроизвольно моя рука тянется к карману на брюках. Карманы забиты всевозможным барахлом: ножи, спички, нитки, карандаш, компас...

Привычка, которая у многих вызывает улыбку. Но сейчас не до смеха, тем более что в кармане у меня лежит десятиметровая верёвка, которая раньше скрепляла надутую автомобильную камеру с деревянной палубой плота. На нём мы изучали озера.

- Не выдержит, - сказал Коля, осмотрев веревку. – Если только попробовать сложить вчетверо.

Коля слоняется над трещиной.

- Мишка! Нужно подождать минут двадцать. Нам понадобится время, чтоб все подготовить и тебя вытащить.

- Быстрее мужики..., - после паузы доносится снизу голос. И интонации в нём заставляют сжиматься сердце – как ему там?!

Коля требует от нас ремни. К веревке нужно сделать обвязку.

- Может мой рюкзак использовать в качестве обвязки? - предлагает Игорь Григорьевич.

Коля быстро осмотрел перекинутый рюкзак: лямки, пояс, пластмассовые защелки...

- Нет! Не выдержит. Лучше ремни, желательно кожаные.

Ремней нашлось два: мой, старый солдатский с бляхой и Ромин – самодельный. Оба ремня Коля закрепляет на сложенной вчетверо верёвке. Затем связывает две веревки в одну. Опускает ремни в трещину.

Мишины слова звучат как приговор.

- Нет, мне не достать... Вытащите меня отсюда!

Все обдумывают сложившуюся ситуацию.

- Игорь Григорьевич, сколько времени вам понадобится, чтобы дойти до лагеря? – Коля опять среагировал первым.

Пару секунд гляциолог прикидывал.

- Часа два туда и назад столько же.

- Назад же с подъемом? – Коля посмотрел вопросительно. – Наверное, обратно часа три – три с половиной?

Игорь Григорьевич кивком согласился.

- Тогда, может, вы пойдете за помощью? А мы сделаем еще несколько попыток достать Мишку.

До лагеря должен был идти самый быстрый человек, а быстрее Григорьича из нас никто не ходил. Кроме того, он единственный из нас знал путь к лагерю.

- В конце–концов, - продолжал Коля. – Я попробую спуститься туда. И если мы сами вытащим Мишку, то пойдём в лагерь. Он знает путь?

- Знает.

Игорь Григорьевич и Оля, которая пошла с ним, оставили из своего снаряжения все вещи, которые могли нам пригодиться: варежки, свитер, куртку, часы. Когда они уходили часы показывали половину шестого.

Из ледяной гробницы

А нам приходилось рисковать: Коля сложил тонкую веревку вдвое и, перевязав спасательную конструкцию, скинул ремни вниз.

- Мишка! Цепляйся за ремни.

Через несколько минут выяснилось, что боли в спине не позволяют поднять Мишку на ремнях.

- Вытащите меня... мужики!!

Я старался не думать, что должен испытывать человек так зовущий на помощь.

- Сейчас, Миша...

Коля отрешенным взглядом смотрел на нас.

- Ну..., я полез к нему.

- Он там не замерзнет? – спросил Рома, помогая Коле затянуть ремни.

- Возможно, ему теплее, чем нам. Ветра там все-таки нет...

На Колю мы одели еще одну куртку и свитер. Часть одежды он должен отдать внизу Мишке.

- Ну, с Богом!

Теперь Коля был готов к спуску. Я подполз к трещине, и упираясь в рейки, положенные вдоль неё, чтобы снизить давление на край, держал верёвку. Рома страховал в трёх метрах от края трещины. Кто знает, на сколько могут еще расширяться её края, со стен всё интенсивнее начинали капать сосульки. Более тёплый воздух, проникая с поверхности в трещину, способствовал таянию ледяных стен, увеличивая опасность их обвала.

Коля исчез в трещине. Вербка под его тяжестью разрезала выступающий край и уперлась в рейки. Тридцать сантиметров слежавшегося снега, в который врезалась веревка, могут рухнуть вниз, захватив попутно и меня, но выбора нет.

- Всё мужики. Я внизу, - доносится снизу голос Коли. - ...Привет Мишка! Мишка!! Да ты весь в крови. Ну, и раздолбал ты лицо себе...

Дальше шли уже неразборчивые слова, не понятные сверху.

Повернувшись к Роме я сказал.

- Коля внизу. У Мишки разбито лицо.

В минуты ожидания мы расслабились и сразу же почувствовали холод. Больше всего мёрзли ноги. Это становилось мучением. Я смотрел, прыгая и притоптывая, на совершенно мрачного Рому и размышлял, куда делась та самая усталость, которая валила нас с ног у вершины. Стало немного легче, когда я представил, что вернувшись в лагерь можно будет съесть тарелку горячего супа и «хлопнуть» пару рюмок спирта из экспедиционных запасов, чтоб согреться и снять усталость. Наконец мы услышали долгожданный крик Коли.

- Мужики!!! Потихоньку, полегоньку тяните!!

Начали мы бодро, но через несколько секунд услышали стон.

- Мужики, вниз!! Вниз стравливайте!! – рявкнул снизу Коля.

Стравили. Оказывается, когда Мишку поднимали в воздух, веревки не давали ему дышать.

Попробовали еще несколько раз. Одно и то же. Ноги у нас начали коченеть, веревка резала руки, да и Мишка был не очень легким в свои двадцать три.

Коля сделал ему ручку на веревке, чтоб он часть веса перенес на руку, но Мишке и это не помогло. Тогда Коля стал поднимать его на себе. Мишка забирался по Коле, как по лестнице, частично ослабляя давление веревки на грудь.

В какой-то момент я понял, что мне может не хватить сил. Поменялись с Ромой местами. Теперь он, стоя на краю, вытягивал Мишку, и львиная доля нагрузки приходилась на него, а я подстраховывал и закреплял веревку.

Но когда Мишка повис на веревке, сил не хватило и у Ромы. Пришлось рисковать – вдвоем встать у края трещины и тянуть... Когда до верха осталось совсем не много, где-то четверть расстояния, силы нас оставили. Их едва хватало на то, чтоб просто держать веревку с Мишей на достигнутой высоте. Мишка хрипел, зависнув в воздухе.

Коля орал благим матом:

- Мужики!!! Мужики!!! Мать вашу! Тащите!! Тащите, чтоб вас!!!

Сквозь сжатые зубы Рома сверху кричал.

- ... Сил нет. Нету сил!!!

Мы вцепились в веревку мертвой хваткой, застыв над трещиной. Долго так продолжаться не могло. От невозможности изменить ситуацию накатывало ощущение полной беспомощности.

К счастью Мишке удалось упереться в стену, ослабив давление веревки и дать нам немного передохнуть. Я поглядел на тяжело дышавшего Рому и вытер со лба пот.

- Ну что, еще пара рывков?

Он молча кивнул и взялся за веревку. Раз, два, три и вот в расщелине показалась Мишкина шапка. Пока я держал веревку, Рома положил рейки поперек трещины и Мишка, опираясь о них, высунул голову на поверхность.

- А вот и я! – просто сказал он.

Мы схватили его за руки и волоком оттащили от трещины.

- Ну, как ты? – спросил Рома, отвязывая ремни от Мишки. Мишка с залитым кровью лицом смотрел широко раскрытыми глазами сквозь разбитые очки.

- Холодно..., - не своим голосом ответил Мишка, стуча зубами. – Я весь сырой.

- Сейчас мы Колю вытащим и пойдем отсюда. Ляг пока отдохни.

- Да нет, я постою! – голос у Мишки был глухой, как будто он зажал нос пальцами.

- Что-нибудь болит Миш? – спросил я.

- Что-то под левой лопаткой, - он совершенно не двигался. Стоял и дрожал. – А так вроде ничего. Замерз только сильно.

Колю тащить было не в пример легче, хоть он и весил больше. Забирался он, по сути, сам, почти не прибегая к помощи верёвки. Вылез весь мокрый, на носу кровоточила свежая царапина.

Отвязывая от себя верёвку, Коля рассказывал.

- Спускаюсь, смотрю, стоит между стенок, не двигаясь и молчит. Потом поворачивается и на меня вроде как смотрит. Лицо в крови, очки разбиты. Молчит, но на звук повернулся. Я даже испугался, может он глаза повредил? Повезло ему, конечно, фантастически. Стоит на небольшой ледяной перемычке шириной метра полтора. Справа и слева трещина уходит на глубину. Дна не видно. Я туда сосульку кинул, через несколько секунд всплеск. Вода внизу. Сказочное везение. В рубашке родился... В трещине оказалось очень сыро и насквозь промокшая одежда не грела, так что отсутствие ветра мало, чем помогало... Откуда царапина? Мишка пока лез, сшиб несколько сосулечек со стен. Чуть в голову не воткнулись – шапка спасла... Вы пока от Мишки верёвки отвязывали, такого там насмотрелся. Один сидишь и мысли разные в голову лезут: вытащить не смогут, верёвка лопнет, стена рухнет... Такая безысходность.

- Кстати, - сказал он мне. – Твой ремень не выдержал. Лопнул. Я вниз спустился. Смотрю – спускался то на одном ремне.

Рома надел свой ремень, с честью выдержавший испытание. Накинув на трясущегося Мишку свою куртку, он посмотрел на нас.

- Долго еще стоять будете? Всё! Сваливаем отсюда.

- Я быстро идти не могу, - подал голос Миша.

- А мы и не пойдем быстро. Как сможешь, так и пойдем.

Одного спасения мало

Когда мы начали движение с ледника, от момента ухода Игоря Григорьевича минул час.

Впереди шёл Рома со своей деревянной рейкой и простукивал перед собой снег. К счастью, сойти со снежной шапки удалось без приключений.

- Мишка! Игорь Григорьевич сказал, что ты знаешь путь к лагерю.

- Ну, да..., - от Мишкиного глуховато-гундосого голоса становилось не по себе. – Вон там перевал.

Его рука указала вперед. Перед нами расстилалась долина, с противоположной стороны которую ограждал хребет. Именно на нём и расположился перевал, который предстояло преодолеть. Предварительно нам надо было спуститься в долину и перейти её. А вот как спускаться отсюда, Мишка не знал.

«Ну, ладно, - подумал я. – Как-нибудь спустимся. Через долину перейти не проблема. Главное – подняться на перевал, а там и до лагеря рукой подать». Знал бы я ...

Напоследок я взглянул в сторону ледника. Отсюда трещину нельзя было различить. Ледниковая шапка Монгун–Тайги ослепительно блестела в лучах начинавшего заходить Солнца. И во всем этом великолепии не было ничего угрожающего, как и дружественного. Природа была безразлична к нашим бедам и радостям. Это мы потревожили покой ледника и чуть не поплатились за это. Мы были гостями здесь, а гости должны соблюдать правила того дома, в который пришли.

- Здорово здесь! Да? – Рома восхищенно оглядывался вокруг. – Жалко фотоаппарата нет.

Пейзаж вокруг нас был действительно необычным. Огромные, до пяти метров в поперечнике валуны светло-желтого цвета, полуразвалившиеся, словно остатки древней крепости лежали на крупнозернистом песке.

- Останец! – прокомментировал местность Коля.

Это необычное место находилось на вершине хребта, по которому мы шли в безуспешной попытке найти спуск. Со стороны склон кажется вполне проходимым. Смотришь на него сверху и становится ясно, что крутизна склона здесь спуститься не позволит.

Путь вниз, выбранный нами, представлял собой гребень сложенный крупными камнями и валунами.

Рома страховал Мишку на спуске, а мы с Колей побрели вперед, выбирая наиболее удобный маршрут. Чем ниже мы спускались, тем опаснее становилась дорога. Крутизна склона становилась всё больше, а камни становились всё менее устойчивыми.

Несколько раз крутизна становилась такой, что казалось мы зашли в тупик. Но облазив гребень, спуск всё же находили.

- Нет, ну как всё-таки Мишке повезло, - Коля озвучивал мысль, до сих пор кружившуюся у меня в голове.

- Если бы ты ещё туда попал... - сказал Коля, поворачиваясь ко мне. – «Кранты» и тебе и Мишке.

Я остановился перевести дыхание. Бур, прижившийся на моем плече, выматывал остатки сил. Взгляд упал на перевал и на фоне неба мне показалось, что я вижу фигуру.

- Да...Похоже. Я даже две фигуры различаю, - подтвердил Коля, когда я обратил его внимание на перевал.

- У вас галлюцинации, ребята! – Рома как всегда непосредственно излагал свое мнение. Правда, через несколько минут он согласился с тем, что на перевале действительно кто-то есть.

Часы показывали восемь. При удачном раскладе это мог быть Игорь Григорьевич на пути к нам.

- Э–ге–ге–гей!!! – во всю глотку прокричал Коля. Несколько камней на расположившимся рядом с нами осыпном склоне, прошуршали вниз, увлекая за собой песок и валуны. Коля замолчал. Обвала нам только не хватало.

- Он не протянул бы внутри трещины пять часов до прихода Игоря Григорьевича, - вполголоса сказал мне Коля, – максимум часа три и все. Вымерзаешь там очень быстро. Кругом сырость и холод...

- ...и темнота, - добавил я.

- Не совсем. Как таковой темноты там нет и от этого еще хуже. Сквозь толщу льда пробивается призрачный свет. Его как раз хватает, чтоб понять глазами, где ты находишься. Ощущение такое, будто бы вся эта масса льда вознамерилась тебя раздавить. В лед вмерзли маленькие мушки, их там тысячи. Впечатляющий пример...

Подул холодный ветер, погода начала портится.

Меня все больше и больше тревожила одна мысль.

- Коля! Знаешь, кого мы видели на перевале? Мы видели действительно Игоря Григорьевича с Олей. Только они шли не к нам, а в лагерь!... Сам подумай. Идем мы уже больше двух часов, и сколько мы прошли? Мы даже еще не спустились. Пусть мы идем с Мишкой медленнее, но даже с учетом этого Григорьич по времени не успевает в лагерь. Кстати, ведь с ним еще и Оля.

- ...?

- Если, конечно он не нашел другой, более удобный спуск.

- Вряд ли. Судя по всему, это единственная дорога.

- Тогда это точно он. А это значит, что в ближайшее время помощи не будет.

Рома с Мишкой спокойно встретили наши выводы. Они были слишком поглощены спуском. Не оступится. Не упасть. Каждый шаг – риск. Каждый камень – затаившаяся опасность. Я вновь ушел в себя, начав представлять, что придя в лагерь, выпью кружку сладкого горячего чаю и заем куском белого хлеба с сыром.

Черная туча крышкой захлопнула над нами небо. Пошел град. Камни намокли и стали скользкими. В очередной раз нам повезло. Непогода застала нас в конце спуска, когда до долины остались десятки метров.

Мы спустились. И тут же перед нами возникло первое препятствие ледниковой долины – стремительно несущийся горный ручей. В некоторых местах ручей нырял под ледяные арки, но перейти по ним вряд ли кто-нибудь из нас решился бы. Ухнуть в клокочущую стремнину потока, такая перспектива никого не устраивала.

Пройдя вдоль ледяного «бобслея» (именно его напоминал ручей, бегущий в изворачивающемся ледяном ложе), мы нашли место, где расстояние между берегами было минимально. Из ручья торчал камень, по которому Коля перепрыгнул пенный поток. С помощью рейки, протянутой через «бобслей» мы с Колей помогли перебраться Мишке.

Ледниковая долина оказалась не столь гостеприимной, какой казалась сверху. Языки льда чередовались с грядами мореных валов. Всё пространство долины было прорезано «бобслеями». Мы насчитали их больше пяти штук. Но вот и они остались позади. Перед нами возвышался перевал.

- Я не смогу подняться.

Все посмотрели на Мишку, хотя и так было очевидно, что перевал ему не по силам. Нам и то трудно было представить, где взять силы на подъем.

Рома решительно посмотрел на меня.

- Идите вдвоем с Колей в лагерь, через перевал. Мы пойдем по долине в обход. Всё равно Мишке здесь не забраться. В лагере скажите, где мы идем, пусть вышлют навстречу машину.

Идея всем показалась разумной, хотя не могло не тревожить предстоящее разделение.

На часах было половина десятого вечера. Никто не рассчитывал, что прохождение долины займет столько времени. Уже никто не надеялся на отряд спасения. Даже не беря в расчеты реальное время передвижения к лагерю, пять часов, о которых говорили Игорь Григорьевич с Колей, были нереальной цифрой. К моменту прихода спасателей совершенно бы стемнело. Отряд спасения сам был бы вынужден бороться за свое выживание.

Рассчитывать мы могли только на себя. Мишке же действительно повезло, после всех препятствий становилось ясно: вынести на руках человека оттуда нашими силами было практически невозможно. Счастье, что он ходил!

По крайней мере, в долине реки, по которой они пойдут им ничего не должно угрожать, а нам с Колей останется сделать последний рывок.

Переход через «Капкан»

Перед восхождением на перевал мы избавились от бура и рейки, положив их так, чтоб в последствии можно было найти у подножья.

Переутомление сказалось на зрении: Коля в сумерках почти ничего не видел, а у меня в глазах при моргании возникали огненные всполохи.

- Будем чаще отдыхать, - предложил Коля.

Мы бы и не смогли быстро идти. Тем не менее, до наступления темноты нам было необходимо достигнуть гребня перевала. Мы точно не знали ни где лагерь, ни как спускаться. Надо было торопиться.

Я пробегал по песку и камням около десяти метров, падал и отдыхал. Сквозь мокрую от пота одежду чувствовались холодные камни. Но на возможность заболеть было уже плевать. Тем более что лежа было меньше шансов сползти вниз с сыпучим песком.

Цель: камень в семи метрах от меня. Встать. Бегом. Мышцы налиты свинцовой тяжестью. Сердце стучит в виски. Легкие как меха. Вот и камень. Упасть лицом вниз. Закрывать глаза. Отдышаться. Цель...

С Колей мы друг друга в наступающей темноте не видели. Только периодически перекликались.

- Женья!!

- Да-а!

- У тебя как, нормально?

- Да. А у тебя?

- У меня тоже.

Подъем продолжался.

Стрелки на часах показали половину одиннадцатого, когда мы очутились на вершине.

Ночь доедала остатки зари. Что из себя представляет спуск видно не было, не говоря уже о местоположении лагеря, затаившегося в темноте. Но удача, видимо решившая эти сутки провести с нами, улыбнулась нам вновь. Маленькая точка электрического света далеко внизу, как раз в том месте, где по мнению Коли располагался лагерь, указала нам путь.

Во тьме мы начали очередной (какой по счету?) спуск. И буквально через двести метров уперлись в обрыв. Повернули в сторону – снова обрыв. Наконец нашли подходящий спуск, плавно подходящий к леднику.

Постепенно склон превратился в песчаную осыпь. Идти по песку и камням постоянно осыпающимся было очень не удобно, особенно в темноте, а до ледника внизу осталось метров семь.

- Ну, что, идем на ледник? – мне не терпелось оказаться на ровной поверхности.

- Подожди, - Коля вглядывался в темное пятно на краю ледника. – Что это?

- Камень или трещина... Какая разница – обойдем!

Коля кинул в темное пятно камень. Это был не валун, слишком уж долго летел камень. Звук ударяющегося камня как из глубокого колодца не позволял разобрать, достиг ли камень дна или ударился о стенку после пятисекундного полета. Второй камень стукнулся где-то еще глубже. Выходить на ледник с такой бездонной пропастью было безумием.

Коля первым нарушил молчание.

- Пойдем по склону. Все равно обратной дороги нет.

По сорокапятиградусному склону камни с песком легко сыпались на ледник.

Мы дошли до места, где склон спускался в ледниковую трещину. Камней здесь не было, удерживался только песок. Трещина воронкой вбирала в себя все, что не прочно держалось на склоне.

- Выбора нет, - Коля подошел к песчаной реке.

- А может всё же на ледник? – ледник в темноте выглядел не так устрашающе. – Ползком вокруг трещины? А?

- Нет! – в голосе Коли слышалась уверенность. – Если кто-нибудь из нас провалиться в трещину, то как...

Коля пошел первым. Рванул и в два прыжка перелетел «сыпуху». Снесло его всего на полметра вниз.

Я хотел прыгнуть сразу за ним, но песок потёк ручьями. Потревоженные человеческой ногой песчинки пытались восстановить устойчивое положение, но зацепиться было не за что, и на всем протяжении сыпучей реки слышалось шуршание движущего песка.

- Коля! Она течет! – мне казалось, что склон «поплыл» полностью и мне уже не перебраться. Страх холодком пробежал с головы до пят.

- Прыгай! Я тебя здесь подхватю, - Коля стоял с другой стороны «песчаной реки», готовый протянуть руку.

По сути один, два шага и все, но где гарантия, что этот шаг не приведет меня в ледяную гробницу.

Два толчка и я, схватив Колину руку, оказался на теперь уже относительно твердой поверхности. Хотя и здесь каждый камень норовил выскочить из-под ног. Перед следующей песчаной рекой, заканчивающейся ледниковой воронкой трещины, мы колебались меньше. «Перегорели» перед предыдущей, да и выбора уже не было. Выше нас склон становился отвесным, внизу притаился ледник, расставив капканы трещин, позади такая же «река». Дождаться рассвета? Об этом не было и речи – поблизости раздался грохот камнепада и затих где-то совсем рядом с нами. Стоять было не менее опасно, чем идти.

Некоторое облегчение я испытал, когда мы вышли, наконец, к концу ледника, где брала начало река. Где-то в долине на ней стоял наш лагерь. Здесь мы в захлеб пили, зачерпывая ладонями холодную и чистую воду.

Горячий чай из моей памяти ушел в прошлое. Теперь пределом моих мечтаний был стакан молока и бублик с маком перед сном.

Река виделась нам «Нитью Ариадны», которая приведет нас домой.

Позади остался ледник, название которому было (как мы узнали позже) – Капкан.

Вслепую по нити Ариадны

Стояла крошечная тьма. Только иногда в рваные просветы облаков выглядывали звезды.

На каждой остановке мы теперь пили воду, а останавливались каждые полсотни метров. Силы таяли. Чистота ледниковой воды сыграла с нами злую шутку. Она была настолько чистой, что в ней практически отсутствовали минеральные соли. Она вымывала соли из

организма, обезвоживая его. Но «охота пуще неволи» мы всё равно ее пили.

Долго наслаждаться водой нам не пришлось. Появились огромные валуны, до пяти-шести метров высотой. Речка разбилась на множество ручьев и исчезла среди камней.

А нам пришлось довольствоваться выбранным направлением, да карабкаться, словно лилипутам, между огромных глыб.

Камни различались с трудом, и приходилось прыгать на их неясные силуэты.

Вероятность получить травму увеличилась до максимума. Падать стали очень часто. Особенно Коля. Каждые минуты две слышался стук падения его тела вместе с проклятиями.

- ...!

- Жив?!

- Вроде цел, - слышался усталый голос во тьме.

«Какое счастье будет, если мы не подвернем и не сломаем здесь ноги» – размышлял я, совершая очередной прыжок в темноту. – «Шансов подвернуть ногу уже гораздо больше, чем не подвернуть».

- Нам просто повезет, если мы здесь ноги не поломаем.

Я даже вздрогнул от Колиного голоса – думали мы одинаково. Я представил, как сейчас Колиным ногам. Это у меня ноги плотно сидели в ботинках, а у него вообще одна пара носок. Наверно, и падает так часто из-за этого. К ботинкам я начал испытывать уважение, особенно к их прочности.

Сорок минут прыжков вслепую и вдали вновь послышался шум бегущей воды, чудесной музыкой возвещавший о нашем приближении к лагерю.

Мы стояли на огромном обвале – все эти валуны в неизвестное время завалили речку, но она нашла лазейку, и в ста метрах ниже возобновляла свой бег.

Теперь уже можно было различить отдельные фонари машины в нашем лагере.

Мы не знали, что нас ждет впереди. Реакцию людей в лагере предугадать нельзя. Может там волнуются больше, чем мы – неизвестность порой мучительнее всего. Может нас станут укорять в ошибках. Но нас не покидала уверенность – мы поступили правильно. Мы поступили наиболее рационально – в соответствии со сложившейся ситуацией. За такими мыслями я даже не сразу понял, что под подошвой моего ботинка не твердая ненадежная поверхность камня, а что-то упругое.

- Коля!! Земля!!! – я не верил своим ногам.

Да, это была земля. Мы с Колей упали, прижавшись к земле. Мы земные жители. Прижимаясь к теплой земле, я полностью расслабился. Я уже чувствовал домашний уют лагеря. Похожие чувства я испытал пять лет назад, вылезая из пещеры. Она была несложная, но

когда спустя два часа, я выкарабкался из нее на поверхность, мне показалось, что ничего прекраснее нашего мира нет и быть не может. Травы зеленели особо яркой краской. Солнце нежно ласкало светом и теплом...

- Женька вставай, - прервал мои грезы Коля. – Нужно идти в лагерь, они же ничего не знают о Мишке.

С трудом оторвав себя от земли, я поплелся за ушедшим вперед другом. В голове вертелась неведомо откуда взявшаяся мысль.

- А зачем мы так боролись за жизнь? Кому это надо? Ведь нам проще было остаться там...

Он не ответил. Да, и не нужен был мне этот ответ.

Ради себя! Ради людей. Ради людей, которым мы нужны. Ради жизни. Которая всегда ближе, чем смерть. Слишком легко мы могли сегодня потерять Мишкину жизнь. Мы сохранили ее.

Жизнь хрупка. И цена жизни всего одного человека не может сравниться ни с какой другой ценностью. Антуан Сент-Экзюпери говорил: «Хотя нет ничего более ценного, чем жизнь, мы живем так, как будто бы есть что-то более ценное, чем жизнь». Сегодняшний день показал нам, что когда на чашу весов поднимается жизнь человека, перевесить ее не в силах ничего.

И в самые трудные моменты нам с Колей давала силы мысль о людях, близких людях, которым мы были нужны. Которые ждут нас. Ждут в лагере. Ждут в городе. Ждут люди, которым мы дороги.

Шатаясь, словно пьяные, мы перешагивали через ручьи, на которые разливалась здесь река. Подходили к лагерю молча, сил как-то проявлять эмоции не было.

Я, не понимая, смотрел на свет от фонариков, на удивленные лица людей...

Я чувствовал, чьи-то объятия, слышал чьи-то вопросы... Часы показывали час ночи.

Только после того, как мы ответили на все вопросы, главный: «как Мишка?», нас увели, чтобы напоить и накормить. Быстро собралась и уехала давно готовая спасательная группа к Мишке с Ромой.

Нас согрели чаем с водкой и досыта накормили. Скинув с себя промокшую от пота одежду, я вернулся в палатку к оставшимся в лагере, но очень быстро покинул её.

Все они пытались обсудить, кто был больше всех виноват в произошедшем. Кто не правильнее всего вел себя из руководства. Это было непостижимо для меня: как можно о чем-то говорить, искать виноватого, после того как Мишка вопреки всему остался жив, после того, что мы пережили с Колей. Когда нет других чувств, кроме тихой радости, что не надо больше никуда идти, и можно наслаждаться элементарным уютом лагерного быта. И главное – Мишка жив!!

И еще меня вдруг посетило непреодолимое желание увидеть её... После событий на леднике я понял, как дорога мне эта девушка. Одна из немногих живых существ, которым я в этот момент был нужен.

Из темноты появился знакомый, ставший очень дорогим женский силуэт. Она не ушла из лагеря, не смотря на уговоры подруги. Я подошел к ней и различил в ее глазах влагу. А потом она взяла меня за руку и крепко обняла. Молча. Слова нам были не нужны.

И всё же ночь я провёл в палатке один. Мне нужно было прийти в себя.

Утром привезли Мишу. По большому счету он пришел сам. Машина со спасателями в темноте разошлась с ребятами, и встретила Мишку в полукилометре от лагеря, уже возвращаясь.

Через час пришел Рома.

- Мы с Мишкой не сориентировались. Я то вообще здесь впервые.

Миша в таком состоянии, да ещё и в сумерках местность не узнал, и мы прошли нужный поворот к лагерю. Устали решили поспать. Холода особого не было, но очень не удобно. Костёр не развести - дров нет. В общем, поспать не удалось, а Миша всё в лагерь тянет, дескать, не порядок, что нас в лагере нет.

- Уже под утро вышли к юртам. Я предложил зайти выпить чаю... «Нет, - говорит. – Ты иди, а я здесь тебя подожду». Ладно, зашел чаю попил, перекусил, взял еды Мишке, выхожу... Нет никого! Вот тогда мне не по себе стало... Один остался... Он, видать, на автомате, на чувстве долга в лагерь и пошел. Пришлось одному идти, туда, где по моим представлениям должен был быть лагерь. Угадал, к счастью...

Человеческий организм обладает большим запасом прочности, как физическим, так и психологическим. Мы не сломались психически, и это помогло нам выжить.

Вглядываясь следующим утром из лагеря на перевал, откуда мы с Колей пришли, нам с трудом верилось, что оттуда возможно было спуститься. В темноте, сбившись с пути, мы прошли опаснейшим маршрутом.

Миша отделался относительно легко (как сказали в больнице): отбитое легкое и почка (которая на следующий же день после спуска вернулась на место), незначительные ушибы, поврежденное стеклами разбитых очков лицо. Ему и здесь повезло – стёкла, разрезав веки, не затронули глаза.

Два дня он провалялся в больнице ближайшего поселка. Местные жители относились к нему очень тепло. Только выпивший представитель местной милиции всё пытался дознаться, кто и где его побил. В историю о падении в трещину он не поверил.

Два дня мы приходили в себя в опустевшем после отъезда Мишкиной экспедиции лагере.

У меня появилась стойкая неприязнь к каменно-песчаным горным склонам, по которым мы карабкались много часов. Я перестал восторгаться кристально чистой водой горных ручьев. Они «обманули» нас. Они не утоляли жажды, когда безумно хотелось пить.

Колины ноги до бедер были синими от ударов, полученных во время ночного спуска с перевала.

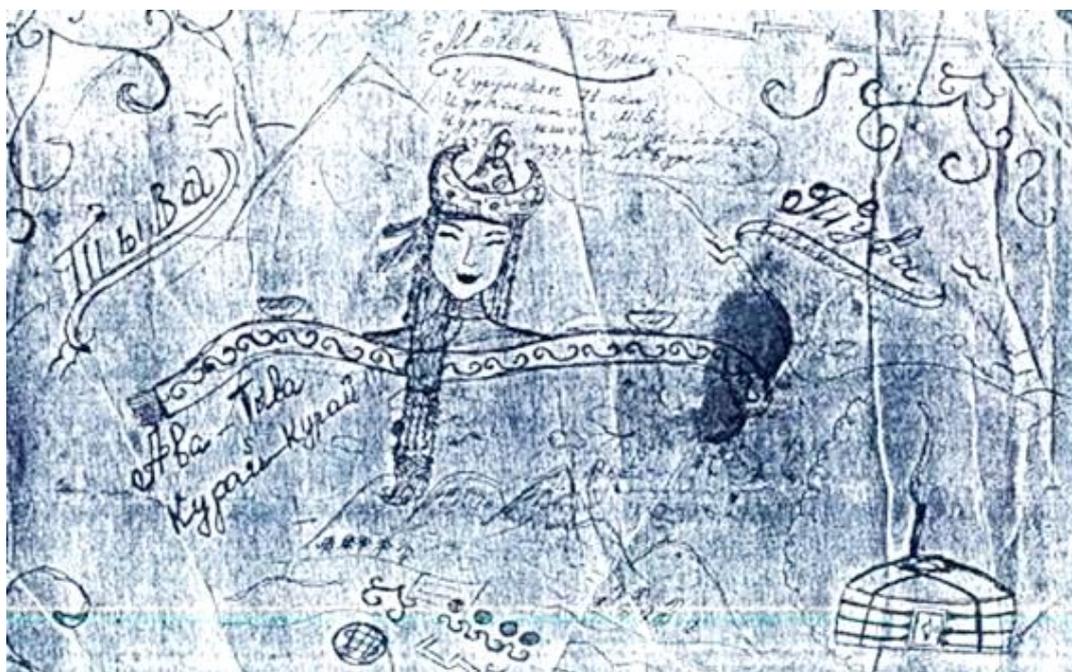
Роме не по нраву пришлись ледники, и он заявил, что на них больше не пойдет.

Иногда я задаю себе вопрос, что такое везение? Так ли уж случаен случай?

Число совпадений, которые сохранили жизнь Мишке, исчисляется добрым десятком. Упал на десять метров, а не больше. Упал - не разбился. Мог двигаться. Нашелся дополнительный кусок веревки, которого не хватало. Ремни выдержали. Веревка не лопнула. Коля, человек, благодаря опыту и знаниям которого был спасен Мишка, оказался рядом. Количество участвовавших в спасении хватало, чтоб вытащить Мишку на ледник. И так можно еще долго продолжать...

Позже нам повезло с Колей при спуске с перевала. За эти сутки каждый из нас прожил не одну жизнь.

Но, конечно, больше всех повезло Мишке, и, дай Бог, чтобы ему, как и каждому человеку, которому пересекает дорогу жизни глубокая трещина, хватило Терпения, Друзей и Любви, чтоб преодолеть её без потерь.

Глава 3. По ту сторону Уральских гор

Август – сентябрь 2000 г.

*Хоть дорога как стиральная доска
И качает грузовик наш и трясёт
Только дату на борту грузовика
Я сквозь изморозь никак не разберу
То ли день когда вернусь издалека...
О.Митяев*

Сжигание попутного газа в Сибири

Мимо меня, с грохотом набирая скорость, пролетел мотовоз, и я остался один на один с лесной тишиной. Впрочем, сквозь тишину быстро пробилось щебетание птиц. Оглядевшись по сторонам, я закинул за плечи здоровый рюкзак и с удовольствием оглядел родные ландшафты. Почти два месяца я бродил по просторам Тувинской высокогорной степи, изучая озера, ледники и горные ландшафты. Приключений испытанных нами, хватило бы на несколько полевых сезонов.

С трудом верилось, что буквально пару дней назад я ехал в поезде, который должен был вернуть нас с друзьями из Кызыла в С-Петербург. Но из Екатеринбурга, где стоянка длилась полчаса, поезд ушёл без меня. Решение вернуться в город моего детства пришло резко. Так как в моей помощи экспедиционеры уже не нуждались, я решил зайти в гости к своему другу детства. Всё-таки семь лет не виделись. Мой рюкзак был с избытком забит провиантом, оставшимся после экспедиции и я перелистнул страницу экспедиционной жизни.

Друга дома не оказалось. Его мать, с трудом узнав меня, угостила чаем и рассказала, что Данил уже две недели проходит археологическую практику, будучи студентом-историком екатеринбургского ВУЗа. Как бы в доказательство, она положила передо мной белый конверт письма от сына с адресом выведенным синей ручкой: Свердловская область, Нижнесалдинский район, пос. Басьяновка, лагерь археологов.

Допивая чай и слушая, как мать друга с неодобрением рассказывает о полевых поездках сына, во мне зрела мысль.

- Поеду к нему!
- Куда? В поле?

Я понял, что последнюю мысль озвучил вслух.

- Ну, да, - я ещё раз взглянул на конверт. – Вот же адрес. Вещи для «поля» со мной...

- Да ты такой же, как и Данил! – она с изумлением и беспокойством посмотрела на меня.

Опять на вокзал. Две электрички. Переполненный автобус. И вот я в пос. Басьяновка.

Разумеется, лагерь археологов не стоит в центре населенного пункта. Но посёлок есть посёлок, и здесь есть зацепка: ведь на письме почтовый штамп.

- Так вы к геологам? – на почте просьбе рассказать, где расположился полевой лагерь, ничуть не удивились.

- К археологам! – поправил я. За годы полевой жизни к тому, что «полевиков» постоянно путают с «геологами», я уже привык. Всё-таки романтика геологических исследований для людей нашего века более понятна, чем странные в наш век географические или археологические экспедиции.

- Вам пешком туда не добраться. У нас через полчаса мотовоз по узкоколейке отправляется людей из леса забирать. Вам как раз бы на него попасть..., - начала объяснять сотрудница почтамта, но тут в помещение зашла женщина в платке. – О, Матвеевна, объяснишь парню, как к геологам добраться?

«К археологам!»! – добавил я про себя, но вслух ничего говорить не стал.

- А вы рысей не боитесь? – спросила у меня «Матвеевна» пока мы шли к «вокзалу» - месту отправления мотовоза. – У нас тут рысей много, особенно там, куда вам надо попасть.

«Здорово!»! – подумал я, а в слух сказал:

- Нет, не боюсь.

Матвеевна рассказала мне все последние новости поселка, потом попросила машиниста, чтоб он меня высадил в нужном месте и, распрощавшись, ушла.

До лагеря археологов, по словам сельчан, было около пяти километров от «железки» по лесной тропе. Выйдя в нужном месте я махнул на прощание гостеприимным жителям Басьяновки и надев рюкзак углубился в тишину леса.

Вскоре к птичьему гомону леса присоединилось привычное жужжание комариных крыльев. И хоть от комаров в горных ландшафтах я успел отвыкнуть, приятно было начать новое приключение. Ведь положа руку на сердце, я мог признаться, что меня всегда более интересовали взаимодействия человека и природы, чем природа без человека.

Треск сучьев за спиной отвлек меня от мыслей. Вот сейчас выпрыгнет на меня рысь и будет... «взаимодействие» человека и природы. Я плотнее прижал к себе лямки рюкзака. Тайга мне нравится

больше, чем степь, но привык я за последнее время к горным ландшафтам. И есть плюсы – нет опасности затаившейся в чаще.

Через час я вышел к хорошо обустроенному лагерю. Поражен моим появлением был не только мой друг, с которым мы не виделись семь лет, удивлен был руководитель экспедиции Александр Фёдорович. Сам поступок – приехать в лесную глушь к другу, показался ему вполне достойным, чтобы разрешить мне остаться в лагере. Меня поставили на довольствие и привлекли к археологическим работам.

Археология – это, конечно, не приключения в духе «Индианы Джонса», да и редкие и дорогие артефакты, тоже, как правило, не часто встречаются. То есть ценность объектов, с которыми работают археологи, вещь относительная. Что ценно для ученых – для обычных жителей неприметные и не интересные обломки. Однако в среде обывателей существует мнение, что если археологи, что-то копают, значит ищут золото. И от этого ученые – археологи часто страдают, обывательское мнение делало профессию полевого археолога просто опасной.

Всё это я узнал из рассказов Александра Фёдоровича, который вечерами любил вспомнить, что-либо из своей, богатой археологическими исследованиями, жизни. Все рассказы он сопровождал примерами. Он поведал о том, как неоднократно возникали ситуации, когда особо активные местные жители врывались в лагерь археологов с целью найти золото. И важно уметь убедить разгоряченных (часто алкоголем) людей, что вот та сотня обломков керамики – это и есть результат двухнедельных раскопок. Ведь их ценность в том, что они могут поведать ученым о жизни наших далёких предков, а не в том, чтобы продать золотые украшения подороже. По остаткам керамики, изредка, украшениям и другим мелочам материальной культуры археологи, в дальнейшем, воссоставляли образ жизни людей живших в древности.

Вот и здесь мы изучали один из древних памятников «Басьяновка», который состоял из кусочков этой самой керамики и датировался поздним неолитом (IV тыс. до н.э.).

Каждое утро студенты под руководством ученых – преподавателей выходили на размеченную площадку и потихоньку: сантиметр за сантиметром погружались вглубь земли и вглубь времени.

С любопытством я отметил, что одним из основных своих инструментов: лопатой, они пользовались не так как мы. Нам лопата была нужна, чтоб выкопать почвенный разрез – шурф и описать слагающие почвенные слои – описать подземную часть ландшафта, поэтому смысл нашей работы: копай глубже, копай быстрее, зачищай лучше вертикальную стенку, чтоб рассмотреть почвенные слои. У археологов копать нужно было максимально горизонтально: копай осторожнее – копай равномерно по горизонтальному слою, чтоб не пропустить археологическую находку.

Поэтому я копал с интересом, хотя и хуже любого студента – археолога.

Пока я работал на раскопе, у меня было много времени подумать. К примеру, мой образ жизни – странствия и познания нового, полностью устраивал меня, но стала сказываться усталость. Реализуя свою детскую мечту о путешествиях, я сталкивался с такими элементами действительности, которые показывали, что за «порогом романтики» дальних странствий много «рифов».

Каждое путешествие со смыслом (экспедиция) содержало длительный период и большой объем неромантической работы. Например, работы по обустройству лагеря, организации быта, управления людьми, включая поддержание в них бодрости. Или монотонные рутинные работы – здесь это копание, причем копание, не обязательно подразумевавшее находку.

За сутки до окончания работ начальник раскопок договорился в посёлке, чтобы нас забрали из лагеря в четыре утра и отвезли на вокзал. Однако за нами никто так и не приехал. К счастью, умудренный опытом начальник экспедиции приказал демонтировать палатки только в момент, когда за нами приедут, поэтому через два часа ожидания он собрал всех в лагере и принял удар на себя.

- Ребята, как вы знаете, я договорился, чтобы за нами приехали к четырём. Но, как видите, обещание передо мной не сдержали. Тем не менее, я как руководитель отвечаю за всё, что здесь происходит, поэтому приношу вам свои извинения. Сейчас всем отбой, через два часа дежурные готовят завтрак, через три общий подъем. А я отправляюсь с добровольцами в посёлок решать эту проблему.

Вечером вопрос транспорта был решен и через сутки ребята вернулись в город, разъехавшись по своим домам, а я оказался в гостях у Данила.

Я не хотел обременять своего друга незваным гостем – собой, тем более их практика закончилась, но впереди ждала экспедиция. Они должны были провести археологическую экспертизу в районе г. Нефтеюганск. Подобную экспертизу, так же как и экологическую, обязаны организовывать и оплачивать нефтегазовые компании, планирующие постройку новых трубопроводов по линии размещения. Предварительная разведка выявила на одном из участков наличие археологических объектов. Теперь Александр Фёдорович собирал из студентов группу, которая будет проводить оплаченные раскопки в Сибири. Данил вошёл в число тех, кто должен был через неделю отправиться в новую экспедицию, и, зная это, я раздумывал над своим отъездом – в Питер автостопом – денег на поезд не хватало.

- Фёдорович приглашает тебя принять участие в экспедиции, если ты согласен, разумеется, - сказал мне Данил, вернувшись с первого организационного собрания. – Говорит, надёжный ты «полевик», пригодишься в экспедиции.

Без долгих раздумий я согласился. Три недели в экспедиции. Там, где еще не приходилось бывать – в стране нефтяников и газовиков! Да ещё денег заработать!

Пока мы ждали дня отъезда, намеченного на ближайший понедельник, у меня было много свободного времени, и меня потянуло к «перу», я начал писать рассказ про экспедицию в Туву, где Мишка попал на леднике в трещину. Уйдя в работу «с головой», я даже не заметил как пролетела неделя. Пару раз мы собирались в Институте археологии. Последний раз мы загружали фургон на базе «КАМАЗа» экспедиционным «барахлом». Машину забили почти «под завязку»: на дно легли коробки с провизией, потом рюкзаки и некоторые приборы и инструменты; сверху накидали толстые ватные спальники, на которых должны были разместиться участники экспедиции.

Накануне отъезда я позвонил в Питер и поговорил с Мишкой. Друг подивился моим новым планам и напутствовал в дорогу пожеланием не забывать родной город.

Следующие сутки мы провели в «КАМАЗе», разлѣгшись на спальных мешках, где-то под самой крышей. Путь от Екатеринбурга до Нефтеюганска был скрашен поеданием арбуза и сном, благо всю дорогу мы провели лёжа.

Я потихоньку знакомился с ребятами всё теснее. Один из ребят, Сашка, оказался жителем закрытого военного города на Урале и знал капитана нашей питерской географической команды КВН! Он учился с сестрой нашего капитана в одном классе, любил холодное оружие и неплохо играл на гитаре.

Питание в этой экспедиции было налажено отлично. Был привезен специальный полевой повар – сотрудница института, где работал Александр Фѣдорович. В первые же дни приезда она блеснула своими способностями, готовя на костре изумительно вкусные супы.

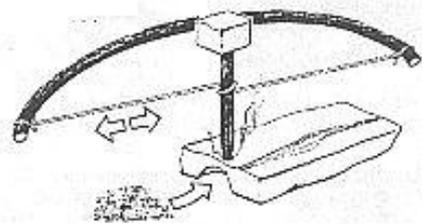
Быт наш устраивался постепенно, сначала нас выгрузили в старом лагере, от которого было далеко до места раскопок, но зато был обустроен бивуак.

Тем не менее, спать в палатках стало холодно. Сентябрьскими ночами случались заморозки.

После завтрака и обеда большая часть группы уходила на раскопки. В лагере оставались дежурные в помощь повару.

Возвращавшуюся с раскопа группу всегда ждало горячее питание, что было немаловажно в условиях севера. Руководителем было санкционировано три праздника: приезд, отъезд и день рождения Данила.

Вечерами мы пытались развлекаться, как могли. Часто Сашка играл на гитаре. Особенно радовали в репертуаре «Чайфы», к которым я успел привыкнуть за годы практик с Сергеем. Старые археологи рассказывали байки и, в один из вечеров, зашёл разговор о возможности разведения огня по древнему способу – трением.

Прибор для добычи огня трением

Мы с Сашкой вырезали палочку, нашли той же породы доску, о которую планировали её тереть. Смастерили «лук», который позволял вращать палочку сильнее и интенсивнее, чем ладонями. Подобрали кусочек древесины, которой прижимали верхний конец палочки, и при всеобщем скоплении участников экспедиции попытались развести огонь. У нас здорово получалось просверливать доску, о которую терлась палочка, от трения даже шёл дым, но ни одного уголька так и не образовалось. К эксперименту подключились все экспедиционеры, включая наших руководителей. Но результат был всегда один: ровная дырка в доске, будто просверленная дрелью, дым и всё. За два дня эксперимент всем надоел и консолидировано пришли к выводу: одной теории для получения огня трением недостаточно.

Тем временем, переговоры с местной администрацией г.Нефтеюганска, который был «всего» в сорока километрах от нашего лагеря на запад, завершились успешно, и настал день переезда. Если на ходьбу до раскопа от первого лагеря уходило почти сорок минут ценного рабочего времени, то второй лагерь был разбит в ста метрах от раскопа. Туда нам привезли вагончик, в которых, обычно, живут строители. За сутки археологический художник (при моём участии) соорудил нары, так, что практически вся группа переехала в вагон. Всё начальство – археологи со стажем, не стали менять свободу палаток на теплоту и комфорт вагончика, но забрали у нас ненужные теплые спальники.

Для меня оставшаяся, большая, часть экспедиционных работ превратилась в строительную.

Дело в том, что работа археологического художника начинается с момента обнаружения археологических находок, которые он зарисовывает для отчета (такова традиция в археологии). До этого момента – это человек, который отлично владеет топором. А так как новый лагерь ещё не был обустроен, находок пока не было, фронт работ у нас был обширный.

Решив проблему с домиком обеспечивающим комфорт сна, мы начали сооружать ёмкость для воды. Выкопали в земле квадратную яму в песчаной почве, углубившись на метр. Дно и стенки утрамбовали и очистили от камней и выстлали полиэтиленом. На следующий день приехала машина, снабжавшая нефтяников питьевой водой и наполнила наш «колодец». А мы уже занимались постройкой следующего

сооружения: полевого туалета типа «сортир». Опять яма. Деревянный остов и крыша. Стены и дверь из больших кусков клеёнки.

Еще первые посетители не успели опробовать наше творение, а мы уже обустраивали столовую: стол, скамьи, навес.

Стремительно портившаяся погода переключила нас на другую работу, которую мы делали оставшиеся дни. Дождь – больше враг археологических работ, чем друг. Хотя вода и может вымыть что-то новое на поверхность, идентифицировать временной период которому принадлежит предмет будет сложно. Ну, а стремительный поток воды способен, вообще, смыть находку. Поэтому главной задачей стало сооружение навеса над всем раскопом.

Теперь я работал среди всех студентов, и они не преминули шутливо спросить:

- Поехал в Сибирь в «навесостроительную» экспедицию. Стоило?

Конечно, стоило. Во-первых, я видел новые земли, во-вторых, еще больше знакомился с археологами и их исследованиями, и, в-третьих, зарабатывал деньги на отъезд.

Монотонность нашего быта прерывалась выходными, в ходе которых мы тоже работали, но меньше, и в этот день посещали баню.

Это был целый процесс.

Начальник выдавал каждому немного денег, с рекомендацией потратить их на баню, чебурек и бутылку пива (кваса, чая и пр.).

Чтобы добраться до города, мы выходили на трассу, пролежавшую в десяти метрах от лагеря и, чаще всего, уезжали с вахтовыми автобусами в Нефтеюганск.

Возвращались в лагерь обычно в темноте, но в пределах видимости горели факелы с нефтяных вышек, сжигающих попутный газ. Факелы горели постоянно и были своеобразными маяками.

Период дождей вступал в свои права. Дождь лил по много часов в сутки. Навес ещё на закончили, но раскопки нельзя было прерывать. Тогда, прямо на раскоп, всем промокшим работающим дежурные приносили котёл с горячим чаем. В чай добавляли немного спирта – получался таёжный грог, лучшее средства для согревания.

Механическое сколачивание навеса над раскопом давало много времени на раздумья.

Я всерьез задумал поступить в аспирантуру. В 1999 году я стал членом Русского географического общества старейшей в нашей стране общественной организации. Но само общество еле сводило концы с концами. Перестав быть частью Академии Наук, после развала СССР, оно перешло на самофинансирование. Хотелось работать в Обществе в области географического просвещения. Приходили мысли о второй половинке. Кто она? Может, она рядом, а я её просто не вижу? Радовало, что есть друзья.

Ночами, шурша по стенкам палатки, сползали листья – северная осень была в разгаре. Периодически слышались крики улетающих птиц. В один из дней выпал снег.

Из праздников запомнился день рождения Данила. Изюминкой праздничного стола в этот день стал экспедиционный торт. Рецепт прост: в размельченное печенье вливается вареное сгущенное молоко. Перемешанной массе придаётся форма торта, при желании блюдо украшается ягодами или сухофруктами. Лакомство не только вкусное, но и питательное.

За время раскопок, к радости археологов, были обнаружены не только осколки керамики, но и остатки сгоревшего жилища (селище). Все находки были закартированы, зарисованы и тщательно упакованы.

Отъезд был организован чётко: за нами прислали машину, довёзшую нас до поезда. В суровой компании нефтяников – сибиряков мы отправились домой. В Екатеринбург.

Напоследок, в лучших традициях «полевиков», продукты оставшиеся после экспедиции были разделены между членами экспедиции. Был и еще один повод порадоваться. В редакции одного екатеринбургского журнала обещали в ближайшее время опубликовать рассказ о наших приключениях в Туве.

В ночь перед отъездом из дома моего друга я наткнулся в его библиотеке на книгу «Маленький принц» которую с удовольствием прочитал. Особенно мне бросилась в глаза строчка про одного из героев книги – Географа, который объясняя маленькому принцу, кто такой географ произнес: «... географ... слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы». Не хотелось бы чтобы моя жизнь географа – путешественника превратилась в жизнь такого географа, думал я, засыпая в последнюю ночь перед отъездом в Санкт-Петербург, не зная как дальше сложится жизнь.

Глава 4. Псковская модель: две жизни

Июнь – июль 2002 г.

Стоянка на р.Ситне в Псковской области

- А сколько заплатят?

Я почти согласился, ведь не каждый день появляется возможность получить деньги за полевые исследования. Профессиональный заработок.

- По триста долларов за все исследования, - Сергей – однокурсник Коли и человек, окончивший географический факультет на год раньше меня, уже несколько лет работал в НИИ Лесного хозяйства, куда пришёл запрос от шведского учёного с предложением поучаствовать в исследованиях лесных экосистем. Безуспешно прозвонив своих друзей, в том числе Колю – его предложение, составить ему компанию, дошло до меня.

С момента последней моей экспедиции прошло два года. Вернувшись из археологической экспедиции в Сибирь, и из экспедиции в Туву, я завертелся в круговороте обыденности. Необходимость зарабатывать деньги отодвинула романтику путешествий в сторону. Годом раньше – летом, вместо «поля» я устанавливал сантехнические пластиковые трубы на базе отдыха в пригороде Санкт-Петербурга. В конце концов, владельцы базы «кинули» всю бригаду на деньги, так и не выплатив оговорённую сумму в полном объеме.

Поэтому, рассматривая варианты работы этим летом, я был обрадован возможностью не только попутешествовать, но и заработать деньги при этом. Мои друзья–географы тоже не сидели на месте. Коля второй сезон подряд отправлялся на север в город Лабытнанги с экспедицией геологов. Серёга, в студенчестве мой сосед по общежитию

и одnogруппник, помогал организовывать практику Дмитрию Викторовичу для студентов кафедры страноведения, и на днях должен был уехать на Кавказ. Мишка уехал на Алтай, продолжая исследовать под руководством Григорьяча горные ледники. Юрка, наш друг эконом-географ, с которым вместе проходили военные сборы, был в городе, но зимой планировал поехать в Антарктиду.

Мне также хотелось вновь прикоснуться к миру природы, науке и путешествиям. И оторваться не только от обыденностей, но и от виртуальной жизни, в которую я погрузился за год. Эта жизнь была насыщена не только игрушками – «стрелялками», но и общением в чатах. Хотелось оторваться от виртуального мира и вернуться в реальность, причем реальность приятную.

Пер Ангельстам шведский ученый–биолог получил от Всемирного Фонда Дикой природы (WWF) грант для исследования биоразнообразия лесов бореальной зоны Европы. Один из ключевых участков исследования планировалось разместить в Псковской области. Его ученик – Даниэль, изучавший не только его методику исследований, но и русский язык, специально приехал к нам, чтобы разъяснить, в чём суть этой самой методики.

Из его рассказа, на ломанном русском языке, мы поняли следующее.

- Швеция страна хорошо изученная и не менее хорошо освоенная. Практически каждое дерево занесено в электронную базу данных. Леса очищены от ветровалов, в лесах не валяется и не гниёт древесина. Хорошо ходить по шведским лесам – парк, а не лес! Но выяснилось, что расчистка леса приводит к классическому нарушению баланса экологической пирамиды. Нет гниющих деревьев – нет жуков древоточильщиков – число дятлов сократилось до минимума. Нечего им есть.

Теперь перед Пером и его командой ставилась задача найти золотую середину – какое соотношение различных видов живых существ и неживых элементов экосистемы нужно, чтобы поддерживать необходимое биологическое разнообразие и при этом по лесам Швеции можно было ходить как по паркам.

Мы с Сергеем составляли одну из многочисленных групп, которые по стандартной, разработанной Пером методике описывали различные биотопы северных лесов в разных странах Европы. В нашей стране предполагалось два района исследования: один в Псковской области, в районе, где НИИ Лесного хозяйства проводил исследования по своей программе, второй в Республике Коми, в районе национального парка «Югыд Ва».

В Псковской области НИИ Лесного хозяйства на выделенной территории уже несколько лет изучали рациональное использование лесных ресурсов. Сергей работал в модельном проекте «правильного»

лесопользования уже два года, и каждый летний сезон проводил в этих местах.

Работая в последние годы, черти где, и бог знает кем, я, буквально, раздваивался. В одной жизни, реальной – я зарабатывал деньги. В другой продолжал мечтать.

Неким компромиссом двух жизней стал Интернет.

Так же от серых будней обыденности спасало чувство юмора. Закончив выступать за факультетскую команду КВН я начал сотрудничать с юмористической газетой «Колесо смеха». Хотелось получать удовольствие от жизни, но получалось это с трудом.

Поэтому после предложения Сергея принять участие в исследованиях и обсуждения финансовых условий, с удовольствием достал с антресолей рюкзак – потёртый «Ермак», выпросил у Мишки красную палатку, в которой коротал ночи в экспедиции в Туве и, с удовольствием, погрузился в полевую жизнь исследователя–эколога.

С Даниэлем, которому было примерно столько же лет, сколько и нам, мы встретились в городе Струги-Красные в офисе WWF «Проект Псковский модельный лес». Он выглядел словно сошедший со страниц книги Жюль Верна французский географ Паганель. В широкополой шляпе, походной одежде с биноклем на груди и полевой сумкой на плече. Пожалуй, от Паганеля его отличало только наличие бородки и, разумеется, шведское происхождение. В офисе он ввёл нас в курс дела. Что немаловажно, здесь же он нам дал и деньги, которые мы с Сергеем по взаимному согласию спрятали в местный сейф. Деньги приятнее получать, когда выполнишь работу, да и зачем они нам в лесу?

Офис с сауной был нашим последним цивилизованным пристанищем, на следующий день мы должны были уехать в район полевых исследований. В нём мы могли расслабиться перед отъездом в глушь псковских лесов.

Южная тайга, где мне еще не приходилось бывать, была богата жизнью. Первое, чем я был поражён – огромными гнёздами величественных аистов встреченными во время езды в автобусе.

Вообще, после большого города, неспешная жизнь провинции произвела на меня очень приятное впечатление. Её спокойный и размеренный темп успокаивал нервы. Бесхитрость и естественность местной жизни проиллюстрировала продавщица местного магазинчика, куда мы зашли за покупками. Пока мы выбирали товар, она сняла тапок с ноги и раздавила прямо перед нами на прилавке бегущего куда-то таракана.

Съехав с шоссе, мы, наконец, прибыли к месту нашей дислокации. Среди домиков маленького поселка Маяково, в Горском лесничестве, примостился дом местного лесника, где нам и предстояло базироваться.

Двор был относительно большой: дом для хозяев, дом для гостей, баня, хозяйственные постройки. Ещё во дворе стояла ярко-красная пожарная машина. Через пару дней, во время дождя вся краска стекла

на землю. Водоэмульсионная краска позволила пройти техосмотр и сошла с первыми каплями дождя.

Ночевать нам приходилось в комнате без мебели, зато с печкой. И хотя было довольно тепло, нам она сослужила хорошую службу. Печь мы использовали не только для обогрева, но и как оружие против комаров.

В течение дня в дом набивались стаи комаров мешающих уснуть. Поэтому перед сном мы поджигали в топке печи смолистые ветки сосны и елки, и почти полностью прикрывали вьюшку. Дым заполнял помещение, начиная с потолка. Но так как мы лежали практически на полу, мы оставались в незадымленной зоне. Ветки прогорали и большую часть комнаты окутывал «кумар» из печи. В течение ночи он улетучивался, но комары, отравленные дымом, хоть и летали, но о еде, то есть о нас, не помышляли.

Кроме того, в день приезда мы договорились с местной жительницей и покупали у неё свежую сметану и молоко.

Уже через день после прибытия мы, под руководством Даниэля принялись за работу. По методике она не сильно отличалась от наших ландшафтных исследований.

Было выбрано несколько типовых ландшафтов: лесные, болотные, вырубки и т.п. В каждом, для репрезентативности, заложено по несколько квадратов.

Каждый квадрат имел размерность километр на километр. Внутри квадрата через каждые сто метров проводилось описание природного комплекса по стандартным признакам: преобладающие виды растительности и её характеристика, наличие следов фауны, наличие древесных грибов, вредных насекомых и проч. На одно описание уходило около 15 минут, но учитывая, что в квадрате было несколько описаний, а также считая время на дорогу до этих квадратов...

Пока мы ходили с Даниэлем – мы описывали ближайшие ландшафты.

Время в дороге к точке описания и обратно мы использовали на общение с нашим шведским коллегой.

Он очень радовался бурелому, преграждавшему наш путь: для него, романтично настроенного, эти нагромождения, заставлявшие нас искать обходные пути и терять драгоценное время, были символом настоящей тайги.

Он очень удивлялся ужасному качеству российского «автобана», и никак не мог понять из наших объяснений, почему «откат», благодаря которому побеждают строительные компании, не затрудняющие себя постройкой качественной дороги, лучше «хорошего автобана» для всех водителей и для страны.

Дивился Даниэль и нашим пословицам, с его слов, слов человека, который, кроме родного шведского, изучал еще и русский язык, они были

более живыми. Мы услышали от него только одну шведскую поговорку, которая посвящалась его учителю Перу.

- Пер – человек, у которого много железа в огне.

Подразумевался широкий интерес и разброс дел Пера, который как средневековый кузнец положил в огонь много заготовок, чтобы сделать железные вещи, и вынужден успевать делать всё в короткий срок.

Как нам рассказал лесник, этот год был «клещевым» - клещи встречались чаще обычного. Сам клещ опасности не представлял – напьётся и отвалится. Но среди их огромного количества встречались клещи – разносчики энцефалита.

Сначала клещ укусил Даниэля. Мне пришлось вытаскивать присосавшееся насекомое из руки. Клещ держался за кожу длинными лапками. Я пытался вывернуть ему лапки (по аналогии с выворачиванием рук у человека), но Даниэль вовремя поправил меня, сказав, что таким способом я оторву клеща, а лапы останутся в теле человека. Вырывать надо было только по направлению лап. Клеща удалось вынуть без проблем, в отличие от Сергея, которого позже тоже укусил клещ. В случае с Сергеем, клещ сумел втянуться в кожу глубже и оторвать его получилось только без лап. До этого мы, по дедовскому рецепту капали в место укуса растительное масло. По идее, капля масла перекрывает клещу кислород, после чего он должен был вылезти. Но этого не произошло, зато тельце насекомого стало после этого столь скользким, что его практически невозможно было схватить пинцетом.

В последующие выходы с Даниэлем мы узнали, что его классное личное снаряжение досталось ему бесплатно. После первых покупок он выслал фотографии использования снаряжения, производителю в качестве рекламы, за что остальные вещи ему были подарены.

Перед отъездом Даниэля, во время вылазки в лес мы узнали о его отношении к нам. Квадрат, в описании которого он принимал участие был расположен значительно дальше предыдущих, только на дорогу туда и обратно у нас ушло больше шести часов. Возвращаясь затемно к домику, где мы обитали он, поминутно спотыкаясь о коряги, сказал.

- Я думаю российские исследователи самые выносливые в Европе!

На вопрос, почему он так думает, он рассказал, что работники, нанятые для аналогичных исследований в Европе, ходили в лес строго по расписанию. Для них время дороги – это тоже время работы. С учетом этого, квадрат, описанный нами за день, они бы описывали несколько дней, каждый раз тратя на дорогу часы работы.

Спустя несколько дней мы проводили Даниэля. Он передал нам все знания и отправился в Швецию, чтобы через несколько недель вернуться с той же обучающей миссией в леса Коми. Как сказал Даниэль, благодаря нам он осознал важность ландшафтоведения и географии, как науки позволяющей подходить комплексно к экосистемным исследованиям.

Второй день «выкидухи» проходил по сосновым лесам. Именно их не было в районе Маяково, и к ним мы и стремились. Сосновые боры были намного лучше тёмнохвойных – светлые, продуваемые, легкопроходимые.

Вечером после описания мы разбили лагерь на маленьком островке реки Ситня. Это была великолепная стоянка на песчаном островке. По берегам жили своей жизнью настоящие «псковские джунгли»: всю ночь кричали птицы, особенно отличался филин, громко ухая прямо над палаткой.

Утром мы разглядели огромный ясень, перегородивший реку, сваленный бобрами.

- Хорошо, что ночью на нашу палатку они ничего не свалили, - пошутил Сергей.

Учитывая огромное количество бобриных троп вокруг нашей стоянки, напоминавших трассы для бобслея, шутка была актуальна.

Дальнейший путь завёл нас в болото, где мы не могли ориентироваться по признакам местности. Пришлось идти по азимуту.

Вокруг нас роились целые тучи крупных слепней и паутов. Их плотность была такой высокой, что стоило несильно махнуть вытянутой рукой, как в ладони оказывалось четыре–пять штук. Эти насекомых вызывают настоящую панику у коз и коров из-за больших укусов. Нас же они беспокоили меньше. Несмотря на угрожающе громкое жужжание, слепень не может укусить сразу после посадки, ему нужен кусочек свободной кожи. А за счет громкого жужжания отслеживался он довольно легко. Главное было не останавливаться. И мы не останавливались.

Отбиваясь от слепней, обходя топкие места мы, в итоге, промахнулись мимо нашей цели – посёлка Замошки и сориентировались только у следующей заброшенной деревни – Ситенка. Получалось, что мы прошли несколько лишних километров, и, чтобы не нарушать программу, следовало сделать еще одну незапланированную ночевку. В этом случае раскладки продуктов у нас не хватало.

К счастью для нас, Ситенка оказалась не полностью заброшена. Бабушка, живущая в одном из домов, сказала, что в трёх километрах отсюда есть ещё один посёлок - Вязье, в котором живёт относительно много народу и, возможно, кто-нибудь продаст нам еды.

Среди двух десятков человек, встреченных там, только один оказался не дачником, а самым что ни на есть настоящим «аборигеном».

Он сидел взлохмаченный и босоногий на завалинке своего огромного, чуть покосившегося дома.

Мы обратились к нему с просьбой продать что-нибудь из еды.

- Картошки? Не дам. А вам сколько?

- Три килограмма...

- А-а-а! Ну, три дам...

- А молока ещё не продадите?

Мужик исчез за домом и через пять минут вернулся с ведром картофеля и двухлитровой бутылкой молока.

Не зная местных расценок, мы дали ему пятьдесят рублей.

Судя по его эмоциональной реакции сумма превосходила его ожидаемый доход.

- Да, забирайте весь картофель!

Мы взяли ещё пару килограмм и попросили немного масла.

Через пару минут он принёс треть бутылки подсолнечного масла.

Мы дали ещё десять рублей.

Тогда мужик радостно всплеснул руками и притащил ещё полтора литра молока и бутылочку топленого сала.

- Пора уходить, - прошептал мне на ухо Сергей. – У меня сейчас деньги кончатся.

Очередной лагерь мы разбили на берегу верхового болота. Два часа идиллии: всех комаров и слепней сдувало ветром и на фоне великолепного заката, в полной тишине, мы ели варёный картофель и запивали его молоком. Здесь же удалось искупаться и помыться.

К темноте полчища комаров загнали нас в палатку, где мы отлично выспались на теплом сфагновом покрывале под громкий концерт болотных жаб.

Позавтракали мы простоквашей и приступили к описаниям с твердым намерением вернуться сегодня домой. В этом районе Псковской области лес изобилует представителями фауны. Нам встретились следы лося, кабана, медведя. Над головами весь день кружили ястребы.

Уже в темноте, проплутав по зарастающим тропинкам, несколько часов мы вернулись в наш домик в посёлке.

Мой напарник Сергей был человеком необыкновенным. В нем сочетались страсть к научному познанию с видением мира через призму христианских ценностей (например, он перед каждым приемом пищи молился, каждую неделю постился). Мне было сложно понять, как уживается в моём друге христианские догматы и чувство научного поиска.

Что мне нравилось в экспедиции с Сергеем, так это то, что начальниками мы были себе сами. Наше руководство основывалось на опыте полученном при работе со своими учителями. Типичным примером был рацион нашего питания. Фактически он ковался годами... Перед выездом в поле мы встречались на городском рынке с заранее составленным списком продуктов. Необходимые: соль, сахар, растительное масло, чай. Крупа для утренней сладкой каши, крупа для солёных каш. Еда на перекус. Сладости, чтобы повысить тонус и компенсировать трату углеводов. Консервы – тушеное мясо (ГОСТ), сгущённое молоко (ГОСТ). Макароны и суповые наборы. Сухари. Всё в объёме, соответствующем количеству приёмов пищи и режиму полевых

условий. В Маяково докупали овощи – лук и картофель. Для ежедневного потребления: хлеб и молоко.

В один из дней Сергей сказал, что к нему скоро приедут его друзья. Но друзья не по месту работы в НИИ, а по религии.

Они прибыли на «Жигулях» первой модели.

- Артемий! – представился водитель, высокий и подтянутый парень в камуфлированной форме: бывший десантник, бывший милиционер и совершенно «безбашенный» водитель.

Второй был невысокий мужчина с бородой и скромной улыбкой на лице, которому скорее подошла бы не мирская одежда, а церковная ряса. Род его занятий друзья определили как «божий человек».

Глядя на друзей Сергея, я понимал – эти люди живут чуть ли не в параллельном мире от меня.

Впрочем, приехали они с конкретной целью – посетить обитель Мардария – пустынного жителя, жившего уединенно в местных лесах в конце XVIII в. В настоящее время его уединенная обитель была местом паломничества православных христиан.

В районе обители стояла часовенка и поддерживалась его могила. Из оригинальных вещей остались огромные каменные жернова для перемолки хлеба. С учетом того, что Мардарий жил в десятке километров от ближайшей деревни и умер в 1765 году, было не ясно, как там эти жернова оказались. Добраться сюда и сейчас представляло проблему, а тогда... прикатить жернова по тропинке? Это вызывало уважение.

Через день друзья Сергея уехали по другим православным святыням, а нам удалось принять баню, гостеприимно растопленную хозяевами.

Когда объем выполненной нами работы перевалил за половину, мы сделали отдых и съездили в город. Но цивилизация атаковала нас шумом, суетой, грязью, так что отдых получился очень относительным. «Лесная жизнь» тянула к себе больше. Еще раз убедился, что мы живём на две жизни.

В первой суета, беготня, безумные мечты и амбициозные проекты, попытки найти себя и не только. Во второй – тишина и физическая усталость, радость простым вещам и элементарному уюту.

В одной пиво, загорелые тела девушек. В другой – молоко, плотный костюм от комаров и дождей, накомарник.

Единственное, что произвело приятное впечатление в ходе поездки – прочитанная книга, которую я успел пробежать глазами – её каждый вечер читал Сергей. Д.Хэрриот – писатель–ветеринар дал определение счастью как «когда твои дети растут на твоих глазах». Стало немного грустно, что жизнь человека так коротка. Время утекает, а ведь хочется многого успеть.

После возвращения из города мы вновь адаптировались к лесному образу жизни. Зачастившие дожди мешали описывать зарастающие

лесные вырубки. Молодые поросли березы и ольхи, стояли здесь столь плотно, что при ходьбе по азимуту мы вынуждены были проламываться сквозь настоящие стены мокрых деревьев собирая с их листьев всю влагу. Для защиты от дождя я использовал резиновый костюм химзащиты: тяжелый, но совершенно герметичный. Застегнув его на все пуговицы и заклёпки, я чувствовал себя настоящим аквалангистом: после прохождения вырубок вода стекала с него ручьями. Сергей одетый в обычный плащ – промокал насквозь.

Организовали ещё одну «выкидуху» и на этот раз уложились в запланированные три дня. В самом конце маршрута, на одной из вырубок мы почти наскочили на крупного лося; не услышавшего и не учуявшего нас из-за сильного ветра. Столь крупное животное, да еще на свободе производило серьёзное впечатление.

В последние дни исследований из-за накопившейся усталости я с наслаждением ложился спать предвкушая посещение другого мира – мира полного мистики и тайн – мира снов.

- На, это твои, - отперев стальную дверцу сейфа в офисе WWF, Сергей достал деньги и протянул мою долю. Деньги, полученные за проведенное исследование! С гордостью и грустью, что все закончилось, я спрятал деньги в карман и начал планировать свою предстоящую городскую жизнь дальше.

Глава 5. Возвращение

Июнь – август 2004

У экспедиционного костра на Домбае (Кавказские горы)

«Экологический туризм – это природно-ориентированные путешествия и активный отдых в природных ландшафтах в целях знакомства с объектами природы культуры, включая природоохранные аспекты и уважение интересов местного населения».

- Неплохо, неплохо, - наконец проговорил Дмитрий Викторович, прочитав скорректированное мной определение. Собственного говоря, основа определения была его, я лишь добавил несколько фраз, когда он предложил более точно сформулировать название туризма, особенностям которого мы обучали студентов на Приладожской станции. В определении было главное: объект интереса – природа, познавательная и природоохранная составляющие и не менее важный аспект – интересы местного населения, часто игнорирующиеся туристскими фирмами.

- Ну, ладно... - мы с командором надели сапоги, и уже через сорок минут с пятью студентами возводили переправу на остров Сосновый, один из многочисленных островов шхерной части Ладоги. Экологическая тропа студенческой бригады, по которой им предстояло провести отчетную экскурсию в ходе практики, проходила по этому небольшому островку в ладожских шхерах.

В таскании бревен выделялся мощный Влад, мелькала оранжевая бейсболка постоянно шутившего Андрея – обычные студенты, как и в мою бытность.

Доволен был я и тем, что спустя годы после окончания Университета вернулся в лоно альма-матер.

Год назад я поступил в университетскую аспирантуру планируя написать диссертацию, связанную с рациональным использованием рекреационных ресурсов Русского севера.

После получения диплома значительная часть времени была посвящена попыткам заработать на жизнь и определиться со своим будущим.

Ни первые, ни вторые не были особо успешны. Хотя иногда удача улыбалась мне. Работа грузчиком приносила определенный доход, но для нее не надо было учиться в университете. Те же мысли приходили когда я выполнял функции чернорабочего, например, копая дренажные каналы в пригороде.

Интересней, но значительно более редкой была работа на политических выборах. Работа в период выборов в С-Петербурге, Ленинградской и Новгородской областях закаляла нервы, учила общаться с людьми и проходить сквозь двери, несмотря на домофоны.

Ещё более интересной и в финансовом, и в интеллектуальном плане были работы связанные с туризмом. Я помогал организовывать экскурсионные программы для школьных групп из Москвы и Екатеринбурга. Эта работа приносила доход, и из-за специфичности туризма в России по настоящему была экстремальной. Но туризм со школьниками явление сезонное – связанное с каникулами.

Почти на три года для меня (и моих друзей) наступило своеобразное *безвременье* – этап, когда я находился в непонятном социальном и семейном состоянии. В это время у меня отсутствовало постоянное жилье, постоянная работа, цель в жизни и вторая половина. Зато постоянными были друзья, попытки найти себя и ожидание чего-то важного. Каждый день был похож на предыдущий своей неопределенностью. Три года были наполнены странными событиями, работами и времяпрепровождением.

Широкая волна компьютеризации не прошла мимо меня и друзей. Почти пол года я тратил вечера на общение в чатах. Пару месяцев мы с друзьями играли по сети в «Counterstrike». Пиком временной игромании стал суточный марафон, который мы начали вечером в компьютерном классе на работе, продолжили в ночном клубе и завершили утром в компьютерном классе к приходу начальства. После этого мы поняли, что это явный перебор и интерес к виртуальным игрушкам стал сходить на нет.

Несколько раз мы встречались студенческими компаниями с Колей, Мишкой и лазали по крышам, заброшенным домам и заводам. Проводили мониторинг объема употребленного пива в течение года. Строили планы по открытию своей фирмы по продаже картофеля и даже зарегистрировали собственную общественную организацию, которую пришлось в дальнейшем ликвидировать за отсутствием реальных проектов.

Пытаясь найти жилье, я ночевал в квартирах друзей, в летнем дачном домике в Мартышкино, снимал комнату в Колпино.

Я находил временную работу, где предоставлялось жильё: геодезистом в Приозерске; устроился в информационный центр «Мемориал», в котором участвовал в организации выездной выставки в Воронеж.

Попыткой попасть на оплачиваемую работу стало получение должности менеджера по продажам полипропиленовой тары в коммерческой фирме. Вечерами с работы нас выгонял директор – мы с неудовольствием уходили – рабочего времени катастрофически не хватало. Но за явным плюсом работы – хорошей зарплатой был минус – осмысленной жизни за её пределами практически не оставалось.

Настоящей отдушиной был профессиональный праздник – День географа, приуроченный ко дню основания первого географического института в стране. Каждый год этот праздник кочевал из помещения в помещение, варьировал в пределах недели, но единым было одно, то что здесь в один из декабрьских дней несмотря ни на что собирались поколения географов: от первокурсников до выпускников разных лет. Годы проведенные в университете, полевые практики со студентами разных курсов создавали для меня практически родную атмосферу в которой я растворялся на несколько часов без остатка.

Нельзя сказать, что я отрывался от науки и университета полностью. За эти годы я ездил в экспедиции, участвовал в конференциях, писал статьи, но всё же работал явно не по специальности. Так что логичным шагом для меня стало решение поступить в аспирантуру.

В науке многое зависит от руководителя, поэтому я вернулся к своему бывшему (да и фактическому в эти свободные годы «безвременья») «шефу». За прошедшие годы он ушёл с кафедры физической географии, чтобы возглавить недавно образованную кафедру страноведения и международного туризма, аспирантом которой я и стал.

Престижность этой кафедры среди абитуриентов была высока. Одно слово «международный туризм» рисовало перед взором молодых людей горы, причем горы золотые. Но фактически кафедра только набирала учебную программу, формировался постоянный педагогический состав.

Родная база физико–географов в Кузнечном стала полигоном, где преподаватели обучали студентов-страноведов основам экотуризма и старались заложить основы экологического мировоззрения. Ландшафтные исследования местной территории предваряли проектирования экотроп.

Я же, будучи аспирантом, помогал в проведении практики. И как мне не нравилось время практики во время студенчества, я вольно и

невольно видел изменения в студентах. Мои наблюдения начались раньше, чем мы пришли на базу.

Для нас сорокаминутный путь с рюкзаками от электрички до базы был Процессом, во время которого мы отрывались от города и с удовольствием погружались в неторопливость загородного бытия. В этот же раз я не успел и рта раскрыть, чтобы предложить спокойное организованное шествие до базы, как подавляющее большинство студентов сойдя с электрички заполнило машины такси и исчезло в клубах пыли. Оставшиеся – ждали своей очереди – таксисты обещали скоро вернуться. Они и объяснили, что главное – быстрее занять лучшие комнаты в бараке.

Готовясь к поездке в Кузнечное, я всерьез думал заняться написанием диссертации, так сказать по горячим следам. Тем более, что часть диссертации посвящалась развитию экологического туризма, но увы. Уже здесь увидев пачку бумаг на моем столе, Наталья с которой мы проходили снегомерную практику (уже защитившая кандидатскую диссертацию) с сочувствием и пониманием сказала.

- Да-а, в Кузнечном писать не получается. Сколько раз пыталась, – все бумаги увозишь обратно необработанными.

Уж она то в этом вопросе была специалистом. Она руководила ландшафтной частью практики по экотуризму не первый год.

В дневное время почти постоянно возникала необходимость бегать на тропы консультировать студентов. В то же время интеллектуальная работа по написанию диссертации, требовала время на сосредоточение. Вечером же соседи преподаватели устраивали интеллектуальные посиделки с «возлияниями», это было и интересно, и полезно, и приятно. Но получалось, что времени на написание диссертации не оставалось.

В конце концов, я отказался от посиделок.

Будучи аспирантом, т.е. «полупреподом – полустудентом», я был желанным гостем и в студенческом бараке. Здесь «отдавали дань Бахусу» более серьезно и не так акцентировались на интеллектуальной составляющей посиделок. Пришлось отклонить предложения и студентов.

В итоге и преподавателями, и студентами я был уличен в антисоциальном поведении. Только дети не имели ко мне претензий и не обижались на меня. Вообще, Кузнечное напоминало детский сад: тут бегала целая стайка преподавательских детей. Год от года, приезжая в Кузнечное с папами, мамами или бабушками и дедушками, они с легкостью впитывали знания, предназначенные для студентов. На второй или третий год, эти дети, гуляя по лесу, запросто консультировали студентов определяя с ходу растения и рассказывая историю этих мест, будучи на десять или больше лет младше их.

Взрослели они в этих местах не по дням, а по часам.

Когда один из детей увидел, двух курящих преподавательниц, он, не долго думая, назидательно сказал.

- Курить вредно. Хватит курить!

- Так! Шоколадок больше не даём, - не задумываясь, ответили ему женщины.

Пробежавший в этот момент другой ребёнок среагировал моментально.

- А я не запрещаю вам курить. Курите! – остановившись, сказал он. А глаза продолжили фразу – «дайте мне шоколадку!».

Со времён моего студенчества из преподавателей остались только Наталья, да Дмитрий Викторович. Командор полностью сохранил свои ведущие качества: энергичность и педагогическую активность. Осталось у него и рассеянность, свойственная профессорам. Он постоянно, что-то терял, в многочисленных карманах своей жилетки. Только прохлопав все карманы, он находил пропажу. Самой большой его потерей стала потеря дня. Он каждый день делал заметки в своём полевом дневнике, но однажды выяснилось, что он забежал на день вперед. Куда делся один день мы так и не поняли.

Две недели практики пролетели очень быстро. В завершающие дни бригады подготовили сдачу экологической тропы, включавшую в себя природоведческую экскурсию.

На сдаче тропы мы, превратившись в группу туристов заинтересовавшихся экзотическими Приладожскими ландшафтами из гипотетической страны «Индобразилии», внимательно слушали рассказ студентов, смотрели на качество оборудования тропы, задавали вопросы и оценивали гостеприимство и анимацию.

Последняя состояла из мифов, придуманных студентами, дабы развлечь экскурсантов на тропе, и неких театрализованных представлений.

Заключительная часть практики – поход на памятник природы регионального значения «Озеро Ястребиное», расположенный на расстоянии восемнадцать километров от базы. Скалы на озере являлись излюбленным местом скалолазов не только Санкт-Петербурга, но и России. Будущие специалисты в сфере туризма спланировали маршрутную тропу, рассчитали количество еды и за четыре часа пути достигли высочайшей точки в районе озера – 52 м, приготовили на костре чай и к трем часам ночи вместе с нами вернулись на базу. Стёртые ноги всех без исключения участников похода стали своеобразным крещением и наградой за полученный опыт.

Но это уже были мелочи – электричка увезла нас в Санкт-Петербург, где можно было вымыться и выспаться перед следующей практикой.

* * *

Под музыку из эротического кинофильма «Эммануэль» наш теплоход – «Александр Попов», подходил к святому острову Валаам.

Приятный заспанный голос девушки–диктора настойчиво напоминает: во сколько и где завтрак, озвучивает, что температура за бортом +7°C. В иллюминаторы бьют лучи солнца. Жизнь прекрасна и удивительна.

Эта часть практики – экскурсионно–краеведческая, началась накануне днем в речном порте Санкт-Петербурга. Пока я ехал к речному вокзалу группа студентов не только села на теплоход в полном составе, но и подверглась нападению хулигана – грабителя плеснувшего в глаза одной студентке газовым баллончиком, попытавшись вырвать у той сумку. Обливаясь слезами, девушка сумку из рук не выпустила.

Утром на пристани Валаама нас никто не встречал. Хотя руководство природного парка «Валаамский архипелаг» обещало организовать встречу.

После того как все пассажиры теплохода исчезли в глубине острова, мы с грудой рюкзаков остались на пристани одни. Или почти одни: рядом с нами остановился милицейский УАЗик.

Мы с удивлением узнали, что ночью на нашем корабле пьяные пассажиры избили капитана! Происшествие случилось поздно ночью, когда капитан сделал замечание пьянствующей компании!

Наконец, появились представители парка, и, загрузив нас со всем скарбом на катер, отчалили в сторону нашей стоянки. Проходя вдоль берега на небольшой скорости, мы, с удовольствием, любовались каньонообразным, изрезанным берегом живописного острова.

Лагерь мы разбили в южной части на частично оборудованной стоянке (туалет, и навес над костром отсутствовали).

Экскурсионно-краеведческая практика продолжалась всего неделю, в течение которой студенты ознакомились с природными и культурными достопримечательностями острова, принципами организации туризма и хозяйственных дел.

Картина вырисовывалась простая: практически все постройки, имеющие отношение к монастырю несколько лет назад вернули в собственность Русской Православной церкви. Она была крупнейшим собственником на острове, и, естественно, главным владельцем объектов туризма. Для приёма туристов была организована специальная служба, имевшая право заниматься коммерческой деятельностью.

На входе в главный, Спасо-Преображенский, собор стояли два здоровых охранника. Они напоминали «фэйс-контроль» в ночном клубе: коротко стриженные, в «квадратных» пиджаках.

Приятное впечатление произвела только небольшая обитель – Белый скит – самая удаленная постройка монастыря, куда не водили группы туристов. Внутри ограды чувствовался дух отрешенности от земных дел.

В лице государства крупнейшим землевладельцем был Лесхоз. Ему принадлежали все леса и лесные земли. Лесхоз туризмом не

интересовался, церковью тоже и осуществлял контроль, наблюдая за порядком на лесных угодьях.

Природному парку «Валаамский архипелаг» принадлежали заброшенные фундаменты мирских зданий, туристские стоянки и Оборонные острова. Сотрудники парка частично осуществляли оперативное управление на землях лесхоза. И хотя нас заверили, что в Парке всё хорошо и практически нет проблем, глядя на штатных сотрудников, коих насчитывалось четыре человека, было ясно – Парк переживает не лучшие времена. Так что экологическому туризму, если предполагалось его здесь развитие, нужно было пробивать себе дорогу и лавировать в сложной административно–хозяйственной обстановке.

Окрестности Ладоги всегда были овеяны загадками и тайнами. Одна из таких загадок: ладожский гром – периодически возникающее непродолжительное звуковое явление, в ходе которого люди слышат мощный, но отдаленный гул. Мы такой гул слышали в один из вечеров ближе к концу практики. По мнению некоторых учёных, данное явление было связано с высокой геодинамической активностью в центре Ладоге.

Завершалась практика проведением экскурсий по спроектированным маршрутам объединявшим историко-культурные достопримечательности. А вечером накануне отъезда приятно удивили дежурные сварив на костре в десятилитровом котле, сырный суп, который участники практики ели всю ночь.

Возвращаясь на теплоходе «Родина», домой я размышлял о преподавательской карьере. Нельзя сказать, что я был в восторге от неё. Но возможно это единственная возможность сочетать исследовательскую и просветительскую работу. Глядя за иллюминатор теплохода, где исчезали в лучах заходящего Солнца пейзажи Валаамского архипелага я начал настраиваться на следующую практику.

* * *

Как и восемь лет назад я, пожав на прощанье друзьям руки, шагнул внутрь душного вагона. Опять дальняя практика, на этот раз туристская региональная. Но увы! Я не студент. И не преподаватель, что-то среднее. И поэтому мне не так весело. Не так как студентам, в том числе Андрею, Владу с которыми я успел сдружиться. Не так как Дмитрию Викторовичу – опытному преподавателю, которого я знаю больше восьми лет. И даже не так, как молодым проводницам, которые постоянно хохочут и нецензурно ругаются.

Двое суток тянутся невыносимо долго. Мимо нескончаемым потоком проходят продавцы с проезжающих станций. В ассортименте: носки, хрусталь, мягкие игрушки и прочее, то есть, то чем, видимо, здесь сотрудникам выплачивают зарплату.

Одна из продавщиц – «бабушка–божий одуванчик» легко объединяет продаваемые товары скороговоркой.

- ...так же могу вам предложить семечки тыквенные, карточки «Билайновские»...!

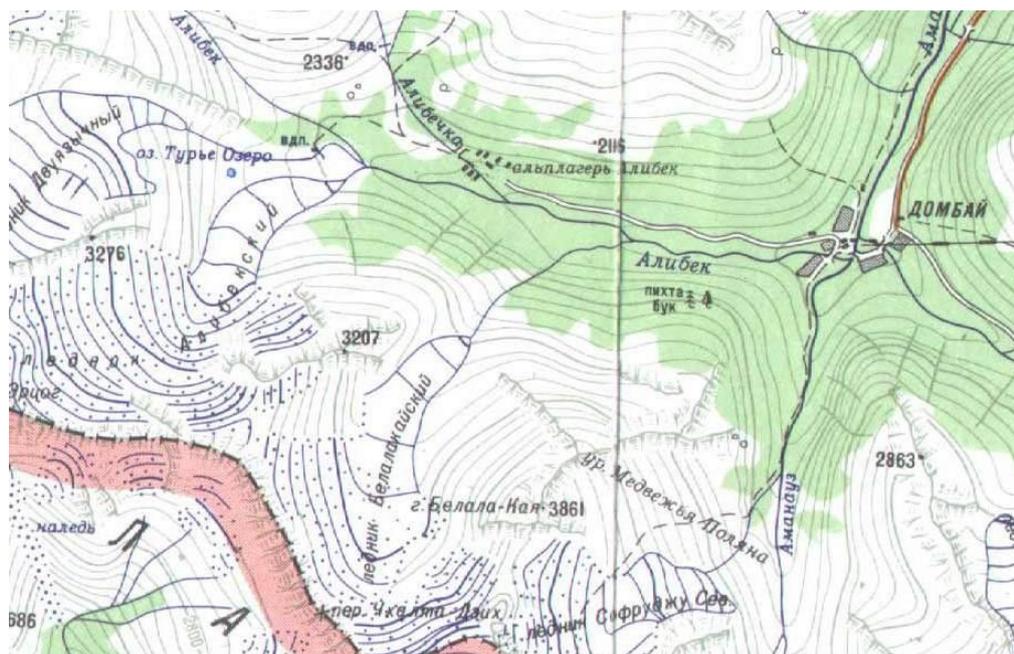
Основная проблема в пути – посещение туалета: он постоянно занят: студентки нашей группы умудряются «принимать душ» в туалете. К счастью, спустя двое суток мы выходим на вокзале г.Невинномысск, откуда рейсовый автобус за несколько часов довозит нас до пос. Теберда.

Руководство Тебердинского заповедника, в лице старого директора, по манере говорить напомиравшего первого президента России – важно, медленно и совершенно непонятно, разрешило стать лагерем на территории кордона с поэтичным названием Жень-Шень. Конечно, это дальневосточное растение не растёт на Кавказе, но в советское время проводились попытки по его интродукции в этих краях, и хотя Женьшень не прижился, по привычке, кордон называли по имени растения.

Интересные ознакомительные маршруты в горной районе на ледниковые – Бадукские озера и в район р.Джамагат к источникам минеральных вод «нарзанного» типа, можно отнести к экстремальным. Но не из-за их сложности, а из-за легкомысленности девушек в группе.

Лёгкая одежда почти не прикрывающая тела в районе, где местное население воспитано в строгих традициях, приводит к повышенному, навязчивому вниманию молодых людей – настоящих джигитов, к девушкам группы. Приходится буквально отбиваться от их назойливости.

Проще стало, когда мы отправились на Домбай – высокогорный район Тебердинского заповедника – «Мекка» для всех альпинистов с территории бывшего СССР.

Район Домбая – высокогорье Тебердинского заповедника

Здесь, спустя четыре года после Тувы, мне удалось вновь оказаться на ледниковой поверхности. Алибекский ледник вызывает восторг у моих молодых коллег и чувство тревоги у меня.

Кроме Алибекского ледника мы увидели одноименный водопад, долину водопадов – по красоте напоминавшую норвежский фиорд и Турье озеро. Также ледниковое, знаменитое тем, что в его районе можно встретить горных туров.

Перед отъездом из заповедника мы буквально пролетели мимо Синтинского православного храма – построенного еще до крещения Руси. И забившись пятнадцатью человеками на семь мест в рейсовый автобус отправились к следующей точке практики – г.Туапсе.

Синтинский христианский храм

Туапсе не курортный город – промышленный. Поэтому здесь экскурсионная программа минимальная. Большая часть времени ушла на стирку, мытьё и бритьё в общежитии одного из Туапсинских ВУЗов, где мы квартировались.

Однако после прибытия в Сочи – опять таки транзитный пункт на пути в Красную поляну, Туапсе представляется нам тихим спокойным городком. От суеты, пробок и шума Сочи мы умчались на автобусе Сочинского национального парка в Красную поляну.

Красная поляна – небольшой посёлок, раскинувшийся среди высоких гор. В советское время здесь было несколько здравниц, санаториев и горнолыжных комплексов. Но, быть может, краснополянскому комплексу было бы предопределено то же будущее, что и Домбаю – тихое «увядание» советской инфраструктуры, если бы первое лицо государства не увлекалось горными лыжами.

Посетив Красную поляну, Президент выступил с заявлением, что здесь должен быть построен горнолыжный комплекс мирового уровня. Передача новостей, по которой транслировали его выступление, еще не кончилась, когда началась геодезическая разметка будущей инфраструктуры.

Дорога, построенная во второй половине XIX века пленными турками, находилась под постоянной угрозой обвалов и, конечно, не соответствовала уровню международного спортивного комплекса. Началось строительство новой трассы – широкой, прямой – скоростной.

Нас разместили на территории лесничества. В прямом смысле. Вокруг домика лесника располагался парк с поляной для пикников (оборудованное кострище, скамейки). Здесь, среди деревьев, мы и поставили палатки. И всё бы ничего, но прямо рядом с нами пролегла асфальтированная дорожка с главной дороги до кафе. Поэтому каждый вечер на нас с удивлением глядели посетители кафе.

Но они были не единственным фактором беспокойства. Так как мы располагались практически в центре посёлка, то к нам заходили и местные животные. Однажды мы выгнали из лагеря свинью, в другой, вернувшись в лагерь к вечеру в сильный дождь, мы при свете молний увидели коров, бродящих среди палаток.

Главной же причиной беспокойства оказался климат. Мы находились в области влажных субтропиков на высоте несколько сот метров. Стоило найти облаку, как оно заполняло собой всю территорию лесничества. Влага покрывала все палатки, вещи внутри, проникла в нас. Половина группы начала кашлять и чихать.

Но мы не уставали ходить в маршруты. Мы увидели дольмены – загадочные культово-погребальные мегалитические постройки. Мы разочаровались знаменитыми «живописными» Хмелевскими озёрами. Мы, по протекции главного лесника, поднялись по современной кресельной канатной дороге к вершинам хребта Аибга (2238 м).

Но экскурсионная программа закончилась, а температура одной студентки поднялась до +40°C и мы отправились опять в сторону моря.

Новый лагерь на Михайловском перевале располагался в условиях сухих субтропиков – благоприятных для организма, в чём мы немедленно убедились. В течение суток все признаки простуды прошли у всех. Сухие субтропики влияли не только на здоровье группы, но даже на приготовление пищи: котлы закипали за десять минут.

Маршрут по реке Тхаб в долине которой расположился наш лагерь был интересен не только для нас. Каждое утро мимо нас проходили толпы экскурсантов. Горные породы, слагающие её русло, сформировали каскад живописных водопадов и своеобразные ванночки, в которые в жаркий день было приятно окунуться.

Мы посетили Геленджик, более спокойный и чистый чем Сочи.

Конечно, посещением туристских маршрутов практика не ограничивалась. Студенты конспектировали экскурсоводов, чертили картосхемы, проводили соцопросы.

От насыщенной ознакомительной программы. многочисленных переездов накатывала усталость. К счастью, мы, наконец, прибыли в последнюю точку практики – базу «Маяк» в посёлке Кабардинка. Маленький уголок советского прошлого: общепитовская столовая,

маленькие домики-сарайчки, построенные десятки лет назад и дошедшие до нас не отремонтированными. Вечерами Кабардинка превращалась в волшебно-праздничный мир отдыхающих, в который мы со студентами не преминули окунуться (как в девяносто шестом в Гурзуфе).

На обратном пути к вокзалу Новороссийска мы посетили дегустационные залы завода шампанских вин в Абрау–Дюрсо и познакомились с коротким, но стремительным ливневым потопом в Новороссийске, когда сточная система не справилась с потоками воды стекающими с гор и весь транспорт встал на несколько часов.

В поезде, несмотря на духоту, я с блаженством растянулся на полке плацкарта. Впереди оставалась последняя запланированная на лето поездка – экспедиция в край Архангельской тайги – Кенозерский национальный парк.

* * *

Радуга на Кенозере

Экспедиция началась с казуса.

В поезде Санкт-Петербург – Архангельск командор подарил надувную лодку Дмитрию Александровичу. За те семь лет, что я его не видел, с экспедиции на р.Бурная, он стал ещё более солидным, защитил докторскую диссертацию, но любовь к полевым исследованиям не утратил. Он поблагодарил Дмитрия Викторовича за подарок, но не успел к нему привыкнуть. На железнодорожной станции Плесецк, где мы должны были пересесть на автобус до Кенозерского национального парка не досчитались одной лодки.

Пришлось нам отправиться в мир архангельской тайги без Дмитрия Александровича и его аспиранта Дениса, оставшихся вызволять лодку.

Дорога до национального парка очень напоминала наш путь пятилетней давности в Водлозерский национальный парк: и по особенностям природы и по удаленности от основных транспортных путей.

Как и пять лет назад Дмитрий Викторович наш командор. Только состав увеличился – наша экспедиция состоит из десяти человек. Из тех, кто был пять лет назад при сплаве по Илексе – Татьяна из Института озероведения и Никита Николаевич, который перебрался из Института Земной коры на кафедру физической географии.

Как «маяк воспоминаний» восьмилетней давности в составе Людмила – девушка, которой я помогал растапливать печь на практике в Кузнечном.

Почти четыре часа занял у нас путь по грунтовой дороге на запад от Плесеца в край, где тринадцать лет назад был образован Кенозерский национальный парк.

Водлозерье – край нетронутой природы: лесов и болот. В Кенозерье встречались и леса, и болота, но богат он был культурными ландшафтами – деревнями, живописно вписанными в пейзаж. Парк на первый взгляд создавал впечатление большой обжитости.

Первый лагерь мы разбили на оборудованной стоянке на берегу Почозера.

Нельзя было не подивиться способности директоров национальных парков России появляться из совершенно необычных мест. Если директор Водлозерского парка появился из моторной лодки с грязными от машинного масла руками, то директор Кенозерского национального парка Елена Флегонтовна, вышла из лесной чащи прямо к нам на стоянку, где мы расположились после приезда. Это была красивая, коммуникабельная и умная женщина – истинный хранитель русских традиций и природы.

Опытных экспедиционщиков в коллективе было много – никто не спешил все знали, что надо делать. Приказы отдавать было незачем. Даже первый «прокол» с лодкой закончился хорошо. Дмитрий Александрович с Денисом вернулись на следующий день с лодкой и рассказом о том, как её получилось вернуть.

- Мы обратились к транспортной милиции. Здоровые бритые парни сказали: «Не проблема!». Они связались с постом милиции на следующей станции. По прибытии поезда, наряд милиции снял лодку из указанного вагона. Они погрузили её на следующий встречный поезд. Через несколько часов лодку выгрузили в Плесецке прямо к нам в руки.

Дмитрий Александрович улыбнулся.

- На предложение взять деньги «за хлопоты», милиционеры категорически отказались: «Это наша работа!».

Вечером все лодки были опробованы и мы уже пробовали первую уху из пойманной рыбы.

Второй лагерь спустя три дня пути мы разбили напротив деревни Вершинино на берегу одного из многочисленных островов Кенозера.

На несколько дней установилась дождливая погода и мы, укрепив лагерь полиэтиленовым тентом, имели возможность спланировать будущее, причем не только на ближайшие дни, но и на несколько полевых сезонов. Затронули и тему развития туризма в этом крае. Было ясно, что местным жителям, если они хотят стать, частью современного быстропеременного и очень сложного мира, необходимо встраиваться в современный стиль жизни. И одним из вариантов этого встраивания был туризм.

В ходе беседы с директором национального парка, во время посещения дер.Вершинино удалось обговорить планы на грядущие полевые сезоны. Руководство Парка было заинтересовано в ландшафтных описаниях экологических троп. Тем самым открывались перспективы для проведения здесь студенческих практик.

Нас же куда больше заинтересовало предложение исследовать район Кенского средневекового волока и спроектировать по нему туристский маршрут. Этот исторический путь использовали новгородцы в средние века, когда осваивали северные земли. Начало этого пути мы видели в устье реки Волошова. Выше по течению лежало озеро Волоцкое. И, наконец, собственно сухопутный участок, где суда тащились по суше волоком – Кенский волок. Преодоление этого маршрута мы запланировали на следующий год, а пока вернулись в лагерь к нашим товарищам.

Большая экспедиционная лодка с экипажем

После двух суток непрерывного дождя мы взяли курс в южную часть оз.Кенозера.

Здесь на одном из болот были отобраны образцы донных отложений. Для этого у сотрудников Института озероведения имелся специальный бур, схожий с теми которыми работал я в Кузнечном на

зимней практике и в экспедиции в Туве. Анализ этих отложений должен был показать природные условия, господствовавшие здесь тысячи лет назад.

Кроме того, пройдя еще южнее мы разбили лагерь, откуда совершили поход к одному из красивейших соборов Кенозерья – Порженскому погосту XVII в.

На обратном пути участники экспедиции в очередной раз могли полюбоваться маковками часовенок в заброшенных деревнях по берегам Кенозера. В обнаруженной рыбацкой полуземлянке удалось организовать баню.

Это было волшебно – после нескольких часов изнурительной гребли, в условиях встречного ветра, принять баню, после, на ужин съесть жаренные грибы и уху из свежельовленной рыбы. Ночные заморозки в эту же ночь стали сигналом об окончании полевого сезона и нашей экспедиции.

В поезде было принято решение отменить запланированную на обратном пути поездку в национальный парк «Русский север». Слишком все устали, да и экспедиционная касса практически исчерпалась. Но так как нам не удалось купить билет на прямой поезд из Плесецка до С-Петербурга мы всё равно провели целый день в г. Вологда.

Десять часов – времени для знакомства с городом предостаточно. Мы не только увидели краеведческий музей и Спасо-Прилукский монастырь, но и поучаствовали в речной экскурсии по реке Вологда.

Только здесь на маленьком теплоходике, на реке, наши взгляды с Людмилой, наконец, встретились. С девушкой, чей образ стал на многие годы путеводным. Чья улыбка была отражением моей. В чьих глазах зарождалось чувство, о котором мечтают все без исключения люди. Чувство, озаряющее светом жизненный путь.

Эпилог

Сентябрь 2004

Этот год выдался напряженным, как из-за социальных катаклизмов, так и из-за природных катастроф.

Но в личном плане для меня этот год стал счастливым: я встретил её и вновь вернулся в географию.

Путешествия, которые были мечтой детства, стали профессией.

Необходимость выражать свои мысли в дневнике больше нет.

Наступил период, когда мечта стала не просто сном, прекрасным и недоступным. Мечта стала движущей силой.

Я живу, когда в диких и безлюдных местах люблюсь первозданной красотой Земли.

Я живу, когда в далеких краях знаколюсь с новыми людьми.

Я живу во время встреч с друзьями, хоть они и становятся с годами реже.

Я живу, когда ощущаю вблизи тепло любимой женщины.

Поезд Санкт-Петербург – Петрозаводск плавно покачивается, отбивая рельсами ритм. Я сопровождаю группу немецких студентов, приехавших в Россию по обмену в поездке, главная цель которой посещение уникального музея-заповедника Кижы в Карелии.

За окном поезда светает. Лес стоит укутанный туманом. В купе холодно – период отопления вагонов еще не начался. Но кроме немецких студентов никто не жалуется. Через пару часов мы приедем в Петрозаводск – город, через который пролёт не один маршрут моих студенческих практик.

Впереди много работы. Но главное, теперь я не один. Со мной любимая, которую я искал годы и у меня есть цель в жизни.

А разве это не счастье?